

С.Е. КИЯСОВ

СИЛЬВЕН МАРЕШАЛЬ

ВВЕДЕНИЕ	3
Глава I. СИЛЬВЕН МАРЕШАЛЬ В ТРУДАХ ЗАРУБЕЖНЫХ И СОВЕТСКИХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ	8
Глава II. СИЛЬВЕН МАРЕШАЛЬ В ГОДЫ КРИЗИСА "СТАРОГО ПОРЯДКА"	24
§ 1. От пасторалей к идее "золотого века"	24
§ 2. Маршалль против абсолютизма	39
Глава III. ВЕЛИКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И СТАНОВЛЕНИЕ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ С.МАРЕШАЛЯ	58
§ 1. В борьбе с монархией, аристократией и церковью (1789-1792 гг.)	58
§ 2. Теория "истинной революции"	74
Глава IV. УТОПИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ С.МАРЕШАЛЯ В ПОСЛЕРЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕРИОД (1796-1803 гг.)	91
§ 1. Сильвен Марешаль и "заговор" Гракха Бабефа	91
§ 2. Поиски новых путей	104
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	127

Веб-публикация:
библиотека Vive Liberta
и Век Просвещения
http://vive-liberta.narod.ru/biblio/biblio_1.htm

В нашей библиотеке также:

Сильвен Марешаль, "Страшный суд над королями"
<http://vive-liberta.narod.ru/biblio/smarch1.pdf>

Статьи в "Парижских революциях"
<http://vive-liberta.narod.ru/biblio/smarch2.pdf>

Д.Тулан-Барановский, "Наполеон и Республиканцы"
http://vive-liberta.narod.ru/biblio/nejacob_tugbaran.htm

Книга посвящена идейно-политической эволюции видного французского утописта, участника коммунистического "заговора во имя равенства" Пьера Сильвена Марешаля (1750-1803). Жизнь и деятельность С. Марешаля исследуется в связи с событиями, происходившими во Франции накануне и в период Великой буржуазной революции и восхождения к власти Наполеона Бонапарта.

Автором предложена и обоснована новая периодизация становления коммунистической концепции писателя-демократа, отразившая противоречия складывающегося во Франции буржуазного государства.

Для специалистов-историков, а также читателей, интересующихся историей радикальной общественно-политической мысли.

Рецензенты: Д.М. Туган-Барановский, кандидат ист. наук,
доцент ВолгОгр. ун-та,
Б.В. Носков, кандидат ист. наук, доцент
Сарат. ун-та.

К 0504030000 - 364 43-87
I76(02) - 87

С. 2022627

ВВЕДЕНИЕ

Пьер Сильвен Марешаль (1750-1803) - видный участник коммунистического "заговора" Гракха Бабефа - прожил яркую, насыщенную событиями жизнь. Его жизненный путь пришелся на один из переломных периодов в истории Франции. Это было время подготовки и свершения Великой буржуазной революции, время, когда передовыми умами овладевали радикальные идеи Просвещения. Вместе с тем это было и время крушения надежд. На глазах участников революционных событий величественные идеалы свободы и равенства воплотились в республику Бонапарта, за которой все явственной проступали контуры будущей Империи. Сложный ход политического развития страны наложил свой отпечаток на идейную эволюцию Марешаля. Он проделал во многом противоречивый путь от автора идиллических пасторалей до сторонника коммунистической теории.

Своим современникам, не посвященным в тайны его политической деятельности, Марешаль был известен как литератор-вольномыслиец и неутомимый проповедник атеизма. Заметим в этой связи, что накануне падения "старого порядка", как, впрочем, и после завершения буржуазной революции, подобный род занятий карался не менее сурово, чем принадлежность к демократической оппозиции. По-видимому, лишь смерть избавила бывшего узника королевских тюрем Сен-Лазара и Бастилии от включения его имени в проскрипционные списки генерала Бонапарта. Однако перо талантливого литератора бесстрашно обличало политическое и социальное неравенство, ограниченность революции, религиозные предрассудки.

Творческое наследие С. Марешаля достаточно внушительно. Им написано более четырех десятков сочинений, нередко многотомных. И это не считая целого ряда изданий энциклопедического характера, снабженных его комментариями, а также тех трудов, авторство ко-

торых ему приписывается, но не установлено точно. Кроме того, С.Марешаль являлся автором многочисленных статей, опубликованных в различных альманахах и газетах революционной эпохи. Наряду с этим, он предстает перед нами не только плодотворным прозаиком, поэтом и публицистом, но также оригинальным драматургом. В годы революции на сцене ряда парижских театров были с успехом поставлены патриотические пьесы Марешаля. Столь значительные масштабы литературной и общественно-политической деятельности писателя позволили современным исследователям отнести его к славной когорте младшего поколения просветителей, среди которых выделяются имена Ж.-А.Кондорсе, Л.-С.Мерсье, П.-Ж.Кабаниса, Ж.-А.Нежона и К.-Ф.Вольнея¹.

На состоявшемся в августе 1960 года международном коллоквиуме в Стокгольме французский историк Ж.Годшо подчеркнул, что идеи Сильвена Марешаля принадлежат к числу проблем, требующих дальнейшего изучения². Справедливость этих слов очевидна и сегодня. Обращение к радикальному мировоззрению Марешаля во многом прояснит наши представления о "сложном и пестром комплексе", каким являлся, по словам академика В.П.Волгина, французский утопический социализм³. В то же время изучение политической биографии одного из соратников Бабефа существенно дополнит историю движения "равных". Наконец, интерес к идейно-политическому наследию С.Марешаля приобретает особое значение в канун 200-летия Великой французской буржуазной революции. Если прогрессивные исследователи стремятся дополнить картину революции новыми, тщательно выверенными фактами, то реакционная историография идет по иному пути. В последние годы на Западе участились попытки переписать историю революционной эпохи, отказавшись при этом от сложившихся в данной области традиций и даже от самого понятия "Великая революция"⁴. Инсинуации буржуазных исследователей коснулись исто-

рии радикальной общественно-политической мысли и, в частности, взглядов С.Марешаля.

Тесная связь социально-политической концепции С.Марешаля с многообразными процессами французской истории конца XVIII столетия обусловила круг привлеченных источников. Особое место среди них принадлежит сочинениям самого писателя. Они являются важнейшими свидетельствами перемен, происходивших в его мировоззрении. Основную массу анализируемых сочинений С.Марешаля составляют прижизненные издания. Это - книги и брошюры, хранящиеся в фондах библиотеки Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, главного хранилища и музея книги Государственной библиотеки СССР им. В.И. Ленина, Института научной информации по общественным наукам (ИНИОН) Академии наук СССР. Наиболее полно творческое наследие Марешаля представлено в коллекции Института марксизма-ленинизма. Она насчитывает более тридцати работ. Это собрание уступает лишь известному фонду французского историка-коммуниста М.Домманже, переданному после его смерти в Институт социальной истории (Париж).

Для осмысления политической концепции С.Марешаля не менее значимы его публицистические выступления на страницах еженедельника "Парижские революции"⁵. Однако выявление этих материалов весьма затруднительно. Все номера подписывал своим именем издатель Л.Прюдом. Это обстоятельство ввело в заблуждение некоторых исследователей. К примеру, французский историк Л.Галуа считал Прюдома единственным редактором издававшейся им газеты⁶. Принадлежность многих анонимных статей еженедельника перу Марешаля установил М.Домманже⁷. Он же обнаружил редактировавшуюся писателем с января по март 1790 года газету "Бочка Диогена"⁸.

⁵ *Révolutions de Paris, dédiées à la nation et au district des petits-augustins, publiées par L. Prudhomme, à l'époque du 12 juillet 1789. Avec gravures et cartes des départemens de France. T. 1-17. Paris, 1789-1794.*

⁶ Gallois L. *Histoire de journaux et des journalistes de la Révolution française (1789-1796)*. T. 1-2. Paris, 1845-1848; T. 2, P. 186-187.

⁷ Dommanget M. *Sylvain Maréchal. L'Égalitaire. L'homme-sans-Dieu (1750-1803). Vie et oeuvre de l'auteur du Manifeste des Égaux*. Paris, 1950. P. 485-491.

⁸ *Le Tonneau de Diogène ou les Révolutions du Clergé*. Paris,

¹ Лившиц Г.М. Французские просветители XVIII века о религии и церкви. Минск, 1976. С. 3; Кузнецов В.Н. Французский материализм XVIII века. М., 1981. С. 27.

² Поршнев Б.Ф. Коллоквиум, посвященный изучению Бабефа и бабуизма // Французский ежегодник. 1960. М., 1961. С. 275.

³ Волгин В.П. Статьи и выступления. М., 1979. С. 59.

⁴ Манфред А.З. Великая французская революция. М., 1983. С. 401-411.

Помимо оригиналов в исследовании использовались переиздания некоторых сочинений С.Марешаля. Они помогли восполнить отсутствие в библиотеках СССР наиболее редких работ писателя. Назовем среди них "Альманах добрых людей"⁹ и памфлет "Поправка к славе Бонапарта"¹⁰. Важным источником являются также русские переводы сочинений писателя. Отметим среди них многоотомный роман "Путешествия Пифагора"¹¹, "Манифест равных"¹², брошюру "Кульм и закон общества безбожников"¹³.

Немало ценных сведений о С.Марешале и его ближайшем окружении содержат мемуары хирондиста Ж.Бриссо, литератора Л.Башомона, члена Исполнительной Директории П.Барраса¹⁴.

Для освещения связей Марешаля с революционной интеллигенцией привлечены издания "Социального кружка" и некоторые фрагменты литературного наследия его друга Н.Бонвилля¹⁵.

Малоизученный бабувистский период жизни и деятельности демократа, помимо книги Ф.Буонаротти, помогают осветить сборники документов, изданные в ходе Вандомского процесса, осудившего, как известно, главных организаторов и вдохновителей коммунистическо-

1790. № I-33. Полный комплект этого редчайшего издания хранится в библиотеке Института марксизма-ленинизма.

⁹ Maréchal S. Almanach des honnêtes gens. L'an premier du règne de la Raison. (1788) // Monin H. Etat de Paris en 1789. Paris, 1889. P.220-225.

¹⁰ (Maréchal S.). Correctif à la gloire de Bonaparte, ou lettre à ce général. A Venise, Et se trouve à Paris. L'an VI (1797) // Revue historique de la Révolution française, 1912, № 1. P.124-129; № 2. P.307-312.

¹¹ Путешествия Пифагора, знаменитого самосского философа, или картина древних славнейших народов, изображающая их происхождение, таинства и достопамятности... / Пер. с франц. Т. I-6. М., 1804-1810.

¹² Буонаротти Ф. Заговор во имя равенства, именуемый заговором Бабефа. Т. I-2. М., 1963; Т. 2. С. 133-139.

¹³ Марешаль С. Избранные атеистические произведения. М., 1958. С. 177-192.

¹⁴ Mémoires de Brissot, membre de l'Assemblée Legislative et de la Convention National. T. 1-2. Paris, 1830; Bachaumont L. Mémoires secrets ... T. 1-36. A Londres, 1777-1789; Mémoires de Barras, membre de Directoire. T. 1-4. Paris, 1895.

¹⁵ Bulletin de la Bouche de fer. Parti 1-2. Paris, 1790; La Chronique du moi, ou les cahiers patriotiques ... A Paris, 1791-1793; Bonneville N. De l'esprit des Religions. A Paris, 1791; idem- Vieux Tribun et sa Bouche de fer. Aux amis de la vérité. Paris, 1797. № 1-71.

го движения "равных"¹⁶. Особый интерес вызывают копии бумаг бабувистской Тайной директории общественного спасения, в которых упоминалось имя С.Марешаля¹⁷. Стенограммы заседаний Верховного суда позволяют получить исчерпывающие сведения о показаниях провокатора Ж.Гризеля, открывшего правительству планы заговорщиков¹⁸. Деятельность С.Марешаля отражена также в ряде рапортов полицейских осведомителей времен Директории и Консульства¹⁹.

В ходе эволюции своих взглядов С.Марешаль испытывал существенное влияние со стороны многих поколений мыслителей: от гуманистов Декарта и Монтеня до демократа Руссо и коммуниста Бабефа. Знакомство с их сочинениями помогает оттенить глубину и самостоятельность собственных размышлений писателя²⁰. Не случайно идеи С.Марешаля пережили своего автора. Проследить влияние его утопических концепций на общественно-политическую мысль XIX столетия позволяют труды Т.Дезами и Э.Кабе²¹.

¹⁶ Подробнее о процессе см.: Далин В.М. Вандомский процесс // Французский ежегодник. 1978. М., 1980. С. 187-198.

¹⁷ Haute-Cour de Justice. Suite. De la copie des pièces saisies dans le local que Babeuf occupait lors de son arrestation. T. 1-2. A Paris, nivôse, an V.

¹⁸ Débats du procès instruit par la Haute-Cour de Justice, contre Drouet, Babeuf et autres; recueillis par des sténographes. Séante à Vendôme. T. 1-4. A Paris, s.d. (1797).

¹⁹ Paris pendant la réaction thermidorienne et sous la Direction. Recueil de documents pour l'histoire de l'esprit public à Paris par A. Aulard. T. 1-5. Paris, 1899-1902; Paris sous le Consulat; recueil des documents pour l'histoire de l'esprit public à Paris par A. Aulard. T. 1-3. Paris, 1903-1906.

²⁰ См.: Декарт Р. Избранные произведения. М., 1950; Монтень М. Опыты. М., 1979. Ч. I-3; Дидро Д. Избранные атеистические произведения. М., 1956; Гольбах П. Избранные произведения. Т. I-2. М., 1963; Руссо Ж.-Ж. Трактаты. М., 1969; Бабеф Г. // Соч. Т. I-4. М., 1975-1982.

²¹ Дезами Т. Кодекс общности. М., 1956; Кабе Э. Путешествие в Икарию. М.-Л., 1948. Ч. I-3.

Глава I. СИЛЬВЕН МАРЕШАЛЬ В ТРУДАХ ЗАРУБЕЖНЫХ И СОВЕТСКИХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

Изучение творческого наследия С.Марешаля насчитывает более чем полуторавековую историю. Первыми о Марешале заговорили современники. Начало было положено полемикой, развернувшейся вокруг его "Словаря древних и новых атеистов", открывающего серию работ, написанных литератором в XIX столетии²². Католический публицист Ж.Кузен выпустил брошюру под названием "Спровержение атеизма, или критическое рассмотрение "Словаря древних и новых атеистов", где Марешаль заклеймен как "полубезумный маньяк, ум которого испорчен изучением нелепых и нечестивых учений"²³. В то же время идеи литератора встретили поддержку в прогрессивных кругах. Известный астроном и атеист Ж. де Лаланд не только выступил в защиту С.Марешаля, но и продолжил его дело. Он написал дополнения к "Словарю", которые впоследствии были включены во второе издание книги.

Атеистическая деятельность Марешаля долгое время оставалась в центре внимания как его противников, так и друзей. Что же касалось политических взглядов писателя, то они долгое время находились вне поля зрения. О них, например, не сообщалось в работе его близкого друга мадам М.Гакон-Дюфур, в мемуарах современников²⁴. Весьма кратким сообщением на этот счет ограничился и

²² Maréchal S. Dictionnaire des athées anciens et modernes. A Paris, an V111 (1800).

²³ Момджян Х.Н. Сильвен Марешаль // Марешаль С. Избранные атеистические произведения... С.434.

²⁴ Gacon-Dufour M. Notice sur Sylvain Maréchal // Maréchal S. De la vertu. Paris, 1807. P.1-72; Mémoires de Brissot ... T.1. P.304-305.

Ж.-Б.Жермон - инициатор переиздания "Словаря древних и новых атеистов". "Марешаль, - писал во вступительной статье Жермон, - воспринимал революционные принципы со всей энергией, на которую только была способна его душа"²⁵. Далее автор называл писателя единомышленником Шометта, Робеспьера и "других корифеев революционной партии", а также сторонником "кровожадной анархии". Впрочем, никаких конкретных данных, подтверждающих подобную характеристику, Жермон в своей статье не приводит. О сотрудничестве Марешаля с еженедельником "Парижские революции" мельком сообщалось в небольшой заметке, опубликованной в историческом словаре А.Арно²⁶.

В 1828 году была раскрыта тайна участия С.Марешаля в бабувистской организации. Впервые об этом рассказал Ф.Буонарроти - сподвижник Бабефа и первый историк "заговора равных"²⁷. В его книге Марешаль изображен как один из лидеров движения, назван членом руководящего центра организации - Тайной директории общественного спасения. Но все же Буонарроти не осветил в достаточной степени роль этого человека в тайном бабувистском обществе. Ни слова не сказано в книге и о том, каким образом Марешаль избежал суда над заговорщиками в Вандоме. Подобная недоговоренность привела к тому, что свидетельство Буонарроти было поставлено под сомнение, и участие Марешаля в коммунистическом заговоре по-прежнему замалчивалось. Лишь Т.Дезами и его ближайшие соратники подчеркивали участие писателя в заговорческой деятельности бабувистов²⁸. В этой связи можно согласиться с мнением М.Домманже, считавшего, что подавляющее большинство западноевропейских исследователей прошлого столетия уделяло внимание лишь философским и атеистическим воззрениям Марешаля²⁹. Этой теме отведено немало

²⁵ Germond J.-B. Notice nouvelle sur la vie et les ouvrages de Sylvain Maréchal // Maréchal S. Dictionnaire des athées anciens et modernes. Deuxième édition. Bruxelles, 1833. P.12-13.

²⁶ Biographie nouvelle des contemporains, ou Dictionnaire historique et raisonné ... par A.-V. Arnault, A. Jay etc. Paris, 1823. T.12. P.412-415.

²⁷ Буонарроти Ф. Заговор во имя равенства... Т.1-2.

²⁸ См.: Дезами Т. Кодекс общности... С.274;

²⁹ Dommanget M. Op. cit. P.8.

страниц в труде Ф.Дамирона³⁰. Видный буржуазный исследователь (член Института, почетный профессор литературного факультета Сорбонны) писал о С.Марешале как о "маньяке атеизма". Не случайно, главное внимание сосредоточено им на критике известного "Словаря дрезних и новых атеистов". В то же время Дамирон с очевидным удовольствием превозносил добродетель Марешала, которая, якобы, позволяла ему соединять вольномыслие с уважением религиозных чувств близких. Не была здесь, впрочем, обойдена вниманием и политическая судьба Марешала. "Он был также редактором программы бабувистов", - сухо заметил Дамирон в одной из сносок³¹. Философом-материалистом и атеистом Марешаль предстает в работах Э.Жюйе, Л.Ноака, в многочисленных словарях и справочных изданиях прошлого столетия³².

Во второй половине XIX века наметился интерес к утопическим воззрениям С.Марешала. Этот поворот в изучении творчества писателя-демократа был тесно связан с происходившим в то время переосмыслением истории радикальной общественно-политической мысли, предпринятым К.Марксом и Ф.Энгельсом. Именно они положили начало подлинно научному освещению социалистических и коммунистических идей.

В отличие от представителей буржуазной исторической мысли, не переступавших рамки самых примитивных жизнеописаний и предвзятого "анализа" воззрений утопистов, основоположники марксизма уделяли этой теме огромное внимание. Уже в ранних сочинениях К.Маркса и Ф.Энгельса - "Святом семействе", "Немецкой идеологии" и во многих других была определена классовая сущность критически-утопического коммунизма и социализма как идеологии, отражающей чаяния пролетариата. В то же время они предупреждали о несостоятельности попыток выдать утопические концепции за предвосхищение идей научного коммунизма. "Значение критически-утопического со-

циализма и коммунизма, - подчеркивалось в "Манифесте коммунистической партии", - состоит в обратном отношении к историческому развитию"³³.

Значительное место в трудах К.Маркса и Ф.Энгельса отведено характеристике первого в истории коммунистического выступления "заговора равных". Отвергая аскетизм и грубую уравнильность бабувистов, они одновременно напоминали, что "Бабеф и участники его заговора сделали в отношении равенства самые далеко идущие выводы из идеи демократии 1793 г., какие только были возможны в то время"³⁵.

Ни К.Маркс, ни Ф.Энгельс не называли имени С.Марешала. Тем не менее марксистская оценка движения "равных", идеологии бабувистов, несомненно, вообрала в себя основные моменты эволюции и этого соратника Г.Бабефа.

Естественно, что выход на политическую арену марксизма придал спорам вокруг идеи коммунизма новую силу. К этой теме обратились и реакционные, и прогрессивные исследователи. Так, о бабувистах писал в своем фундаментальном труде Б.Малон - один из лидеров французской секции I Интернационала, прудонист и родоначальник так называемого "интегрального социализма"³⁶. Им же был опубликован "Манифест равных" С.Марешала³⁷. Как представитель революционного коммунизма Марешаль упоминался на страницах известных работ видного французского историка общественной мысли А.Лихтенберге³⁸.

Радикальные взгляды С.Марешала привлекли внимание историков

³⁰ Damiron Ph. Mémoires pour servir à l'histoire de la philosophie au XVIIIe siècle. T.1-2. Paris, 1858; T.2. P.442-465.

³¹ Ibid. P.442.

³² Joyau E. La philosophie en France pendant la Révolution (1789-1795). Paris, 1893. P.148-154; Noack L. Philosophie-geschichtliches Lexikon. Leipzig, 1879. P.584; Biographie universelle classique ou Dictionnaire historique portatif. Deuxième partie. Paris, 1829. P.1862 etc.

³³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. - 2-е изд. - Т.4. - С.456.

³⁴ Там же. С.455.

³⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. - 2-е изд. - Т.2. - С.589.

³⁶ Malon B. Histoire du socialisme depuis les temps le plus reculés jusqu'à nos jours. T.1-3. Paris, 1882-1884; T.1. P.287-301.

³⁷ Ibid. P.288-294.

³⁸ Lichtenberger A. Le socialisme au XVIIIe siècle. Étude sur les idées socialistes dans les écrivains français du XVIIIe siècle avant la Révolution. Paris, 1895. P.440-442; idem- Le socialisme utopique. Études sur quelques précurseurs inconnus du socialisme. Paris, 1898. P.168; idem- Le socialisme et la Révolution française. Étude sur les idées socialistes en France de 1789 à 1796. Paris, 1899. P.47-49.

консервативного толка. В 1850 году вышло в свет сочинение профессора католического университета в Лувене (Бельгия) Ж.Тониссена, в котором автор зарекомендовал себя как апологет частной собственности. "История собственности, - провозглашал он, - есть история цивилизации"³⁹. Коммунизм же рассматривался им как синоним варварства и дикости. Этот реакционер и клерикал, доказывающий порочность и гибельность коммунистических идеалов чуть ли не со времен Адама, не обошел вниманием и Марешаля. Особое впечатление на "исследователя" произвел "Манифест равных". По-видимому, задавшись целью еще более запугать обывателей призраком коммунизма, Тониссен поместил этот документ на страницах своей книги.

Крайне негативно отзывались о радикальных взглядах С.Марешаля и другие видные антикоммунисты: А.Сюдр, Амедей ле Фор⁴⁰.

В последней трети минувшего века имя соратника и друга Бабефа заинтересовало историков анархизма, масонства, французского революционного театра и литературы⁴¹.

Новый этап в изучении бабувистской деятельности Марешаля был связан с работами В.Адвиелля⁴² и Г.Девилля⁴³. Отныне факт участия писателя в коммунистическом движении конца XVIII века ни у кого не вызывал сомнений. Но, как и прежде, оставались нерешенными многие другие вопросы, связанные с его практической деятельностью в бабувистской организации. Ни Адвиелля, ни Девилля не насторожило отсутствие этого члена Тайной директории на судебном процессе над бабувистами в Вандоме. По мнению Девилля, Марешаль,

как и другой член Директории - Ф.Дебон, сумел избежать ареста благодаря случайности⁴⁴.

В 1910 году вопрос - был ли С.Марешаль автором "Манифеста равных" - вновь поднял швейцарский исследователь О.Кармин. Не отвергая свидетельство Буонарроти, историк вместе с тем допускал возможность неточности или ошибки с его стороны. Поэтому Кармин предпринял поиск дополнительных данных, которые смогли бы подтвердить или опровергнуть слова бабувиста. Он обратился к сочинению Марешаля "Госпожа Природа у решетки Национального собрания" (1791 г.), пытаясь обнаружить здесь черты сходства с "Манифестом". Сопоставление привело исследователя к мысли, что оба сочинения написаны одним и тем же человеком⁴⁵. Но этот вывод не рассеял сомнений Кармина. Лишь в более позднем его исследовании Марешаль был назван автором бабувистского документа⁴⁶.

Впоследствии О.Кармин занялся изучением творчества писателя более основательно. Этот историк был составителем первой библиографии трудов С.Марешаля⁴⁷, а также инициатором новой публикации его известного антибонапартистского памфлета и двух писем в одну из столичных газет по поводу благоустройства улиц⁴⁸.

Одновременно с работами О.Кармина в Париже появился труд прогрессивного французского историка А.Шабосо "От Бабефа к Коммуне". Его особенностью было пристальное внимание автора к Марешалю-бабувисту. В отличие от Кармина, у Шабосо не возникло и тени сомнения относительно авторства "Манифеста равных", текст которого приведен в книге полностью. Более того, по мнению Шабосо, С.Марешаль был соавтором Буонарроти при написании и другого программного документа движения "равных" - "Анализа доктрины Бабефа".

³⁹ Thonissen J.J. Le socialisme dans le passé. T.1-3. Bruxelles, 1850; T.3. P.246.

⁴⁰ Sudre A. Histoire du communisme ou réfutation historique des utopies socialistes. Quatrième édition. Paris, 1850. P.313-314; Faure A. Le Socialisme pendant la révolution française. Paris, 1863. P.72-79.

⁴¹ Nettlau M. Bibliographie de l'Anarchie. Paris, 1897. N8. P.3; Amiable L. Les origines maçonniques du musée de Paris et du lycée // La Révolution française, Juillet-décembre 1896. T.31. P.484-500; Welschinger H. Le Théâtre de la Révolution 1789-1799. Paris, 1881. P.201-203; idem- Les Almanachs de la Révolution. Paris, 1884. P.1-6 etc.

⁴² Advieille V. Histoire de Gracchus Babeuf et du babouvisme, d'après de nombreux documents inédits. T.1-2. Paris, 1884.

⁴³ Deville G. Termidor et Directoire (1794-1799) // Histoire socialiste (1789-1900) sous la direction de Jean Jaurès. T.5. Paris s.d.

⁴⁴ Deville G. Op.cit. P.327-328.

⁴⁵ Karmin O. Sylvain Maréchal et le manifeste des Égaux // Revue historique de la Révolution française. 1910. T.1. P.507-513.

⁴⁶ Karmin O. Tableaux chronologiques pour servir à l'étude de l'histoire des systèmes économiques et socialistes de 1500 à 1886. Genève, 1911. P.10.

⁴⁷ Karmin O. Essai d'une bibliographie de Sylvain Maréchal // Revue historique de la Révolution française. 1911. N6. P.262-267.

⁴⁸ Revue historique de la Révolution française. 1912. N1. P.124-129; N2. P.307-312; Karmin O. Deux lettres de Sylvain Maréchal contre l'Etat des rues parisiennes en 1786 et 1787 // Revue historique de la Révolution française. 1915. N24. P.301-303.

Французский исследователь оказался одним из первых, кто не оставил без внимания по меньшей мере странный факт отсутствия Марешаля и некоторых других видных бабувистов на судебном процессе в Вандоме. В частности, он пишет: "Полиция долгое время искала 15 других обвиняемых, в том числе, трех членов Тайной дирекции - Дебона, Лепелетье и Марешаля"⁴⁹. Однако причины, вследствие которых эти розыски так и остались безрезультатными, были исследователю не известны.

Если философские взгляды С.Марешаля, а также его участие в "заговоре равных" изучались историками XIX-начала XX вв. достаточно интенсивно, то последние годы жизни писателя практически не привлекали внимания. В данной области можно выделить лишь небольшую статью А.Матьеа, посвященную антибонапартистскому пемфлету писателя-демократа⁵⁰. Некоторый интерес представляет также монография этого видного французского историка о теофилянтрапах где кратко упоминается о связях Марешаля с этой сектой⁵¹.

Первая монография о С.Марешале появилась накануне второй мировой войны. В обширном исследовании К.Юзиля обстоятельно рассмотрено литературное творчество писателя, его атеистические и общественно-политические взгляды, участие в "заговоре равных". Очевидная неординарность Марешаля уже в самом начале заставила признать автора, что он "заслуживает место в истории идей"⁵². Особо в книге подчеркивалась приверженность писателя идеям Ж.-Ж. Руссо. Сквозь призму его концепций и прослежена эволюция Марешаля. По мнению Юзиля, он был не более, как "alter ego" великого женева⁵³.

Подлинного своего исследователя Марешаль обрел в лице Мориса Домманже⁵⁴, посвятившего изучению жизни, творчества и политиче-

ской деятельности писателя более сорока лет своей жизни. Первая работа этого цикла была опубликована историком в 1911 году и, наконец, в 1950, в Париже вышел в свет его завершающий труд - "Сильвен Марешаль. Эгалитарист. Безбожник...".

Домманже пишет о Марешале как об одном из самых оригинальных представителей французского Просвещения. Он справедливо подчеркивал, что жизнь и деятельность этого незаурядного человека мало и плохо изучены, оставаясь во многом проблематичными. В особенности данное замечание касается, по мнению Домманже, его бабувистской деятельности⁵⁵. Главной же целью своего фундаментального труда автор считал создание достоверного и убедительного портрета Марешаля⁵⁶.

Несмотря на неоспоримую ценность книги М.Домманже, вобравшей в себя огромный фактический материал, она не лишена некоторых методологических ошибок, что и было отмечено советскими учеными. В частности, уклоняясь от точного определения классовой сущности общественно-политических взглядов Марешаля, автор представлял их как результат влияния радикальных учений XVIII века.

В целом значение труда М.Домманже трудно переоценить. По мнению советских исследователей, его изыскания остаются самыми серьезными в данной области вплоть до настоящего времени⁵⁷. Тем не менее, монография не получила должной оценки и признания во Франции. С критикой в ее адрес выступил, например, такой авторитет как Ж.Лефевр, считавший ненужным столь серьезно заниматься личностью Марешаля. В своей рецензии Лефевр указывал и на сомнительность политической репутации писателя в период бабувистского заговора, напоминая, что тот "не был ни арестован, ни предан суду и, вопреки гипотетическим объяснениям Домманже, этот факт не пе-

Революционное прошлое Франции в работах Мориса Домманже // Вопросы истории, 1970. № 7. С.175-181.

⁵⁵ Dommanget M. Op. cit. P.8. Действительно, деятельность Марешаля в период "заговора равных" нуждалась не только в уточнении, но и в реабилитации. Еще в 1924 г. французский историк Ж.Париже, по существу, обвинил Марешаля в предательстве, лишь на том основании, что он не подвергся преследованию в 1796 году (см.: Pariset G. Babouvisme et maçonnerie // Mélanges offerts à M.Charles Andler.Strasbourg, 1924. P.269-276.

⁵⁶ Dommanget M. Op. cit. P.5-6.

⁵⁷ Иоаннисян А.Р. Коммунистические идеи в годы Великой французской революции. М., 1966. С.141.

⁴⁹ Chabosseau A. De Babeuf à la Commune.Paris,1911. P.16.

⁵⁰ Mathiez A. Une brochure anti-bonapartiste en l'an VI. Les prédictions de Sylvain Maréchal // La Révolution française, 1903,№44.P.249-255.

⁵¹ Mathiez A. La Théophilanthropie et le culte décadaire. 1796-1801.Essai sur l'histoire religieuse de la Révolution. Paris,1904. P.541-542.

⁵² Fusil C.-A. Sylvain Maréchal ou l'Homme sans Dieu H.S.D. 1750-1803.Paris,1936. P.V111.

⁵³ Ibid. P.X1.

⁵⁴ О творчестве М.Домманже (1888-1976) см.: Дразнинас Я.И.

рестает быть удивительным, если не тревожным⁵⁸. По мнению Ле-февра, Марешаль всегда оставался "мелким буржуа", кабинетным человеком без прочных связей с внешним миром⁵⁹.

Опубликование М. Домманже труда о Марешале отнюдь не означало, что исследователь исключил его из круга своих разнообразных научных интересов. Данная тема по-прежнему волновала и привлекала к себе историка. В 1960 году на коллоквиуме в Стокгольме было зачитано сообщение М. Домманже, в котором освещалось отношение лидеров бабувистского движения, в том числе и Марешаля, к якобинской конституции 1793 г.⁶⁰ Несколько глав было посвящено Марешалю в последних книгах историка-коммуниста⁶¹.

Новейшая зарубежная историография отмечена подлинным взрывом интереса к проблеме утопического социализма. Внимание исследователей привлекает, в частности, история движения "равных". Одним из признанных авторитетов в данной области является французский историк-марксист К. Мазорик - автор труда, посвященного лидерам бабувистского заговора. Значительное внимание здесь уделено С. Марешалю. В частности, автор попытался по-новому объяснить его отсутствие в Вандоме, где были осуждены и казнены Бабеф и Дартэ. Мазорик отверг версию случайности, которая оправдывала поведение Марешаля. По мнению историка, он не был арестован в результате преднамеренного ограничения репрессий против заговорщиков⁶².

Немало страниц Марешалю-бабувисту отведено в книгах К. Бергманна⁶³ и Р. Леграна⁶⁴. Но авторы не ставили своей целью объяснить

наиболее загадочные моменты в политической деятельности составителя "Манифеста равных". Голландец А. Леннинг, следуя примеру Ле-февра, вновь подчеркнул, что объяснения М. Домманже относительно отсутствия писателя в числе арестованных и преданных суду бабувистов, "не являются ни окончательными, ни убедительными"⁶⁵.

Чрезвычайно интересно и небольшое исследование С. Бернстайна (США), продолжившее изучение поэтического наследия бабувистов. Здесь опубликовано стихотворение Марешаля "Новая песня для предместий", пользовавшаяся во время заговора широкой известностью и популярностью в рабочих кварталах Парижа⁶⁶.

В 1975 году, в Италии, появилось новое монографическое исследование о Марешале⁶⁷. Его автор, Франсуаза Обер, рассматривает писателя как сторонника теории "естественного права" и мелкой частной собственности. "В Эльдорадо, которое пастух Сильвен пытается воссоздать в мечтах, - пишет исследовательница, - счастье, благополучие зависят от уважения естественных прав: равенства, собственности, права отца быть понтификом и королем для своих детей"⁶⁸. Важно подчеркнуть, что Марешаль выступает в книге Ф. Обер человеком, преданным идее частной собственности и в период своего участия в коммунистическом "заговоре" Бабефа⁶⁹.

В нашей стране знакомство с радикальным творчеством Марешаля состоялось в начале XIX столетия. В это время в Москве был осуществлен анонимный перевод его шеститомного романа "Путешествия Пифагора", ранее изданного в Париже⁷⁰. Однако изучение творчества писателя-утописта началось в России много позднее. По существ-

⁵⁸ Annales historique de la Révolution française. 1951. N123. P.311.

⁵⁹ Ibidem.

⁶⁰ Домманже М. "Равные" и конституция 1793 г. // Французский ежегодник. 1960. М., 1961. С.72-94.

⁶¹ Dommanget M. Babeuf et la Conjuratation des Égaux. Paris, 1970. P.214-290; idem- Les grands socialistes et l'éducation: de Blaton à Lénine. Paris, 1970. P.99-116.

⁶² Mazauric C. Babeuf et la conspiration pour l'égalité. Paris, 1962. P.110-111, 206. Подобного мнения придерживается и французский историк Ж. Бруа (см.: Bruhat J. Gracchus Babeuf et les Égaux ou "Le premier parti communiste agissant". Paris, 1978. P.193).

⁶³ Bergmann K.H. Babeuf. Gleich und Ungleich. Köln, 1965. P.126, 150-152, 285-287.

⁶⁴ Legrand R. Babeuf et ses compagnons de route. Paris, 1981.

⁶⁵ Lehning A. De Buonarroti à Bakounine. Études sur le socialisme International. Paris, 1977. P.298.

⁶⁶ Бернстайн С. Бабувистский фольклор // Французский ежегодник. 1974. М., 1974. С.272-285.

⁶⁷ Aubert F. Sylvain Maréchal. Passion et faillite d'un égalitaire. Gollardica-Fina, 1975.

⁶⁸ Ibid. P.51.

⁶⁹ Ibid. P.113-126.

⁷⁰ Данное издание охватило лишь пять томов оригинала. Частичный перевод шестого тома сочинения Марешаля (325 сантений из 3006) был опубликован отдельно (см.: Пифагоровы законы и нравственные правила. СПб., 1806). Об истории перевода романа Марешаля см.: Ошман В.Г. Из истории агитационно-пропагандистской литературы 20-х годов XIX века // Очерки истории движения декабристов. М., 1964. С.451-515.

ву, единственным источником сведений о Марешале долгое время было небольшое энциклопедическое издание, в котором ему посвящали маленькую заметку. Автор "Путешествий" представлял в ней как "один из второстепенных, но крайне настоячивых представителей материализма и атеизма Франции конца XVIII в."⁷¹. "Во время Директории, - писал автор заметки, - он думал вместе с Бабефом, посредством ужасов террора, ввести во Франции коммунизм"⁷². Кратко об участии Марешала в "заговоре равных" сообщали кроме того А. Шеллер, Д. Щеглов, Е.В.Тарле⁷³. Несколько строк этой теме уделил в своей книге о французской революции П.А.Кропоткин⁷⁴. "Манифест равных" С.Марешала привлек внимание народника П.Ткачева. В 1876-1877 годах, в редактируемой им газете "Набат", этот документ был впервые переведен и опубликован на русском языке⁷⁵.

После свершения социалистической революции в нашей стране с огромным энтузиазмом началось изучение истории международного революционного и коммунистического движения. Появился ряд работ, посвященных "заговору" Бабефа. В 1927 году вышла в свет книга П.Щеголева, в которой автор, первым в советской историографии, попытался осветить идеологию и историю этого коммунистического движения⁷⁶. В исследовании неоднократно упоминалось имя С.Марешала, но П.Щеголеву не удалось сообщить о его участии в движении более того, что писал Буонарроти.

Значительный интерес вызвали атеистические убеждения Мареша-

⁷¹ Философский лексикон. Киев, 1866. Т.3. С.381-382.

⁷² Там же.

⁷³ Шеллер А. Пролетариат во Франции 1789-1862. СПб., 1872. С.60; Щеглов Д. История социальных систем от древности до наших дней. Т.1-2. СПб., 1870-1889. Т.1. С.234; Тарле Е.В. Даво Бабефа // Мир божий, 1896. № 4-5; его же. Рабочий класс во Франции в эпоху революции. СПб., 1911. Ч.2. С.506.

⁷⁴ Кропоткин П.А. Великая французская революция 1789-1793. М., 1979. С.379 и т.д. (первое русское издание книги вышло в 1914 г.). Несомненно, П.Кропоткину было достаточно хорошо известно имя С.Марешала. В личной библиотеке русского революционера находились упомянутые работы швейцарца О.Кармина о даровенной на-писью (в настоящее время они находятся в отделе редких книг Го-сударственной библиотеки им. В.И.Ленина).

⁷⁵ Грахс Бабеф и "заговор равных" // Набат. 1876, № 10; 1877. № 1-3.

⁷⁶ Щеголев П.П. Заговор Бабефа. м., 1927.

ля, которые рассматривались в работах И.П.Вороницина⁷⁷. Под редакцией П.Фридлянда вышли отрывки из "Французского Лукреция" - одного из крупнейших произведений писателя⁷⁸. Список переведенных на русский язык сочинений Марешала был продолжен в 1934 году, когда в сборнике, посвященном 150-летию Ленинградской театральной библиотеки им. А.В.Дунаевского, была помещена пьеса "Страшный суд над королями"⁷⁹.

Говоря о начале изучения бабунизма в СССР, нельзя не упомянуть имени В.П.Волгина - основателя советской школы исследователей общественной мысли. В своих трудах В.П.Волгин неоднократно обращался к истории "заговора" Г.Бабефа, писал он и о Марешале. В книге "Французский утопический коммунизм" С.Марешаль представлен им как сторонник идеалов Ж.-Ж.Руссо⁸⁰. Здесь же прослежено влияние анархистских воззрений этого видного представителя французского утопического коммунизма на необабувистские круги во Франции в 40-е годы XIX века⁸¹.

Немалый вклад в изучение социально-политических и атеистических взглядов Марешала внес Х.Н.Момджян. В 1944 году советский исследователь опубликовал первую специальную работу, посвященную названным проблемам⁸². Впоследствии ее переработанный и дополненный вариант был включен в качестве вступления в "Избранные атеистические произведения" Марешала.

Выявлению классовой принадлежности политической идеологии С.Марешала посвящалась статья И.А.Никитиной⁸³. Данное исследование является одним из лучших в этом направлении. Правда, автор

⁷⁷ Вороницин И.П. Светский календарь Великой французской революции... // Атеист. 1926. № 9. С.1-22; его же. История атеизма. 3-е изд. Рязань, 1930. С.411.

⁷⁸ Атеизм и борьба с церковью в эпоху Великой французской революции. М., 1933. Ч.1. С.56-64.

⁷⁹ Державин К.Н. Политфарс Сильвена Марешала "Страшный суд над королями"... // Театральное наследие. М., 1934. С.255-276.

⁸⁰ Волгин В.П. Французский утопический коммунизм. М., 1960. С.82.

⁸¹ Там же. С.176-177.

⁸² Момджян Х.Н. Сильвен Марешаль // Изв. АН Армянской ССР, 1944. № 1-2. С.104-139.

⁸³ Никитина И.А. Общественно-политические взгляды С.Марешала и их классовая сущность // Учен. зап. МПМ им. В.П.Ломтекина. М., 1966. Т.58. Вып.3. С.141-174.

уделил явно недостаточное внимание участию писателя-демократа в бабувистском заговоре.

Внимание советских исследователей привлекала не только практическая революционная деятельность Марешаля, но также его революционно-публицистическое творчество⁸⁴.

Изучению роли С.Марешаля в бабувистском заговоре наибольшее внимание уделил в своих работах Г.С.Кучеренко⁸⁵. Вслед за М.Доманже советский историк вновь подчеркнул руководящее участие писателя-демократа в тайной организации Бабефа. Им освещен заключительный этап конспиративной деятельности Марешаля. Как и большинство современных исследователей, Г.С.Кучеренко признал, что Марешалю удалось избежать репрессий в значительной степени благодаря случайному стечению обстоятельств и вмешательству влиятельных покровителей. Не отвергая вероятность подобного исхода, можно предположить, что решающее значение здесь сыграли идейные разногласия, возникшие между членами Тайной директории. Об отсутствии единства среди лидеров бабувистского заговора, кстати, писал и сам исследователь⁸⁶. По мнению Г.С.Кучеренко, видный член бабувистской директории оставался верным традициям заговора и в последние годы жизни⁸⁷.

В целом причисление С.Марешаля к разряду решительных и последовательных сторонников революционной, коммунистической доктрины Бабефа вряд ли соответствует действительному положению вещей. Изучение документов "заговора равных", материалов Вандомского процесса, полицейских бюллетеней и, наконец, творческого насле-

⁸⁴ Обломиевский Д.И. Литература французской революции 1789-1794 гг. М., 1964. С.292-327; Великовский С.И. Поэтическое наследие участников "заговора равных" Г.Бабефа // Вопросы литературы. 1959. № 2. С.197-208; его же. Поэты французских революций 1789-1848. М., 1963. С.99-110.

⁸⁵ См., напр.: Кучеренко Г.С. Роль Сильвена Марешаля в "заговоре равных" // Новая и новейшая история. 1961. № 6. С.114-121.

⁸⁶ Кучеренко Г.С. Судьба "Завещания" Жана Мелье в XVIII веке. М., 1968. С.141.

⁸⁷ Кучеренко Г.С. Проблемы западноевропейского утопического социализма в творчестве Е.В.Тарле // История социалистических учений. Вопросы историографии. М., 1977. С.67; его же. Исследования по истории общественной мысли Франции и Англии (XVI-первая половина XIX в.). М., 1981. С.189-209, 211-236.

самого писателя свидетельствует о более сложной эволюции общественно-политических взглядов⁸⁸.

Знаменательным явлением в изучении идей французского утопического коммунизма стала монография А.Р.Иоаннисяна. Обширный раздел в ней отведен С.Марешалю. Автор прослеживает основные этапы идейной эволюции бабувиста. Общественный идеал Марешаля представляется автору как идеал общинного коммунизма⁸⁹. Принципиальное значение имеет и тот вывод А.Р.Иоаннисяна, где подчеркивается отличие коммунистических представлений Марешаля и Бабефа⁹⁰.

Коммунистические идеи С.Марешаля, его общественно-политическая деятельность долгое время были в центре внимания ленинградского историка С.С.Сафронова. Он также рассматривал этого человека в качестве убежденного сторонника революционных концепций Бабефа⁹¹.

Теме "Марешаль и дореволюционная Россия" посвящена книга Г.А.Дихоткина⁹². Основное внимание здесь уделено изучению своеобразного документа начала XIX века - "Завещания Екатерины II", автором которого, как утверждает исследователь, был С.Марешаль. Идейное содержание этой литературной мистификации видится Г.А.Дихоткину в критике феодально-монархической деспотии и в отрицании известной теории просвещенной монархии⁹³.

⁸⁸ Подробнее см.: Киясов С.Е. Сильвен Марешаль и "заговор" Гракса Бабефа // Новая и новейшая история. Саратов, 1980. Вып. 6. С.93-107; его же. Сильвен Марешаль после поражения "заговора равных" (1796 г.) // Новая и новейшая история. 1982. № 6. С.73-87; его же. Политическое завещание Сильвена Марешаля // Новая и новейшая история. Саратов, 1983. Вып. 7. С.103-118.

⁸⁹ Иоаннисян А.Р. Указ. соч. С.157.

⁹⁰ Там же. С.160. Это положение подтверждено в новой книге исследователя (см.: Иоаннисян А.Р. К истории французского утопического коммунизма первой половины XIX столетия. М., 1981. С.46, 149, 155).

⁹¹ Сафронов С.С. Коммунистические идеи Пьера Сильвена Марешаля // Учен. зап. ЛПТИ им. А.И.Герцена. Очерки всеобщей истории. 1969. Т.307. С.265-277; его же. Пьер Сильвен Марешаль и якобинская республика (1793-1794) // XX Герценовские чтения. Л., 1967. С.69-71; его же. Сильвен Марешаль против генерала Бонапарта // XX Герценовские чтения. Л., 1970. С.86-88.

⁹² Дихоткин Г.А. Сильвен Марешаль и "Завещание Екатерины II" (к истории одной литературной мистификации). Л., 1974. См.: рецензия Сафонова М.М. Сильвен Марешаль - автор "Завещания Екатерины II" // Русская литература. 1977. № 1. С.199-200.

⁹³ Дихоткин Г.А. Указ. соч. С.49. Подобная точка зрения не

В послевоенные десятилетия работы о С.Марешале вышли в социалистических странах. В 1959 году в Чехословакии были опубликованы фрагменты его атеистических произведений⁹⁴. В Польше изучение философских и социальных взглядов писателя плодотворно ведет М.Скржипек. Польский историк-марксист опубликовал серию работ по этим проблемам. Так, его статья "Сильвен Марешаль. Представитель просветительской теории религии" посвящена материалистической философии писателя. Важной особенностью взгляда Марешаля на мир было, по мнению Скржипека, единство его философских, атеистических и общественно-политических воззрений, их тесная связь с революционной практикой⁹⁵. Участие Марешаля в кампании дехристианизации, а также в заговоре Бабефа подтверждает справедливость и обоснованность подобного вывода. Обратившись к социальной утопии Марешаля, польский исследователь характеризует ее, с одной стороны, как "радикальную версию руссоизма", а с другой, отдавая дань модернизму, - как "предвосхищение научного социализма"⁹⁶.

Работы советских и прогрессивных зарубежных исследователей, появившиеся в последнее время, не оставили камня на камне от тех ошибочных взглядов и тенденций в области изучения политической эволюции Марешаля, которые бытовали в недалеком прошлом. Фанатизм, рифмоплетство и многие другие "грехи", приписываемые ему ранее, в наши дни окончательно отмечены. Перед нами все яснее вырисовывается образ философа-материалиста, выдающегося атеиста своего времени, человека, преданного идеалам коммунизма, какими он их себе представлял.

На общем фоне достигнутых успехов все отчетливее виден круг нерешенных в данной области проблем. По сей день преобладают краткие, весьма лаконичные и повторяющиеся оценки участия и роли С.Марешаля в бабучистском движении. Это мешает внести оконча-

тельность в освещение главного события политической деятельности писателя-демократа. Слабо изученным, а потому спорным, в историографии является и завершающий отрезок творческого пути Марешаля. Необходим анализ революционной публицистики писателя, его философских и атеистических воззрений. Серьезной проблемой представляется осмысление влияния Великой французской буржуазной революции на становление общественно-политических взглядов соратника Бабефа. "Проблема Марешаля, - подчеркивал С.С.Сафронов, - еще далеко не решена"⁹⁷.

является единственной. По мнению автора рецензии на книгу Г.А. Лихоткина, текст "Завещания" имеет антибонапартистское содержание (см.: Сафронов М.М. Против кого был направлен памфлет? // В просы истории. 1979. № 1. С.175-180).

⁹⁴ Maréchal P.S. Ateisti. Bratislava, 1959.

⁹⁵ Skrzypek M. Sylvain Maréchal. Przedstawiciel oświeceniowej teorii religii // Studia Religioznawcze. Warszawa. 1974. №9.

⁹⁶ Skrzypek M. Utopia społeczna Sylwaina Maréchala i jej filozoficzne przesłanki // Archiwum Historii Filozofii i myśli społecznej. Wrocław-Warszawa-Kraków-Gdańsk. 1973. T. 19. S. 105-134.

Сафронов С.С. Основные направления историографии французской политической мысли конца XVIII века // Историография революций и социалистических революций зарубежных стран. С.70.

Главе П. СИЛЬВЕН МАРЕШАЛЬ В ГОДЫ КРИЗИСА
"СТАРОГО ПОРЯДКА"

§ I. От пасторалей к идее "золотого века"

Социально-политические взгляды С.Марешаля складывались в условиях революционной эпохи. Кризис феодально-абсолютистского строя, драматические события революционных лет и, наконец, начавшееся во Франции становление буржуазного общества определили их радикальную направленность. Эта связь нашла отражение в обширном творческом наследии писателя. Показательны в этом плане первые шаги Марешаля на литературном поприще. Многие элементы его мировоззренческой системы (критика и отрицание гражданского общества, идеализация патриархального "золотого века") сформировались задолго до падения "старого порядка". Два десятилетия, отделявшие автора пасторалей от пламенного революционного трибуна, выступают в конечном итоге важным звеном эволюции его эгалитарной, а впоследствии - коммунистической системы взглядов.

Пьер Сильвен Марешаль родился в Париже в семье добропорядочных и консервативных буржуа. Его родители владели небольшой винной лавкой, расположенной на одной из многочисленных улочек квартала Рынков. Здесь, в сердце старого Парижа, прошло около четырех десятилетий жизни писателя-демократа и атеиста⁹⁸.

О детстве и отрочестве С.Марешаля известно немного: несколь-

⁹⁸ В доме родителей С.Марешаль жил вплоть до своего ареста и заключения в тюрьму Сен-Лазар в январе 1788 г. Известно, что в полицейском "lettre de cachet" (тайный приказ об аресте, - С.К.), составленном на имя крамольного автора "Альманаха добрых людей", указан именно этот адрес: улица Прешар, № 29 - см.: Morin H. L'Etat de Paris en 1789... P.220-221. Впоследствии С.Марешаль неоднократно менял местожительство и умер в столичном предместье Монруж.

ко строк в записках его друзей и скупые фразы анонимного автобиографического эссе, помещенного на страницах "Книги, спасшейся от потопа"⁹⁹, лишь отчасти восполняют этот пробел. Между тем, уже первые столкновения с окружающей действительностью оставили в душе чувствительного юноши достаточно глубокий след. "Родился в гуще большого города, который отнюдь не был средоточием добрых нравов, и в столетие, вовсе не похожее на золотой век" - с горечью констатировал спустя три десятилетия сам писатель¹⁰⁰.

Многолетние наблюдения а жизнью торгового квартала и его обитателями не прошли для С.Марешаля бесследно. Они подготовили в его сознании благодатную почву для восприятия радикальных идей просветительской философии.

Не имея ни денег, ни высокого покровителя, С.Марешаль не мог рассчитывать на блестящую карьеру. По его собственн у признанию, он должен был стать торговым приказчиком, наследником и продолжателем дела отца. Но, как заметил писатель, "его истинное призвание не замедлило воспрепятствовать столь ограниченным намерениям"¹⁰¹. Традиционное воспитание не сделало С.Марешаля набожным и покорным воле родителей. Он был сыном своего времени и принадлежал к тому поколению французов, лучшие представители которого в скором времени вписали свои имена в анналы Великой революции. Его подлинным наставником стала блистательная плеяда философов-просветителей, чей пронзительный взор уже предвидел будущие политические катаклизмы.

Судьба С.Марешаля во многом определилась благодаря присущим ему целеустремленности и настойчивости. Он признавался позднее, что своим образованием был обязан только самому себе¹⁰². Подобное утверждение вовсе не продиктовано желанием подчеркнуть свою исключительность. Пристрастие юноши к чтению и полное равнодушие к коммерции не могли встретить одобрения близких. В этих условиях Марешаль мог рассчитывать только на свои силы. В лучшем слу-

⁹⁹ Марешаль С. Избранные атеистические произведения... С.71-72. В этом коротком автобиографическом фрагменте С.Марешаль, скрывая собственное имя, повествует о жизни некоего мудреца Ар-Ламана.

¹⁰⁰ Марешаль С. Избранные атеистические произведения... С.71.

¹⁰¹ Там же.

¹⁰² Там же.

чае, ему не мешали, — и тогда он был полностью увлечен процессом познания окружающего мира. Усердные ежедневные занятия заполняли все его время. Именно в этот период единственным и непогрешимым кумиром для С.Марешаля стала природа. Любознательный юноша использовал малейшую возможность для того, чтобы покинуть тесные улицы города и очутиться вдали от их назойливой суеты. "Лесные и горные местности, — вспоминал Марешаль, — казалось, были его истинной родиной. Только там он чувствовал себя непринужденно"¹⁰³.

Неудержимое стремление к знаниям привело Сильвена в один из парижских коллежей. Здесь он увлекся античной литературой, являвшейся одним из основных предметов в учебных заведениях Франции тех лет. Вскоре С.Марешаль превратился в подлинного знатока сочинений таких выдающихся мыслителей древности, как Платон, Сократ, Аристид, Овидий, Лукреций. Весьма примечательно, что это увлечение не прошло со временем и оказало существенное влияние на творчество писателя. Античные персонажи — неизменные атрибуты многих его сочинений.

Схоластические учебные программы коллежа не могли удовлетворить любознательность Марешаля. Их тесные, псевдонаучные рамки сдерживали стремительный интеллектуальный рост юноши. Во второй половине 60-х годов началось его знакомство с передовой философской мыслью Франции.

Ранние идейные влияния прослеживаются во взглядах С.Марешаля с большим трудом. И это понятно: речь идет о продолжительном периоде становления определенной системы взглядов, которая впоследствии претерпела существенные изменения. По свидетельству большого друга писателя, мадам М.-А.Гакон-Дюфур, наибольшее воздействие на юного С.Марешаля оказала философия М.Монтеня (1533 — 1592)¹⁰⁴. Этот мыслитель, подготовивший во Франции почву для развития теории "естественного права"¹⁰⁵, несомненно, во многом определил начальную стадию политической эволюции С.Марешаля. Дух его знаменитых "Опытов", в частности, идеализация "естественного

состояния", возведение в ранг высших философских и нравственных категорий Природы, Разума, Добродетели, критика царящего в обществе социального неравенства — зримо присутствуют в ранних сочинениях писателя.

Не меньшее воздействие на формирование основ идеологии С.Марешаля оказала философия картезианства. Сочинения Р.Декарта (1596—1650), внесенные в папский индекс запрещенных книг, соседствовали на полках личной библиотеки С.Марешаля с произведениями патриархов Просвещения¹⁰⁶.

Элементы материализма, содержащиеся в философской концепции Р.Декарта¹⁰⁷, во многом способствовали зарождению и развитию атеистической струи в творчестве молодого литератора.

В этот же период, по совету некоего М.Филиппа, С.Марешаль покинул стены коллежа и занялся изучением права. Однако врожденный дефект речи (Марешаль был заикой) помешал ему найти призвание на судейском поприще. Кроме того, как он сам писал своему покровителю, профессия адвоката подвергла серьезному испытанию его моральные принципы¹⁰⁸.

Отказавшись от мысли связать свою судьбу с карьерой чиновника, С.Марешаль окончательно обратился к своей давней мечте — литературному творчеству. Именно в этой области наиболее ярко проявился его многогранный талант.

Творческий дебют С.Марешаля состоялся в январе 1770 года с выходом в свет сборника пастушеских идиллий¹⁰⁹. Примечательно, что первая книга литератора получила одобрение не только читателей, но и цензуры. Заключение королевского цензора Филиппа де Прето гласило: "По распоряжению монсеньора канцлера я ознакомился с рукописью... Автор следует традиции знаменитого Геснера. В этих маленьких поэмах не содержится ничего из того, что могло бы воспрепятствовать их публикации"¹¹⁰. Действительно, в начале

¹⁰³ Марешаль С. Избранные атеистические произведения... С.71.

¹⁰⁴ Maréchal S. De la vertu ... 2.

¹⁰⁵ См.: Коган-Бернштейн Ф.А. Мишель Монтень и его "Опыты" // Монтень М. Опыты... Ч.3. С.315—361.

¹⁰⁶ Aubert F. Op. cit. P.156—174.

¹⁰⁷ См.: Соколов В.В. Философия Рене Декарта // Декарт Р. Избранные произведения... С.5—76.

¹⁰⁸ Dommanget M. Sylvain Maréchal ... P.18.

¹⁰⁹ Maréchal S. Bergeris. A Paris, 1770.

¹¹⁰ Maréchal S. Bergeris. — "Approbation du Censeur Royal". Отмеченную цензором близость книги к жанру С.Геснера подтвердил во вступлении и сам автор — см.: Maréchal S. Op. cit. P.11.

тского пути С.Марешаль оказался далек от запретных и опасных тем. Оговоримся в этой связи, что профессия вольного литератора была во Франции далеко небезопасной. Королевский двор, напуганный ростом свободомыслия и ширившимся влиянием "партии философов", день ото дня усиливал контроль над интеллектуальной жизнью страны. Известно, что к 1789 году только за издательской деятельностью в Париже наблюдала целая армия цензоров^{III}. Критическое же обсуждение в печати таких тем, как религия, государственная политика и финансы было запрещено под страхом смертной казни.

Казалось, молодой литератор избрал наиболее благоприятный и безопасный для себя путь. Перелистывая его сочинение, читатели наслаждались картинками чистой и трогательной любви пастухов и пастушек, напоминавших легенды о Дафнисе и Хлое, восхищались их преданностью и добродетелями, неизменно торжествующими над пороками. Однако этот далекий от реальности сюжет нес в себе определенный заряд социального протеста, направленный против разлагавшейся морали феодальной аристократии. Как и просветительская философия, новая литература, к которой принадлежал избранный Марешалем пасторальный жанр, отражала интересы и чаяния поднимающего голову "третьего сословия".

На первый взгляд, герои идиллий С.Марешаля излишне суверенны, хотя добры и справедливы. Могущественные боги выступают здесь как олицетворение добра, мудрости и силы истинных творцов всего сущего. Частые обращения к представителям небесного пантеона столь же естественны для людей, как и сама их жизнь, протекавшая в тесной связи с благодетельной природой. "Добрый бог, могущественный бог, - восклицают Сильви и Лисидас, пораженные красотой природы, - все это твой труд: сверкающее солнце, земля, заполненная различными сокровищами, вся вселенная"^{II2}. В то же время Амур, заоблачный покровитель любви и один из персонажей пасторалей С.Марешаля, не столь прост и наивен, как доверчивые обитатели земли. Он наделен, к примеру, отнюдь не божественным, а скорее, бунтарским духом. Согласно его мнению, власть богов над сознанием людей не вечна^{II3}. Столь же смелы и неожиданны его харак-

теристики царящих на земле общественных отношений. Короли и могущественные принцы должны преклоняться перед обитателями бедных хижин - таков вывод Амура^{II4}. И хотя речь идет главным образом о нравственных категориях, подобный призыв достаточно ясно определяет настроение писателя.

Приведенный фрагмент существенно меняет общее представление о книге С.Марешаля, как о сборнике невинных идиллий. Здесь отчетливо прослеживается иное направление мыслей. Восхваляя богов, Марешаль одновременно стремился подчеркнуть несостоятельность обращения своих героев к религии. В этих поэмах, запечатлевших несовершенные атеистические воззрения писателя, боги выступают лишь в качестве традиционного фона. Им противопоставлено божество иного порядка - сама природа. Всегда и во всем следовать ее мудрым законам - страстно призывал С.Марешаль. Именно таким ему представлялось будущее счастье людей, разделенных, в силу обстоятельств, на бедных и богатых, забывших о естественной морали и естественном состоянии.

Модель идеальной общественной организации виделась С.Марешалю в жизни сельских патриархальных общин. Этот вывод столь же очевиден, как и негативное отношение писателя к другому полюсу цивилизации - городу. Он не скрывал своей неприязни к нему, правда, также маскируя ее осуждением нравственного несовершенства горожан. По мнению С.Марешаля, "в городе невозможно подлинное проявление чувств", там, сетовал автор пасторалей, "истинная любовь не найдет сердец достаточно чистых"^{II5}.

Разумеется, элементы критики основ современного С.Марешалю общества не приобрели в пасторальных систематического характера. Их основные положения не выходили за рамки моральных сентенций. Так, автор обличал безнравственных богачей и восхвалял добродетельных обитателей хижин. В пасторальных не ставилось под сомнение и "овлащенное право" собственности. Не случайно, в этих идиллических картинках "счастливый человек" обрабатывал свое поле и находился под покровительством богов^{II6}. Препградой же на пути негативных явлений в обществе могла стать, как считал литератор,

III Манфред А.З. Великая французская революция... С.23.

II2 Maréchal S. Op. cit. P.167.

II3 Ibid. P.55.

II4 Maréchal S. Op. cit. P.62.

II5 Ibid. P.173-174.

II6 Ibid. P.190.

справедливость. "Справедливый человек, - утверждал Марешаль, - самый счастливый"¹¹⁷.

Успешный дебют, по-видимому, подействовал на С.Марешаля ободряюще. Уже спустя год писатель подготовил и опубликовал новый сборник пасторалей, озаглавленный "Храм Гименея". Он по-прежнему уделял основное внимание морали, но его рассуждения уже далеки от традиций С.Геснера. Идиллическая любовь обитателей райских долин утрачивала первозданное великолепие и все более соприкасалась с житейскими, а точнее, социальными реалиями. Писатель приступил к поиску сюжета, который соответствовал бы уровню его собственного мироощущения.

Новый пасторальный цикл С.Марешаля был посвящен любви. На сей раз в центре внимания автора оказалась мифическая фигура Гименея - покровителя супружества. Представитель греческой мифологии представлен здесь в качестве центральной фигуры всей вселенной. "Ты открываешь мир и сохраняешь добродетель в семействах; под твоим покровительством процветают империи" - торжественно провозглашал писатель, обращаясь к божественному лику Гименея¹¹⁸. Однако эти дифирамбы имели известный предел: ни Гименей, ни другие боги так и не были возведены в ранг творцов природы. Напротив, образ Гименея рисовался в воображении писателя максимально приближенным к природе и даже сливающимся с ней. Именно в этом священном единении виделась С.Марешалю сила божества, значение его законов, которые, согласно мнению писателя, приносят людям мудрость, делают их счастливыми, воспитывают из них верных супругов и хороших граждан¹¹⁹. Этот акцент чрезвычайно важен, ибо С.Марешаль, по сути, открыто выступал против официальной доктрины божественной организации мира. Реакционная клерикальная концепция опровергалась в сочинении писателя просветительской теорией естественного происхождения природы.

Внимательный читатель мог заметить и другие "вольности" молодого литератора. К примеру, его критика морального несовершенства людей приобрела очевидную социальную направленность. Характеризуя одного из героев своей книги, богача Акариаса, С.Марешаль

называл на него как на одного из тех "испорченных людей, которые являются бичом общества"¹²⁰. Весьма любопытно и то обстоятельство, что объектом критики писателя оказались "обладатели титулов"¹²¹. Тем самым и феодальная, и буржуазная мораль, как мораль богачей, в равной степени признавалась С.Марешалем неприемлемой и порочной. Именно эта идея красной нитью проходит через все его повествование.

Яркой иллюстрацией настроений писателя может служить история любви Кондора и Софи. Родители юноши и девушки весьма состоятельные люди. Будущее детей представляется им в самых радужных красках. Но противниками запланированного "счастья в роскоши"¹²² становятся сами влюбленные. Они ищут и находят новый смысл в своей любви. Для них первостепенное значение имеет ее духовное начало, а не меркантильные соображения.

Повествуя о чувстве, охватившем молодых людей, автор поэмы эзоповым языком внушал читателям мысль о неоспоримом преимуществе добродетели над знатностью и богатством. Все добродетельные люди равны между собой, утверждал С.Марешаль¹²³. За рассуждениями о моральном равенстве легко просматривалась идея установления равенства политического и социального.

В целом ранний период творчества С.Марешаля не отличался особым радикализмом. По словам Х.Н.Момджяна, в начале пути он "избегал социальных и политических вопросов, проявлял лояльность к существующим порядкам"¹²⁴. Вплоть до середины 70-х годов умеренные тенденции определяли не только творческое, но и политическое лицо будущего писателя-демократа. И тем важнее появление немногих осторожных ростков свободомыслия на страницах его первых книг. Они убедительно свидетельствовали о том, что события реальной действительности отнюдь не проходили мимо Марешаля. Они властно вторгались в его жизнь и заставляли многое переосмыслить.

Первые успехи открыли талантливому писателю двери многих литературных салонов Парижа. У него появились новые влиятельные

¹¹⁷ Dommanget M. Op. cit. P.31.

¹²¹ Maréchal S. De la vertu ... P.56.

¹²² Ibid. P.55.

¹²³ Ibid. P.56.

¹²⁴ Момджян Х.Н. Сильвен Марешаль... С.8.

¹¹⁷ Maréchal S. Op. cit. P.190.

¹¹⁸ Maréchal S. De la vertu ... P.51.

¹¹⁹

покровители и друзья. Одним из них был аббат Люк-Жозеф Хук (Luc-Joseph Hook). При его активной поддержке С.Марешаль удалось получить место помощника библиотекаря в коллеже Мазарини. Неожиданный поворот в своей судьбе писатель расценивал весьма высоко. "Эта должность, - писал он в автобиографическом очерке, - маловажная с точки зрения его близких, стала дорога и мила его сердцу. С тех пор он занимался только тем, что сличал великую книгу природы с лучшими книгами, созданными человеческой мыслью"¹²⁵.

Коллеж Мазарини, в библиотеке которого С.Марешаль с некоторыми перерывами трудился до конца своих дней, был основан в 1661 году и являлся одним из крупнейших учебных заведений не только столицы, но и всей Франции. О его особом престиже свидетельствовал тот факт, что в октябре 1796 года он был торжественно преобразован в Институт Франции (L'Institut de France) - официальный научный центр, объединивший все пять французских академий¹²⁶. О солидности этого научного и культурного центра говорило и его книгохранилище. Здесь находилось более 50 000 томов, относящихся к различным отраслям знания. Во второй половине XVIII века читателями библиотеки были А.Тюрго, Ж.Кондорсе, Л.-С.Мерсье¹²⁷.

Служба в библиотеке не была для С.Марешаля обременительной. Он посещал ее лишь дважды в неделю и пользовался длительным ежегодным отпуском, продолжавшимся более трех месяцев¹²⁸. Таким образом, начинающий литератор располагал значительным количеством свободного времени, используя его для своей основной творческой работы.

Огромное значение для С.Марешаля имела и сама библиотека, где ему был открыт доступ к книгам. Постигая историю "человеческой мысли", он проводил там по пятнадцати часов в сутки¹²⁹. Титанический труд не мог не принести своих плодов. По признанию друзей, Марешаль весьма скоро превратился в одного из самых эруди-

рованных людей Европы¹³⁰. Помимо перечисленных преимуществ, служба обеспечивала писателю определенную материальную независимость¹³¹.

Творческие искания, как и полужизнь в библиотеке не смогли нарушить контакты С.Марешаля с окружающим миром, не превратили его в кабинетного философа, замкнувшегося в скорлупе умозрительных формул. Он не избегал общества и в непосредственном общении с людьми проверял многое из того, что становилось известным из прочитанных научных трактатов. По его собственному признанию, "он не гнушался посещать лицемеров и шарлатанов для того, чтобы научиться срывать с них маски". "Долго, - говорил о себе писатель, - он не хотел играть иной роли в обществе и удовлетворялся тем, что наблюдал злоупотребления и излишества, не запятнав при этом своей души"¹³².

Однако период безмятежного созерцания окружающей действительности не мог продолжаться для С.Марешаля бесконечно долго. Дух недовольства существующими порядками вынуждал его занять более активную позицию. Поиски единомышленников в 1775 году привели Марешаля в литературно-философский кружок Гильома Вассе (Guillaume Vasse), объединявшего, подобно знаменитому салону П.Гольбаха, многих вольнодумцев в Париже¹³³. Именно в этой радикальной среде происходило, по мнению М.Домманже, дальнейшее формирование демократического мировоззрения писателя¹³⁴.

На это же время приходилось и начавшееся сближение С.Марешаля с просветительской философией. Традиции М.Монтеня и Р.Декарта, поклонником которых он был в юности, не могли оставить его равнодушным к демократическим призывам просветителей. О новом увлечении Марешаля свидетельствует и каталог его домашней библиотеки. На ее полках находились сочинения П.Гольбаха, К.Гельвеция, бессмертная Энциклопедия Д.Дидро и Ж.Д'Аламбера¹³⁵. Но подлинной

¹²⁵ Марешаль С. Избранные атеистические произведения... С.71.

¹²⁶ Franklin A. Histoire générale de Paris. T.1-3. Paris, 1867-1873. T.3. P.131.

¹²⁷ Ibid. P.128.

¹²⁸ Ibid. P.125.

¹²⁹ Maréchal S. De la vertu ... P.26.

¹³⁰ Maréchal S. De la vertu ... P.22.

¹³¹ Малованье С.Марешаля, как и его коллеги Фревилля, составляло весьма скромную по тем временам сумму - 600 ливров в год.

¹³² Марешаль С. Избранные атеистические произведения... С.72.

¹³³ Dommanget M. Op. cit. P.29. Марешаль был высокого мнения об этом человеке, называя его "французским поэтом-эпикурейцем".

¹³⁴ Dommanget M. Op. cit. P.27.

¹³⁵ Aubert F. Op. cit. P.156-174. Исследовательница обращает

властительницей его дум оказалась философия великого Руссо. В условиях нарастающего в стране кризиса абсолютизма С.Марешаль высоко ценил этого мыслителя как борца за справедливость и освобождение угнетенного народа.

Последовавшая летом 1778 года в Эрменонвиле смерть Ж.-Ж.Руссо была воспринята Марешалем с величайшей скорбью. Уже в следующем году он опубликовал свои стансы, посвященные памяти автора "Общественного договора"¹³⁶. В этом своеобразном поэтическом некрологе перед нами предстает образ великого человека, друга природы, образец добродетели¹³⁷. "Народ! - возвещал С.Марешаль, оплакивая смерть почитаемого философа, - он посвятил тебе свое обжигающее красноречие; своим пером он ограждал тебя от произвола богатых и могущественных... Народ! Узнай о своем несчастье: его вечное отсутствие обрекает тебя на повседневное угнетение тиранами"¹³⁸.

Имя одного из величайших философов-просветителей было созвучно для С.Марешаля с образом "несгибаемого республиканца, неподкупного защитника святынь прав гуманности"¹³⁹. Характерно, что это первое, хотя и косвенное упоминание о республике в творческом наследии писателя.

Не ограничиваясь в стансах скорбью о кончине своего кумира, С.Марешаль призывал сторонников радикальных взглядов Руссо вернуть знамя свободы перед святым образом этого человека¹⁴⁰. В этих словах прозвучал вызов как ненавистной монархии, так и ее непоследовательным противникам.

В идейном наследии Ж.-Ж.Руссо для Марешаля было, пожалуй, особенно дорого обращение философа к естественным законам, идея

внимание на любопытную деталь: многие книги патриархов Просвещения, хранящиеся у С.Марешаля, носили на себе следы многочисленных пометок, сделанных рукой писателя.

¹³⁶ Maréchal S. Le Tombeau de J.-J. Rousseau; Stances. A Ermenonville, et se trouve à Paris, 1779. Сочинения Руссо были хорошо знакомы писателю. В стансах названы такие его труды, как "Эмил или о воспитании", "Новая Элоиза", "Об общественном договоре", "О политической экономии", "Рассуждение о происхождении и основаниях неравенства между людьми".

¹³⁷ Maréchal S. Op. cit. P.6-7.

¹³⁸ Ibid. P.4.

¹³⁹ Ibid. P.5.

¹⁴⁰ Ibid. P.4.

лизация человека, живущего вне городской цивилизации. Следуя этим заповедям "женевского мудреца" (именно так называл С.Марешаль философа), писатель вновь подверг резкой критике "надменный город"¹⁴¹.

Духом демократических идей Ж.-Ж.Руссо насыщено и другое сочинение С.Марешаля, появившееся вслед за стансами, - "Книга всех веков". Не случайно, Г.С.Кучеренко называл ее старательным изложением некоторых основных идей Руссо¹⁴².

Новое сочинение писателя состояло из множества небольших, иногда в несколько строк, фрагментов, в которых излагались поучения по самым разнообразным вопросам: о собственности и добродетели, о королевской власти и "золотом веке"¹⁴³. Уже сам этот перечень, к тому же неисчерпанный - в книге С.Марешаля сто подобных литературных миниатюр, - подчеркивал особую роль этого произведения в процессе становления общественно-политических взглядов его автора. По-видимому, именно здесь проходил тот невидимый рубеж, который отделял автора идиллических пасторалей от писателя радикального толка.

В "Книге всех веков" явно прослеживается демократическая, эгалитарная концепция, сложившаяся у С.Марешаля под влиянием Ж.-Ж.Руссо. Однако, подчеркивая эту идейную близость, следует также сказать, что автор книги не просто следует за философом-демократом, он во многом дополняет его и по-своему интерпретирует.

Значительное место в "Книге всех веков" отведено характеристике частной собственности. По-прежнему признавая это "святое право" и считая его основой всех законов общества, С.Марешаль в то же время решительно выступал с обличением концентрации богатств в руках немногих. Писатель был очевидным противником социальной дифференциации, он противопоставлял крупной собственности собственность мелкую. "Поле бедняка, - утверждал он, - священо"¹⁴⁴.

¹⁴¹ Maréchal S. Op. cit. P.5.

¹⁴² Кучеренко Г.С. Руссо и Марешаль // Кучеренко Г.С. Исследования по истории общественной мысли Франции и Англии... С.202.

¹⁴³ В композиционном плане "Книга всех веков" копировала гнозис известного французского писателя-моралиста Г. де Пибрака (1529-1584). Это сходство стремился подчеркнуть и сам литератор. Так, подзаголовок его книги гласил: "Современный Пибрак. Моральные четверостишия".

¹⁴⁴ Maréchal S. Le livre de tous les âges ou le Pibrac moderne. Quatrains moraux. A Cosmopolis, Et se trouve à Paris, 1779. P.9.

Идеализируя мелкого владельца и, прежде всего, его нравственное преимущество перед богачами, С.Марешаль осуждал всякое посягательство на его независимость. "Покушаться на свободу бедного человека, - констатировал автор, - все равно, что нападать на самое его существование"¹⁴⁵.

Источником собственности, по мнению писателя, должно быть не угнетение и не узурпация власти, а труд. В книге С.Марешаля эта мысль подчеркнута достаточно определенно. Именно категория "трудящихся граждан" ("les citoyens du travail"), указывал он, сдерживает и отклоняет разложение, процветающее в больших городах¹⁴⁶. "Труд, - подчеркивал С.Марешаль, - должен быть основой хорошего воспитания"¹⁴⁷.

Грозным предупреждением дворянам и нуворитам звучат слова писателя-демократа, напоминающие о силе простого народа-труженика "Что же сделается с этими неблагодарными богачами, если кормящий их народ отстранит от них свою трудолюбивую и благотворительную руку?"¹⁴⁸.

Источником многочисленных бед С.Марешаль называл царившую в современном ему обществе власть золота. Он неоднократно подчеркивал в своей книге, что чрезмерное преклонение перед презренным металлом несовместимо с торжеством высшей ценности на земле - добродетели. "Добродетель без золота, - утверждал он, - бывает порой бедна, но золото без добродетели всегда вредоносно"¹⁴⁹. "Золото, - писал С.Марешаль, рассуждая о его негативных свойствах, - попадая в преступные руки теряет всю свою ценность, сохроняя, впрочем, свой блеск"¹⁵⁰.

Критика социального устройства общества дополняется у Марешаля столь же отрицательными характеристиками его политической организации. В разделе "О королях" С.Марешаль обрушился на деспотизм властительных монархов. Абсолютная власть короля признавалась здесь ненужным украшением, крайне обременительным для наро-

да¹⁵¹. В этой связи особого внимания заслуживает тот фрагмент сочинения, где рисуется жизнь некоего народа, у которого вовсе нет монарха, а вся общественная деятельность направляется книгой законов¹⁵². "Счастлив народ, - приходит к выводу писатель, - который не может ответить на вопрос чужестранца о том, где обитает его король"¹⁵³.

Казалось, С.Марешаль окончательно утвердился в мысли о предпочтительности для людей именно республиканской формы правления. Но его позиция по этому важному вопросу не отличалась последовательностью. Вероятно, под влиянием реформаторской деятельности А.Тюрго и Ж.Неккера писатель не исключал возможности улучшения монархического строя. Не случайно, значительное место в книге отведено проблемам конституционной монархии. "Правитель, - считал Марешаль, - должен следовать национальному кодексу". "Хорошо устроенное правительство, - добавлял он тут же, - не может иметь иных законов, кроме тех, которые продиктованы ему истинным сувереном"¹⁵⁴. Нетрудно заметить, что требование С.Марешаля ограничить власть короля конституцией, выходило за рамки столь модных тогда идей о просвещенной монархии и создании политического устройства на английский манер.

Идеи Ж.Дюбо, Р.-Л.Д'Аржансона и Ф.Вольтера в свете демократических построений Ж.-Ж.Руссо уже явно не удовлетворяли С.Марешаля. Вслед за философом-демократом он рассматривал в качестве вершителя судеб нации и верховного суверена не монарха, а народ. Впервые писатель почувствовал зреющую в массах силу, способную в недалеком будущем сбросить с себя ненавистное ярмо абсолютизма. "Народ, - обращался к угнетенным С.Марешаль, - познай же свои достоинства и права"¹⁵⁵.

В рассматриваемом сочинении С.Марешаля можно выделить два главенствующих положения. Во-первых, автор книги стремился показать все изъяны монархического строя, его очевидную нежизнеспособность. Во-вторых, в качестве своеобразной альтернативы монархии

¹⁴⁵ Maréchal S. Op. cit. P.9.

¹⁴⁶ Ibid. P.83.

¹⁴⁷ Ibidem.

¹⁴⁸ Ibid. P.47.

¹⁴⁹ Ibid. P.20.

¹⁵⁰ Ibid. P.39.

¹⁵¹ Maréchal S. Op. cit. P.49.

¹⁵² Ibid. P.49-50.

¹⁵³ Ibid. P.61-62.

¹⁵⁴ Ibidem.

¹⁵⁵ Ibid. P.117.

он развивал идею о необходимости возвращения людей к естественному состоянию, к "золотому веку". Восхвалению этого периода человеческой истории посвящен в книге специальный раздел¹⁵⁶. Конечно же, автор был далек от мысли о революционном преобразовании мира. Более того, критические элементы, присутствующие в "Книге всех веков", тщательно маскировались с тем, чтобы не привлечь внимания бдительной цензуры. Например, здесь вообще не упоминалось слово "республика". Лишь косвенные намеки свидетельствовали о том, что в центре рассуждений находились социально-политические проблемы монархической Франции. Достижение же "золотого века" представлялось писателю длительной эволюцией, в ходе которой абсолютизм должен был уступить место конституционной монархии, последняя - республике, и лишь затем, в отдаленном будущем, люди могли обрести естественную свободу. Оставаясь в значительной степени писателем-моралистом, Марешаль видел путь к "золотому веку" прежде всего как торжество добродетели. Он призывал всех честных людей "поверить без сомнения" в будущее счастье человечества¹⁵⁷.

Обоснование в сочинениях С.Марешаля необходимости, а значит и возможности возвращения к прошлому шло вразрез с традиционной для общественно-политической мысли Франции легендой о "золотом веке". Выдающиеся мыслители "Века Просвещения" (Морелли, Дидро, Руссо), идеализируя "естественного человека", "естественное состояние" и "естественные законы", говорили лишь о необходимости соответствующего преобразования современного им общества. Марешаль же требовал его разрушения. Эта социологическая "робинзонада"¹⁵⁸ была свойственна многим мыслителям предреволюционной эпохи, но лишь в творчестве С.Марешаля она получила столь последовательное и завершенное выражение.

Начальный период творчества С.Марешаля свидетельствует о преобладании в его взглядах руссоистской концепции общественных процессов. Он был сторонником договорной теории мыслителя, согласно которой возникновение государства представлялось следствием некоего соглашения - "*Contrat social*". Социально-политическим взглядам Марешаля этого периода свойственен также обычный

для просветительской философии натурализм и рационализм. Однако, если эгалитарные и демократические воззрения Руссо были венцом его идейной эволюции, то для Марешаля они оказались не более, чем началом становления собственной концепции. Поэтому, отдавая должное влиянию Руссо, нет оснований причислять его взгляды к разряду основных источников, питавших писателя в начале пути. Или же, как это наблюдается у подавляющего большинства буржуазных историков, выдавать Марешаля за ортодоксального руссоиста. Подлинные истоки его мировоззрения следует искать не в области чистых идей, а в самом процессе социально-экономических и политических перемен, охвативших Францию. "Истинное содержание всех составивших эпоху систем, - писали К.Маркс и Ф.Энгельс, - образуют потребности времени, в которое они возникли"¹⁵⁹.

§ 2. Марешаль против абсолютизма

События предреволюционного десятилетия убеждали С.Марешаля в том, что страна стоит на пороге больших перемен. Какими они окажутся, насколько серьезно будет поколеблен ненавистный и в то же время привычный порядок вещей? - эти вопросы оставались для подавляющего большинства французов еще неясными. Лишь наиболее дальновидные из них, в том числе и Марешаль, все отчетливее осознавали необходимость решительного ниспровержения абсолютизма.

Начало 80-х годов ознаменовалось для С.Марешаля выходом в свет первых томов его историко-искусствоведческого труда "Древности Геркуланума"¹⁶⁰. Подобно Энциклопедии Дидро и Д'Аламбера, каждая из книг этой многотомной серии содержала не только статьи-аннотации, но также дополняющие их копии превосходно исполненных гравюр. Скрупулезное описание нимф, древнеримских богов и архитектурных ансамблей не помешало талантливому автору, как в свое время великим энциклопедистам, раздвинуть тесные рамки конкретной научной темы. Писатель не упустил возможности прославить воспеваемые просветителями нравы республиканского Рима. Вместе

¹⁵⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.3. С.464.

¹⁶⁰ *Maréchal S. Antiquités d'Herculanum, ou les plus belles Peintures antiques, et les Marbres, Bronzes, Meubles, etc., etc., trouvés dans les excavations d'Herculanum, Stabia et Pompéia. T.1-6. A Paris, 1780.*

¹⁵⁶ *Maréchal S. Op. cit. P.45-49.*

¹⁵⁷ *Ibid. P.45.*

¹⁵⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.46. Ч.1. С.17.

с тем, он с изодобрением отзывался об узурпаторах римской свободы, в частности, о Юлии Цезаре. Этого политического деятеля поздней Республики Марешаль обвинял в стеснении суверенитета "национальных ассамблей" римлян (таким образом писатель называл коммун), что привело, по его мнению, к утверждению среди этого народа элементов рабства¹⁶¹. Столь же решительной критике подвергся Сулла, который своими диктаторскими устремлениями напомнил литератору малоприятную для него фигуру лорда-протектора Кромвеля¹⁶². Со всевозрастающим раздражением С.Марешаль писал о религии. Характеризуя лики древних богов, он связывал их появление с необходимостью утвердить на земле право собственности¹⁶³.

"Древности Геркуланума" – сочинение с отчетливо прослеживаемыми элементами республиканизма и атеизма. Оно оказалось для Марешаля своеобразной пробой пера. Стыные антимонархические настроения всецело завладели писателем. И все же свой главный удар он обратил против религии. Не случайно, именно эту особенность его дореволюционного творчества отмечали литературные критики¹⁶⁴. Сразу же оговоримся, что внимание Марешаля к религии и церкви не притупило определившуюся к тому времени остроту его политических суждений. Уже самые первые антиклерикальные сочинения писателя были выдержаны в духе лучших традиций Просвещения и, следовательно, рассматривали римско-католическую церковь и религию в неразрывной связи с царившим в стране деспотизмом. "Французские материалисты, – подчеркивал Ф.Энгельс, – отнюдь не ограничивались в своей критике областью религии: они критиковали каждую научную традицию, каждое политическое учреждение своего времени"¹⁶⁵. Такая характеристика творчества "великих французских материалистов" должна быть учтена и при рассмотрении специфики атеистического арсенала С.Марешаля. Тем более, что его философ-

ские сочинения мало в чем уступали самым ярким политическим памфлетам.

Как всякий здравомыслящий человек, С.Марешаль с самого начала представлял опасность избранного им пути. Об этом недвусмысленно напоминали суровые законы абсолютизма, грозившие неисчислимыми карами критикам его устоев. Однако возможные неприятности не остановили С.Марешаля. Препятствия лишь побудили его действовать более осторожно и осмотрительно. "В конце концов, – делился своим богатым конспиративным опытом Вольтер, – не все, как Ян Гус и Иероним Пражский, любят, чтобы их жгли. В Англии мудрецов не преследуют. Во Франции они избегают преследований"¹⁶⁶. Наставления фернейского патриарха пришлись С.Марешалю весьма кстати. Доведенный до совершенства эзопов язык, частое обращение к литературной мистификации, анонимные издания и, наконец, тупость королевских цензоров долгое время делали его совершенно неуязвимым.

Очередная страница в радикальное творческое наследие писателя-демократа была вписана поэмой "К вящей славе добродетели"¹⁶⁷. Конспиративные соображения побудили С.Марешаля не только скрыть свое имя, но также указать вымышленное место издания своей новой книги – некий город Атеистов (Atheopolis). Эти предосторожности были вызваны вовсе не стремлением автора поразить воображение или заинтриговать будущих читателей. Поступил Марешаль иначе, и ворота тюрьмы Сен-Лазар, а может быть и самой Бастилии распахнулись бы перед ним уже в 1781 году.

Упомянутая поэма посвящалась рассмотрению наиболее злободневных для того времени проблем в области философии, морали и политики. Он отвергал мысль о необходимости сосуществования в сознании людей понятий Природы и Бога. Тем самым, в его мировоззрении материализм Ж.Ламетри, Д.Дидро, К.Гельвеция и П.Гольбаха одержал убедительную победу над деизмом Вольтера и теорией "гражданской религии" Руссо.

Книга открывалась гневным обличением служителей религии. Автор всячески подчеркивал личную антипатию к церковникам и говорил о нежелании своей музы служить их бесполезному и преступному

¹⁶¹ Maréchal S. Op. cit. T.3. P.146.

¹⁶² Ibid. T.6. P.45.

¹⁶³ Ibid. T.2. P.185.

¹⁶⁴ О страстной приверженности Марешаля атеизму писал, например, его друг Булидон в своей рецензии на поэму "К вящей славе добродетели". Польщенный автор не преминул воспроизвести этот лестный для него отзыв в одном из последующих изданий книги – см.: Maréchal S. Le Lucrèce français; Fragmens d'un poëme. Nouvelle édition ... A Paris. L'an VI (1797). P.20-21.

¹⁶⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. T.22. C.311.

¹⁶⁶ Соколов Д.А. Осадная башня штурмующих небо. М., 1980. С.21.

¹⁶⁷ (Maréchal S.). Ad majorem gloriam virtutis. Fragmens d'un poëme moral sur Dieu. A Atheopolis. L'an Premier du règne de la Raison. 1781.

делу. Упрек в нравственной нечистоплотности, адресуемый литератором слугам господним, оказался не единственным.

Одно из центральных мест в сочинении С.Марешаля было отведено критике важнейшей религиозной догмы, отстаивающей бытие бога-творца. По мнению писателя, такое утверждение лишено всякого смысла. "И почему вселенная – это великое целое, полное жизни, – вопрошал он, обращаясь к возможному оппоненту-богослову, – не может существовать своей собственной энергией?"¹⁶⁸. В противовес церковным басням писатель-атеист выступал решительным сторонником тезиса о материальности окружающего мира. Предвидя, однако, возражения своих противников, С.Марешаль подчеркивал, что поводом для сомнений в этом очевидном деле могут служить только невежество и заблуждения. Поэтому философ был далек от мысли пускаться в схоластический спор с теологами. Его главная цель вырисовывалась предельно ясно: убедить людей в правоте своих слов при помощи самой жизни. Он стремился представить окружающий мир как объект познания, а не слепой веры. "Применяй опыт, – горячо призывал писатель, – наблюдай природу, проникай в ее тайники, освещай себе путь светочем искусств и ремесел; в известной нам вселенной находи новые миры и не ищи бога-творца, если сама материя может быть причиной самой себя"¹⁶⁹. Итак, материя повсюду, делает вывод автор поэмы. Но где же, в таком случае, может находиться бог? Таинственность и неуловимость верховного существа заставляет С.Марешаля заключить, что бога "либо не существует, либо его бытие – плод, запрещенный для нашего познания"¹⁷⁰.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что попытка автора моральной поэмы решить основной вопрос философии не только материалистична, но также глубоко и осмысленно диалектична. "Ничто не рождается, ничто не умирает, – утверждал он. – Все существующее неизбежно подвержено постоянным изменениям"¹⁷¹. По мысли С.Марешаля, все процессы, происходящие в природе, материальны и связаны по этой причине друг с другом. Для писателя не

была тайной и противоречивость природных явлений. "Все привлекает друг друга, все друг друга отталкивает, – констатировал он"¹⁷². "В одном и том же предмете, – прозорливо рассуждал писатель, – мы находим одновременно и причину и следствие. В своем развитии природа воздействует на самое себя и непрестанно принимает все новые формы. Стихии, одновременно родственные и противоположные, стремятся к одинаковым целям противоположными путями... И жизнь и смерть имеют одинаковое значение"¹⁷³.

Примечательно, что действие диалектических законов С.Марешаль пытался перенести и в политическую область. Объясняя, например, причины возникновения войн, он утверждал, что "нападение и защита сохраняют на земле полное равновесие добра и зла"¹⁷⁴.

Философская концепция С.Марешаля не выходила за рамки материалистических учений своего времени. В поэме "К вящей славе добродетели" очевидно присутствие гольбаховского положения о природе как самопричине бытия. "Природа есть причина всего, – утверждал П.Гольбах, – она существует благодаря самой себе; она будет существовать и действовать вечно"¹⁷⁵. Заметим, что это утверждение почти дословно приведено в книге С.Марешаля, хорошо знакомого с основными произведениями автора "Системы природы". "Раз природа существует, – повторял литератор, – она возникает из самой себя. Ее формы могут меняться, но она вечна"¹⁷⁶.

Столь же близкими оказались для С.Марешаля суждения Д.Дидро, проповедовавшего идею о субстанциальности материи. "Предположение о каком-нибудь существе, стоящем вне материальной вселенной, – учил великий мыслитель, – невозможно. Никогда не следует делать подобных предположений, потому что из них никогда нельзя сделать никакого вывода"¹⁷⁷. С этим мнением был полностью солидарен С.Марешаль, подчеркивая в своей поэме, что "вне вселенной ничего не может существовать и поэтому искать причину где-то за пределами вселенной, – значит затемнять дело"¹⁷⁸.

¹⁷² Марешаль С. Избранные атеистические произведения... С.48.

¹⁷³ Там же.

¹⁷⁴ Там же.

¹⁷⁵ Гольбах П. Избранные произведения... Т. I. С.503.

¹⁷⁶ Марешаль С. Избранные атеистические произведения... С.53.

¹⁷⁷ Дидро Д. Избранные атеистические произведения... С.183.

¹⁷⁸ Марешаль С. Избранные атеистические произведения... С.49.

¹⁶⁸ Цит. по: Марешаль С. Избранные атеистические произведения... С.48. Здесь и далее ссылки на русский перевод "Французского Лукреция" – переиздания поэмы "К вящей славе добродетели".

¹⁶⁹ Там же. С.49.

¹⁷⁰ Там же.

¹⁷¹ Там же. С.48.

Не вдаваясь в подробный анализ философских воззрений С.Марешаля, выскажем по существу проблем: самые общие мнения.

Следуя за своими великими предшественниками, писатель во многом преодолел такие свойственные и отмеченные Ф.Энгельсом черты материализма ХУП и ХУШ веков, как метафизичность и "неисторический взгляд на природу"¹⁷⁹. Им также был разорван замкнутый круг столь модной в его время узкосенсуалистической гносеологии Д.Локка. Присущее С.Марешалю требование опытного осмысления действительности было, по сути, созвучно отстаиванию опосредствованного метода познания. Попытка писателя внести в свое материалистическое учение элементы диалектики, позаимствованные, скорее всего, у Дидро, позволили ему взглянуть на окружающий мир во многом по-новому. Однако ограниченность естественнонаучных знаний того времени не позволила С.Марешалю полностью преодолеть эмпирико-сенсуалистический этап в развитии материалистической философии.

Говоря о философской концепции С.Марешаля, важно также подчеркнуть, что его взгляд на проблемы мироздания был предельно социален и лишен какой бы то ни было созерцательности. Не случайно, атеизм писателя самым непосредственным образом обращен против феодальных устоев современного ему общества. Ясно, что литератору не удалось проследить гносеологические и социальные корни религии. Однако этот недостаток компенсировался отчетливым осознанием участия церкви в ограблении и порабощении простого народа. "Ах, сколько зла принесло на земле имя бога, - восклицал С.Марешаль. - Милостью бога, ставшие тиранами, короли, прикрываясь его священным именем, навязывают невежественным народам позорные договоры или жестокие войны"¹⁸⁰. Именно вследствие этой очевидной связи, утверждал С.Марешаль, "бедный тщетно обращается к небесным силам"¹⁸¹.

Резкое обличение религиозных традиций вновь побудило писателя обратиться к критике социального неравенства. В центре его внимания находилась неблагоприятная фигура "преступного богача". По мнению автора поэмы, "всюду более слабый является жертвой более

сильного"¹⁸². Возвращаясь к своей проруссоистской социальной теории, Марешаль начинал отсчет всех бед человечества с момента появления собственности. Он утверждал, что для укрепления довольно шаткой вначале власти первые узурпаторы придумали бога и религию. "Сколько бедствий, - восклицал Марешаль, - принесло это заблуждение наших предков"¹⁸³. Но критикуя право собственности и по существу отвергая его, писатель не осмелился открыто задвинуть о симпатии к коммунизму.

Долгие тысячелетия рабства, в котором, согласно мысли С.Марешаля, пребывало человечество, не убили в его душе оптимизм. Достижения цивилизации, возрождение великих идеалов свободы и разума вселяли в писателя-демократа надежду на скорое и окончательное свержение царства несправедливостей. В этой связи глубочайшее негодование С.Марешаля вызвала покорность и смирение большинства простых смертных. "Толпа! Рожденная для рабской судьбы, оставайся добычей тиранов и благославляй, трепеща, бога, который их посылает", - зывал, теряя терпение, проповедник нового мира¹⁸⁴. И все же писатель не мог оставить народ в цепях рабства. Он стремился расшевелить "толпу", заставить ее почувствовать свою роль истинного суверена. "Ваша власть от народа, - обращался С.Марешаль к монархам, - а не от бога. Народ сам выбирает и своих богов и своих королей; он может, если захочет, и упразднить их"¹⁸⁵. Это многозначительное и грозное утверждение дополнено в поэме еще более суровым предупреждением, согласно которому "народы станут судьями своих королей"¹⁸⁶.

Антимонархические воззрения С.Марешаля прослеживаются в сочинении столь же отчетливо, как и атеистические. Не скрывая своего негодования, писатель обрисовывал механизм использования религии высшей знатью. "Не будучи преградой для преступлений властителей, имя бога позволяет попираť и презирать законы и служит тому, чтобы освящать прихоти королей", - без всякой почтительности к августейшим особам заключал в своей книге вольнодумец¹⁸⁷. Для

¹⁷⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.21. С.286-287.

¹⁸⁰ Марешаль С. Избранные атеистические произведения... С.53.

¹⁸¹ Там же. С.63.

¹⁸² Марешаль С. Избранные атеистические произведения... С.49.

¹⁸³ Там же. С.55.

¹⁸⁴ Там же. С.55-56.

¹⁸⁵ Там же. С.57.

¹⁸⁶ Там же. С.56.

¹⁸⁷ Там же.

С.Марешаля король не менее и не более смертен, чем миллионы его подданных. Те же строки поэмы, в которых так или иначе упоминалось о венценосных повелителях, наполнены откровенной ненавистью. Особое раздражение С.Марешаля вызывал лицемерный обряд коронации. Это противозаконное и противоестественное действие (ведь подлинным носителем власти являлся народ) раскрывало в его глазах весь смысл альянса церкви и деспотизма. Не усматривая в реймских спектаклях ни грана от божественного провидения, С.Марешаль подверг резкой критике даруемому таким образом абсолютную власть. "Франция - их вотчина, а неограниченная власть - их неотъемлемое право", - упрекал писатель королей¹⁸⁸.

Усомнившись в праве монарха, благословленного кучкой обманчиков в сутанах, править целыми народами С.Марешаль со всей решимостью делает следующий шаг в своих рассуждениях. Он признает право угнетенных на свержение несправедливо установленной власти. "Если народ, собравшись, поразмыслит над вашими божественными правами, если, наконец, он прибегнет к мудрым законам природы, он, - декларировал писатель, - поймет, что вы - обуза для государства, которое может управляться выборными гражданами без королей"¹⁸⁹.

Симпатии С.Марешаля к республиканской форме правления очевидны. Он окончательно перешел тот рубеж, который отделял от республиканских идеалов недавнего сторонника конституционной монархии. В этом направлении С.Марешаль оставил далеко позади не только патриархов Просвещения, но и своих более радикальных современников. Напомним, что накануне революции противниками республики были Ж.-П.Марат и М.Робеспьер. Республиканизм С.Марешаля отражал своеобразие политических настроений в стране, где свержение "старого порядка" поначалу не связывалось с уничтожением одного из наиболее важных его компонентов - феодальной монархии. Любоимо возвращенная просветительская идея "доброго короля" потерпела окончательное фиаско лишь в ходе Великой буржуазной революции.

Торжество республиканских принципов во взглядах С.Марешаля не означало его приверженности революционным методам борьбы. И в 1781 году он по-прежнему апеллировал к разуму людей, объясняя

все беды недостаточным стремлением к добродетели. Главным средством на пути преодоления нравственного несовершенства человека ему виделось в лице просвещения. "Освободим наш разум от недостойного рабства, - призывал в поэме писатель, - пусть он будет свободен от гнета предрассудков, пусть отныне им владеет только Истина"¹⁹⁰.

Поиски разумной альтернативы современному обществу еще более усилили во взглядах С.Марешаля идеализацию "естественного состояния". Этот сюжет был исползован в последнем пасторальном сборнике писателя, получившем многозначительное наименование "Золотой век"¹⁹¹. Сам С.Марешаль, по-видимому, рассматривал этот сборник, состоявший из 29 небольших глав, как продолжение "Книги всех веков". Об этом свидетельствует, например, вступление книги, в котором приведен отрывок из упоминавшегося выше подражания Пибраку¹⁹².

Действующими лицами нового цикла пасторалей С.Марешаля были обитатели сельской местности, далекие от города - этого "средоточия беспорядка", занимающиеся скотоводством и земледелием. Таковы Липас и Лосетт, Зехмир и Хюл, Лиснас и Мирта, таков и мудрый старец Лисандр, завершающий повествование своими наставлениями. Эти люди столь же наивны и богобоязненны, как и герои первых пасторалей Марешаля, но они поклоняются лишь тем богам, которые олицетворяют собой всекляную природу¹⁹³. Они не знают ни торговли, ни искусства, которые, по словам автора, слишком далеки от сельских нравов и обычаев¹⁹⁴. Вместе с тем, им не известны такие чувства, как честолюбие, жадность. Эти люди не способны совершить преступление¹⁹⁵. "Может ли быть, - вопрошал Марешаль, -

¹⁹⁰ Марешаль С. Избранные атеистические произведения... С.59.

¹⁹¹ Maréchal S. L'âge d'or, recueil de contes pastoraux. A. Mytlen, et à Paris, 1782.

¹⁹² Ibid. P.5-7.

¹⁹³ Ibid. P.23.

¹⁹⁴ Ibidem. Эта позиция С.Марешаля напоминает известное "Рассуждение о науках и искусствах" Руссо. "Необходимость воздвигла храм, - писал кумир Марешаля, - Науки и Искусства их укрепили" (Руссо Ж.-Ж. Трактаты... С.30).

¹⁹⁵ Ibid. P.23.

¹⁸⁸ Марешаль С. Избранные атеистические произведения... С.56.

¹⁸⁹ Там же.

более счастливой другая жизнь, чем эта, которая проходит в любви?"¹⁹⁶.

Уже в 1784 году, вслед за относительно умеренным по духу "Золотым веком", С.Марешаль опубликовал очередное антиправительственное сочинение. Им оказалась "Книга, спасающая от потопа", которая окончательно утвердила за ее автором репутацию несправедливого болельщика.

Если поэма "К вящей славе добродетели" вышла как анонимное издание, то в отношении "Книги, спасающей от потопа", такая возможность, вероятнее всего, исключалась с самого начала. Причиной тому могло быть общее ужесточение цензуры, или же вполне определившаяся неблагонадежность самого С.Марешаля. Так или иначе, но писатель был вынужден представить свое сочинение на строгий суд королевскому цензору для получения традиционного для того времени "Approbation du Censeur Royal". Понятно, что в этих условиях С.Марешаль, учитывая все "pro" и "contra", мог добиться искомого "благословения" лишь прибегнув к литературной мистификации. Его новое сочинение было искусно замаскировано под... религиозный трактат (!). Это обстоятельство сбило с толку королевских чиновников. Один из них, аббат Руа, наивно причислял книгу С.Марешаля к тем сочинениям, которые, якобы, способны обратить к религии всех, сомневающихся в ее истинности¹⁹⁷. Правда, это роковое заблуждение длилось не долго. Как только сборник "божественных" псалмов появился в книжных лавках, для всех, кто с ним ознакомился, стал ясен подлинный замысел автора, проповедовавшего антиклерикальные и республиканские взгляды.

Спустя два столетия можно только догадываться, какую ярость реакционеров вызвало сочинение С.Марешаля, если, например, в шестом псалме он утверждал, что "честные атеисты лучше, чем безнравственные верующие"¹⁹⁸.

Первые же строки "псалмов" С.Марешаля убеждают в том, что он продолжает радикальные традиции предшествующих сочинений. Истекшие годы внесли немало нового в философские и социально-политические воззрения литератора-просветителя. О том, насколько ин-

тенсивно протекала эволюция в этой области, позволяют судить следующие примеры. Так, если автор "Книги всех веков" отказался определить свое отношение к религии, то спустя всего лишь два года он открыто объявил себя атеистом. Отношения собственности, признаваемые им в 1779 году "основой всех законов общества", к 1781 году превратились в его глазах в главную причину всех несчастий человечества. В "Книге, спасающей от потопа" С.Марешаль еще более углубил критику социального неравенства. Убийственнойironией полны слова писателя, бросающего взгляд на бедственное положение народа, несущего ярмо угнетения: "Разве должен бедняк роптать на богача за то, что богач не отдает бедному то, чем он владеет?"¹⁹⁹. С.Марешаль не видит путей примирения между бедными и богатыми. Он не верит в бескорыстие власть имущих, зачастую скрывающихся под маской благодетелей простого люда. "Где тот богач, - задает вопрос писатель, - который не может спать, зная, что бедняк дрожит от голода на пороге дома его?"²⁰⁰. "Нельзя быть сразу богатым и сострадательным", - склоняется он к выводу.

Все чаще и чаще в псалмах мелькает мысль о необходимости установления на земле равенства, исключаящего угнетение и собственность. "Ведь как отрадно сказать ближнему своему: пусть трапеза моя будет твоею", - доказывает писатель в одном из абзацев своего обширного сочинения²⁰¹. Правда, суровая действительность говорила о невозможности немедленного осуществления одного из основных заветов природы. "Уны! Дикое раздвора и дух деспотизма, - гласил очередной псалом, - поделили между собой мир"²⁰².

Нестерпимы и бесчеловечны нравы людей, живущих в обществе, признает С.Марешаль в отчаянии. Вокруг себя он не различал "ни одного человека, который бы мог служить прибежищем Свободе"²⁰³. Цивилизация, по мнению писателя, не принесла человечеству счастья. Напротив, подчеркивал он, она привела к тому, что "у человека нет большего врага, чем его ближний"²⁰⁴. Войны, уносящие тысячи

¹⁹⁶ Марешаль С. Избранные атеистические произведения... С.79.

¹⁹⁷ Там же. С.80.

¹⁹⁸ Там же.

¹⁹⁹ Там же. С.94.

²⁰⁰ Там же. С.95.

²⁰¹ Там же. С.88.

¹⁹⁶ Maréchal S. Op. cit. P.123.

¹⁹⁷ Марешаль С. Избранные атеистические произведения... С.88.

¹⁹⁸ Там же. С.75.

и тысячи жизней, "иссушающая душу" роскошь, неискоренимый дух деспотизма, "жалкий и ничтожный" город, забвение законов природы – вот представленный Марешалем перечень главных приобретений человечества с момента возникновения государства. "Цивилизованные люди дошли до того, – сетовал писатель, – что краснеют за добродетель, как некогда краснели из-за порока"²⁰⁵.

Еще более ожесточенным нападкам со стороны автора псалмов была подвергнута монархия. "Коронованные черви, – обращался к деспотам С.Марешаль, – мир после вас будет тем же, чем он был до вас"²⁰⁶. Писатель решительно отвергал какую бы то ни было возможность сохранения монархии. "Люди могут обойтись даже без добрых царей", – утверждал он²⁰⁷.

С завидным постоянством С.Марешаль рисует в своих псалмах картину естественного перерождения человечества. Он призывал отказаться от тлетворного влияния цивилизации. "Чтобы быть счастливым и добрым, надо, – вновь подчеркивал он, – чтобы человек вернулся к Природе и в ней пребывал"²⁰⁸. Светлым и безоблачным рисуется в воображении писателя прошлое людей. С.Марешаль не забывал напомнить при этом, что в давние времена никто не знал собственности и неравенства. "Тогда совсем не говорили: у меня, но предпочитали говорить: у нас"²⁰⁹.

Камнем преткновения для С.Марешаля было практическое воплощение естественных законов. Политическая революция, по всей видимости, еще пугала его, и в своих дореволюционных произведениях он всячески избегал этой темы. В данной области для Марешаля была сомнительной сама идея насилия, которая, по мнению моралиста, могла лишь увеличить зло. Именно поэтому он искал другие пути, более соответствующие его этическим убеждениям. "Не потрясай сосудом; зло, как винная гуща, само оседет на дно, – проповедовал писатель, – добро удержится сверху; ни с чем не смешанное, подступит оно к губам твоим"²¹⁰. Однако и мирный путь пугал его

своей протяженностью. "Вернется ли это счастливое время, этот патриархальный век?", – с беспокойством размышлял С.Марешаль²¹¹.

Псевдопсалмы С.Марешаля привлекли к себе всеобщее внимание. В результате столь шумного "успеха" С.Марешаль был изгнан из коллежа Мазарини, где не желали терпеть присутствия радикально настроенного писателя²¹². Как сообщает в своей монографии М.Домманже, полиция предприняла попытку конфисковать тираж книги, однако это удалось сделать лишь наполовину²¹³.

Попав в опалу, С.Марешаль был вынужден хотя бы на время изменить тон своих сочинений. Он стремился не касаться более опасных проблем и выступил с серией исследований в области мифологии. Один за другим из-под его пера появились: двухтомник "Картины вымыслов"²¹⁴, божественный "Пантеон"²¹⁵ и лирический "Словарь Амура"²¹⁶.

Новые произведения были заполнены описаниями и характеристиками древних божеств и, казалось, не заключали в себе никакого подвоха. Однако и этот вполне лояльный по отношению к монархии и церкви сюжет содержал тщательно сокрытые крамольные мысли. Писатель, например, подчеркивал тождественность некоторых богов (Амура, Пана и т.д.) образу самой природы, отрицая тем самым их внеземную сущность²¹⁷. Одновременно автор обращал внимание читателей на продажность и всекорыстие этих мифических фигур, ставя тем самым вопрос об извечной сути религии. "Все боги покорны Амуру, – рассуждал он, – но Амур покорен золоту. Сколь жестока эта истина!"²¹⁸.

В 1788 году С.Марешаль завершил публикацию своего историко-этнографического сочинения "Современные гражданские одежды всех

205 Марешаль С. Избранные атеистические произведения... С.82.

206 Там же. С.84.

207 Там же. С.85.

208 Там же. С.95.

209 Там же. С.97.

210 Там же. С.79.

211 Марешаль С. Избранные атеистические произведения... С.97.

212 См.: Bachaumont L. Mémoires secrets T.29. P.107-113.

213 Dommanget M. Op. cit. P.93.

214 Maréchal S. Tableaux de Fable, ou nouvelle histoire poétique Des DieuxT.1-2.A Paris, 1787.

215 Maréchal S. Le Panthéon ou les figures de la fable. (Paris ?), s.d. (1787).

216 Maréchal S. Dictionnaire d'Amour. Parti 1-2.A Guid, et se trouve à Paris, 1788.

217 Maréchal S. Tableaux de FableT.1. P.4.

218 Maréchal S. Dictionnaire d'Amour Parti 2. P.45.

известных народов"²¹⁹. Интерес исследователя к столь необычной для него теме был вызван отнюдь не праздным любопытством. Обстоятельное изучение истории, нравов и быта народов мира содействовало утверждению у С.Марешаля мысли о необходимости возвращения к "золотому веку". Но несмотря на вновь захватывавшие писателя симпатии к "естественному состоянию", он был далек от поддержки популярного с начала открытия Нового света мифа о "добродетельном дикаре"²²⁰. Рассказывая о жизни аборигенов Огненной Земли, автор книги пришел к выводу, что эти темные, невежественные люди "нуждаются в мудрых и просвещенных миссионерах"²²¹.

Весьма осторожно проявляя свои политические симпатии, С.Марешаль все-таки не сумел удержаться от похвал в адрес республиканской Швейцарии. По его мнению, народ горных кантонов "считает себя свободным, потому что не имеет короля"²²².

С большим одобрением отзывался С.Марешаль о политическом строе соседней Британии. "Священный огонь Свободы, - подчеркивал писатель, - еще сверкает на этом острове"²²³.

Весьма любопытно, что в очерке, посвященном тогдашнему Парижу, С.Марешаль не обошел вниманием жизнь "класса рабочих" ("la classe des ouvriers"). По его словам, пролетарии столицы владели гораздо более жалкое существование, нежели простые поденщики"²²⁴.

Вторая половина 80-х годов еще более высветила незаурядное поэтическое дарование С.Марешаля. В этот период он стал деятельным сторонником так называемой анакреонтической или эпикурейской лирики, проповедующей, следуя традиции древнегреческого поэта Анакреона (ок. 570-487 гг. до н.э.), земные радости, любовь и политическое свободомыслие. Новое увлечение литератора нашло отражение в лирическом сборнике "Анакреонтических песен"²²⁵.

Поэтический альманах состоял из 24 четверостиший-наставлений, адресуемых С.Марешалем своим друзьям, добропорядочным дамам и другим поклонникам этого жанра. "Друзья! - вещал поэт, - Выступайте мои наставления на коленях ваших Пастушков; прочтите мои легкомысленные песни, продиктованные самим Амуром"²²⁶. Стихотворные идиллии С.Марешаля пользовались несомненным успехом. В "Красной тетради" Люсиль Демулен, хранившей автографы многих литературных знаменитостей дореволюционного Парижа, нашлось место и для двух салонных экспромтов поэта²²⁷.

Литературные опыты не могли заслонить от С.Марешаля дыхание приближавшейся революции. В январе 1788 года он выступил с новым произведением, озаглавленным "Альманах честных людей"²²⁸.

Небольшое издание, уместившееся на одном листе, вызвало в стане реакции не меньшее возмущение, чем объемистая "Книга, спасающая от потопы". Некий аббат Тандо (Tandeau) обратился к членам Парижского парламента с требованием немедленного ареста возмутителя спокойствия, обвиняя его в "идолопоклонческом эклектизме"²²⁹. Даже журналист-просветитель барон М.Гримм поместил в своем "Корреспонданс литерер" ("Correspondance littéraire") критический материал, в котором сочинение С.Марешаля признавалось "чрезвычайно вульгарным по форме"²³⁰.

Сочинение С.Марешаля было очередной попыткой развенчать установившиеся традиции общественной жизни. На сей раз, объектом критики писателя стал церковный календарь. Особую ярость клерикалов вызывало то обстоятельство, что автор альманаха заменил привычные всем святцы на имена великих философов, естествоиспытателей и политических деятелей, известных своим демократизмом. Такой чести были удостоены: Декарт, Гоббс, Вольтер, Руссо, Паскаль, Ламетий, Ян Жюкка, Спартак и многие другие исторические персонажи.

Думал ли С.Марешаль, составляя свой еретический календарь, о возможной реформе летоисчисления? Скорее всего, нет. Следует со-

²¹⁹ Maréchal S. Costumes civils actuels de tous les peuples connus ... T.1-4. A Paris, 1788.

²²⁰ См.: Мордвинцев В.Ф. Рождение легенды о "добром дикаре" / История социалистических учений. М., 1981. С.256-272.

²²¹ Maréchal S. Op. cit. T.2. Sans page.

²²² Ibid. T.1. P.5.

²²³ Ibid. T.2. P.14.

²²⁴ Ibid. T.3. P.5.

²²⁵ Maréchal S. Chansons anacréontiques. A Paris, 1788.

²²⁶ Maréchal S. Op. cit. P.3.

²²⁷ Lecoq G. Le cahier rouge de Lucile Desmoulins. Paris, 1880. P.5-7.

²²⁸ Monin H. Op. cit. P.220-225.

²²⁹ Ibid. P.220.

²³⁰ Welschinger H. Les Almanachs de la Révolution ... P.6.

гласиться с мнением советского исследователя И. Вороницина, который подчеркивал присущий альманаху "элемент своего рода литературного озорства". "Самому автору, - продолжал историк далее, альманах представлялся скорее боевым памфлетом против религии, чем серьезным проектом реформы календаря".²³¹ Не возражая против такой оценки, заметим, что мечта о светском календаре, которую и отразило сочинение С. Марешаля, не была забыта. В годы революции она воплотилась в республиканский календарь Ж. Ромма.²³² Не случайно, многие его знакомые стали в будущем революционерами. Так, участник бесед у Г. Вассе, писатель Ж. Лабле в 1790 году в Комитет защитников свободы дистрикта Кордельеров.²³³ Важный член Парижского музея, аббат Ф.-В. Мюло, превратился в депутата Законодательного собрания.²³⁴ Муж Люсиль Демулен, -

Прозвучавшие в адрес С. Марешаля угрозы на сей раз не остались без последствий. Специальное постановление парламента внесло его к оружию в июльские дни 1789 года.²³⁵ истический альманах в разряд запрещенных изданий и приговорило его к сожжению.²³⁶ По требованию королевского прокурора Л. Сеттими связями С. Марешаля вызывают его масонские контакты. Как уда- автор был водворен в тюрьму Сен-Лазар, где отбывали наказание нарушители нравственности.²³⁷ ося установить М. Домманже, накануне революции писатель числился леном ряда масонских лож Парижского Востока.²⁴⁰ Правда, сам ис-

Накануне Великой французской буржуазной революции С. Марешаль решительно отвергал какое бы то ни было воздействие был заметной фигурой на литературном небосклоне Парижа. Отныне Марешаля с этой стороны. По его мнению, функции этих буржуаз- писатель мог выбирать друзей, ни мало не заботясь о мнении тех, по своей сути организаций исчерпывались пропагандой философ- с кем он не желал иметь ничего общего. Светская жизнь писателя и идей.²⁴² На наш взгляд, взаимоотношения С. Марешаля с масон- начавшаяся в салоне Г. Вассе, не прекратилась и позднее. В февральском носили более сложный характер. По всей вероятности, здесь ле 1782 года он стал членом известного литературного общества первую очередь следует учитывать тот факт, что к концу XVIII сто- Парижский музей.²³⁵ Его имя было хорошо известно всегда, а течение не было однородным. В нем отчетливо определи- некоторых других, более мелких салонов, собиравшихся, например, группы, исповедовавшие самые радикальные теории. Особым рве- у мадам Лепэн (Lépine)²³⁶ и Л. Демулен.²³⁷ Нет необходимости уем отличались, к примеру, иллюминаты, влияние которых во Фран- ии было огромно. Об их существовании С. Марешаль, по-видимому,

²³¹ Вороницин И. П. Светский календарь Великой французской революции... С. 1-2.

²³² Селешников С. М. История календаря и хронологии. М., 1970. С. 82-92.

²³³ Рокэн Ф. Движение общественной мысли во Франции в XVIII в. (1715-1789 гг.) / Пер. с франц. СПб. 1902. С. 589.

²³⁴ Monin H. Op. cit. P. 220. По сведениям анонимного автора статьи о Марешале в журнале "L'Humanitaire", писатель попал в Сен-Лазар случайно. Друзья, чтобы спасти автора "Альманаха" от преследований, решили укрыть его... в Бастилии. Но в заготовле- ное заранее постановление об аресте вкралась досадная описка: вместо Бастилии туда было вписано название другой тюрьмы. Так или иначе, но Марешаль оказался позднее в Бастилии, где и про- в заключении три месяца.

²³⁵ Dommanget M. Op. cit. P. 71.

²³⁶ Ibid. P. 73.

²³⁷ Claretie J. Camille Desmoulins, Lucile Desmoulins. Études sur les dantonistes. Paris, 1895. P. 143-144.

²³⁸ Кучеренко Г. С. Судьба "Заведания" Жана Мелье... С. 156.

²³⁹ Гобель Г., Собуль А. Распространение идей Руссо и истолкование руссоизма (по альманахам времен Великой французской революции) // Французский ежегодник. 1978. М., 1980. С. 25-26.

²⁴⁰ Кропоткин П. А. Указ. соч. С. 58.

²⁴¹ Dommanget M. Op. cit. P. 68-71.

²⁴² Ibid. P. 68.

наты) "сметных испытаний, принятых в обычных масонских ложах"²⁴³. "Меня гораздо больше интересовали иллюминаты, чем французы", - сокрушался в пьесе С.Марешаля "Страшный суд над королями" свергнутый с престола прусский король²⁴⁴. Французский исследователь К.Фозиль прямо называл писателя иллюминатом²⁴⁵.

Тесные контакты С.Марешаля с представителями прогрессивной интеллигенции еще более усилили его радикальные настроения. В этой связи обращает на себя внимание близость писателя с Н.Рети-фом де ля Бретонем - будущим сторонником коммунистических идей²⁴⁶.

Тюремное заключение не сломило С.Марешаля. Обретя свободу, он продолжил борьбу с доживающим последние месяцы абсолютизмом. Своеобразной вершиной политического творчества писателя накануне революции явился памфлет "Первые уроки предполагаемого депутата будущих Генеральных штатов старшему сыну короля". Здесь с новой силой и страстной убежденностью С.Марешаль заявил о своих республиканских и эгалитарных взглядах. Протестуя против паразитизма в современном ему обществе социального неравенства, писатель рассуждал в качестве краеугольного камня этой рабской системы феодальную монархию. Не случайно, иллюстрируя униженность и обездоленность простого народа, он обратился к описанию Версаля. "Если каждый унесет отсюда частицу своего труда, хозяин дома окажется еще более бедным, чем любой из нас", - заключил С.Марешаль, возмущаясь мастерством истинных создателей великолепного архитектурного ансамбля²⁴⁷.

Окидывая взором цивилизованное общество, писатель-демократ с горечью констатировал, что оно напоминает "огромный рынок рабов, где люди продают и покупают друг друга". Антиподом этого противоестественного состояния для С.Марешаля являлось далекое прошлое человечества. По его словам, это было то счастливое время, "когда все люди ели из одного блюда согласно своим потребностям".

Каждая вернуться к этим порядкам, якобы, свергнутым хитростью силой, Марешаль призвал сделать землю "общим достоянием все-населения".

Попытка Людовика XVI сбить накал общенационального кризиса и помощи созыва Генеральных штатов не произвела на С.Марешаля должного впечатления. Его рекомендации дофину явно выходили за рамки официальной программы умиротворения. Вскоре новое сочинение писателя заняло место в одном из многочисленных списков запрещенных книг. Это был последний акт длительного противостояния, решала монархия Бурбонов. Начавшаяся революция решила спор и открыла новые перспективы перед талантливым литератором.

Таким образом, дореволюционный этап идейной эволюции С.Марешаля включает в себя "пасторальный" период (1770-1782) и годы скрытой оппозиции абсолютизму (1782-1789). Поначалу мировоззрение писателя не выходило за рамки умеренно-просветительских традиций. Деспотизму абсолютной монархии он противопоставлял идею родного суверенитета, социальному угнетению - преимущества естественного состояния²⁴⁸. Усиление безудельной реакции и сочувствие плебейству пробудило в Марешале интерес к философии Ж.-Ж. Руссо. Выход в свет проруссоистских сочинений литератора свиде-

тельствовал о его переходе в демократический революционный лагерь. Близость и осязаемость революции усилили радикальную направленность антифеодальных выступлений С.Марешаля. В его философских и социально-политических воззрениях появились новые, ранее не имевшиеся, элементы. В 80-е годы у С.Марешаля определилось внимание к идее "общности имущества". Однако свойственная писателю непоследовательность помешала ему преодолеть рубеж, отделивший эгалитарную концепцию от коммунистической.

В целом, накануне Великой буржуазной революции С.Марешаль был как убежденный противник монархии, католической церкви и личной "эксплуататорской" собственности. Его социально-политические идеалы нашли свое отражение в теориях "золотого века" и естественного республиканизма".

²⁴³ Maréchal S. Dictionnaire des athée P.95.

²⁴⁴ Марешаль С. Избранные атеистические произведения... С.169.

²⁴⁵ Fozil C.-A. Op. cit. P.183.

²⁴⁶ См.: Иоаннисия А.Р. Указ. соч. С.178-248.

²⁴⁷ Здесь и далее цитируется по изданию: Maréchal S. Apologues // Les Bonnes Feuilles, XIV, Paris, 1922.

Глава II. ВЕЛИКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И СТАНОВЛЕНИЕ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ С.МАРЕШАЛЯ

§ I. В борьбе с монархией, аристократией и церковью (1789-1792 гг.)

Великая французская буржуазная революция открыла новую и наиболее яркую страницу в творчестве С.Марешаля. Вдохновленный успехами восставшего народа, писатель был далек от критического осмысления происходивших вокруг событий. Тем более, что долгие годы борьбы с королевской цензурой сменились для него возможностью открыто пропагандировать свои антимонархические и атеистические взгляды. Однако период беззаботного упоения свободой, оказавшейся к тому же весьма призрачной и далекой от рисовавшегося идеала, продолжался для Марешаля недолго. В январе 1790 года писатель-демократ начал критическую кампанию, направленную против Учредительного собрания.

Важную роль в политической переориентации С.Марешаля сыграл кризис просветительской идеологии. Великие идеалы свободы и равенства, превозносившиеся в сочинениях патриархов Просвещения в качестве основополагающих черт грядущего общественного устройства, постепенно приобретали конкретный социальный смысл. Предсказанное ими "царство разума" оказалось, по меткому определению Ф.Энгельса, ни чем иным, как "идеализированным царством буржуазии"²⁴⁸. В этих условиях многие представители младшего поколения просветителей без колебаний предпочли былым демократическим идеалам диктатуру нового эксплуататорского класса. Такова, к примеру, судьба П.-Ж.Кабаниса, в будущем идеолога партии бонапарти-

тов. Раскол в революционном лагере затронул и С.Марешаля. Отстаивая интересы плебейства, он пришел к признанию справедливости коммунистических идеалов.

События весны и лета 1789 года не могли оставить С.Марешаля равнодушным. Давний противник монархии Бурбонов с нескрываемым удовлетворением приветствовал начало Великой революции. Стремление донести до потомков неповторимый колорит переживаемых свершений побудило писателя приступить к работе над революционной летописью. В начале января 1790 года был опубликован проспект первого тома "Картин французской революции"²⁴⁹. По замыслу автора, открывающая летопись книга целиком посвящалась описанию скандального вторжения кавалерии принца Ламбеска в Трильрийский сад²⁵⁰.

Автор не преминул также поместить в проспекте восторженные эпитеты, адресуемые революции. "Наша героическая революция", - с нескрываемой гордостью писал о ней С.Марешаль²⁵¹. "Свобода!... Отныне твой храм находится в Париже"²⁵², - с пафосом утверждал писатель в своем проспекте-панегирике.

Революционные события представлялись Марешалю столь грандиозными, что их достоверное отображение он рассматривал как долг чести по отношению к родине и будущим поколениям. И все же литератор не сумел осуществить свой интересный творческий эксперимент. Спокойное ремесло хрониста весьма скоро вступило в противоречие с давно определившейся для него позицией писателя-гражданина. Неистребимое желание полнее осудить кульс своего времени заставило его пересмотреть первоначальные планы и пробудило в нем талант публициста.

Намерение С.Марешаля посвятить себя литературно-публицистической деятельности подкреплялось ширившимся в Париже "газетным бумом"²⁵³. Обилие периодических изданий свидетельствовало о

²⁴⁹ Maréchal S. Tableaux de la Révolution Française, Dessinés et gravés en couleurs, avec un Texte Historique. A Paris, 1789. P. 3.

²⁵⁰ Ibidem. Привлекший внимание С.Марешаля эпизод имел место 12 июля 1789 года.

²⁵¹ Ibid. P. 2.

²⁵² Ibid. P. 1.

²⁵³ О его масштабах позволяет судить монография историка французской революционной прессы Алена - см.: Hatin E. Bibliographie historique et critique de la presse périodique française, Paris,

²⁴⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. I9. С. I90.

интересов церкви. Даже отказ французского духовенства от феодальной десятины (II августа 1789 г.) никоим образом не отразился на ее экономическом могуществе. Столь же малоэффективным оказался Декрет Национального собрания о передаче церковных имуществ в распоряжение нации, утвержденный по докладу Мирабо 2 ноября 1789 года. Буржуазные революционеры, выступая в качестве блюстителей права собственности, долгое время не осмеливались претворить закон в жизнь. Сам Мирабо толковал его смысл крайне противоречиво. "Речь идет как раз не о том, чтобы отнять у духовенства его имущество..., - рассуждал он. - Можно провозгласить принцип собственности нации, не лишая духовенства права управлять своим имуществом". Естественно, что в этих условиях действительное отчуждение церковных богатств происходило чрезвычайно медленно. Декрет о продаже церковных имуществ был принят лишь 14 мая 1790 года. Столь же неспешно происходил во Франции процесс гражданского переустройства церкви. Отделение церкви от государства и объявление религии частным делом граждан было провозглашено в 1795 году.

По-видимому, тон первых номеров газеты пришелся не по вкусу осторожному Шампиньи. Спеша успокоить обывателей, он выступил с соответствующими разъяснениями. "Друзья-читатели! - взывал обеспокоенный издатель. - Некоторые из вас не утруждают себя прочтением следующего за "Бочкой Диогена" названия газеты. Они опасаются увидеть там заявление о борьбе между Философией и Религией. Успокойтесь, Религия и Философия, будучи двумя добрыми сестрами, созданы для совместной жизни"²⁶¹. Вынашивая идею о превращении святош в добрых патриотов, Шампиньи призывал "разрушая суд деспотизма, уважать суд Религии"²⁶². Стремясь придать своим словам большую значимость, он ставил в пример набожного заокеанского "собрата по оружию" - Джорджа Вашингтона. Как показали последующие события, попытки Шампиньи навязать С.Марешалю свои взгляды, остались безрезультатными. Писатель-демократ не впервые отстаивал самобытность своего мировоззрения. В дальнейшем содержание публикуемых им статей приобрело еще большую остроту.

Непоследовательность и беспринципность политики Учредительно-

го собрания вызывали у С.Марешаля растущее чувство разочарования. Он открыто заявил об ущемлении интересов простого народа и указал на фактическую неизбежность положения привилегированных классов. "Лучше остаться рабами одного единственного деспота, чем обрести многих", - заключал в этой связи начинавший публицист²⁶³. В сложившихся условиях литератор особенно высоко оценивал значение свободной демократической печати, относя к ней и редактируемую им газету. "Революция началась благодаря влиянию хороших книг, - утверждал он, - нужно, чтобы она завершалась при помощи столь же полезных газет"²⁶⁴. Эта мысль все более овладевала Марешалем. Не осознавая в полной мере социальной обусловленности происходящих событий, писатель, как и многие другие демократы, связывал успех или неудачу революции со степенью просвещенности совершающих ее людей. Известная просветительская формула "мнения правят миром" по-прежнему оказывала решающее воздействие на предлагаемые мыслителем рецепты врачевания современного ему общества.

Конечно, разочарование постигло С.Марешаля не сразу, и в первые месяцы революции он сохранял надежды на благоприятные итоги развернувшейся борьбы. "Великий день суда, наконец, настал, - приходил к выводу писатель. - Богач и бедняк, простолюдин и аристократ - все, без исключения, должны предстать сегодня перед судом преобразующего разума"²⁶⁵. Не колеблясь, С.Марешаль называет тех, кому, по его мнению, надлежит вкушать плоды грядущей победы: "Народу, а не знати, богачам и священникам... должны достаться великие благодеяния свободы. Народ... завершит революцию"²⁶⁶.

Предчувствуя маневры реакционной буржуазии, стремящейся свернуть революцию, писатель-демократ призывал народ к повышенной бдительности. "Ощутив, наконец, собственные силы, не обманывайтесь, - проповедовал он с газетных страниц, - ибо даже проявив подобную храбрость, вы в меньшей степени сражаетесь во имя собст-

²⁶³ Le Tonneau de DiogèneN7. P.52-53.

²⁶⁴ Ibid. N8. P.59.

²⁶⁵ Ibid. N1 . P.2.

²⁶⁶ Ibid. N10. P.75.

яростном противоборстве мнений по поводу дальнейшего развития революции. Восприняв ото сна, но не сбросив оков деспотизма, демократическая Франция заявляла с газетных страниц о необходимости "продолжить разрушение "старого порядка". Связав с революцией все свои надежды, С.Марешаль не мог оставаться в стороне от вновь обострившейся борьбы между старым и новым миром.

Начало публицистической деятельности С.Марешаля складывалось непросто. Опальный в недавнем прошлом литератор был вынужден бежать к помощи состоятельного покровителя. Им оказался некий Шампиньи, которого С.Марешаль склонил к финансированию небольшой газеты. Первый номер периодического издания компаньонов, под новым названием "Бочка Диогена или Революции Духовенства", вышел 9 января 1790 года. В дальнейшем предполагалось осуществлять не менее трех выпусков газеты еженедельно. Любопытно, что долгое время она печаталась в типографии Гильома Брина, будущего маршала Франции. Нет никаких сомнений в том, что родившееся издание было детищем С.Марешаля. Так, объясняя издание газеты, он в своей для себя манере ссылаясь на необходимость обращения "к добродетелям первейших из первых Апостолов", относился к их числу Диогена Лаэртца²⁵⁴.

Внешне газета С.Марешаля не выделялась из общей массы революционной периодики. Тот же небольшой объем: несколько страниц, наспех отпечатанных на серой бумаге; мизерный тираж, делавший большинство из этих изданий библиографической редкостью с момента выпуска. Наконец, "Бочка Диогена" оказалась столь же недолговечной: ее последний номер вышел в свет 20 мая 1790 года. Литературное перо С.Марешаля способствовало кратковременному успеху газеты.

Первый же номер "Бочки Диогена" объявил непримиримую войну духовенству. Разумеется, от внимания С.Марешаля не ускользнули перемены, сгладившие невежество и мракобесие священников. Одна происшедшая мимикрия не могла ввести в заблуждение старого писателя-атеиста. "Никогда еще французское духовенство не было столь просвещенным", - писал, стремясь сохранить объективность, С.Марешаль. "Но, - тут же был вынужден добавить он, - никогда оно не обладало и большими богатствами"²⁵⁵.

254 Le Tonneau de DiogèneN1. P.2.

255 Ibidem.

Могущество церкви вызвало у С.Марешаля чувство опасения за судьбу революции. "Революция не будет для нас удачной до того момента, - утверждал он, - пока духовенство не будет сведено на нет"²⁵⁶. Стремясь привлечь внимание читателей на контрреволюционную сущность священников, писатель подчеркивал, что они всегда благословляли жинжалы заговорщиков.

По мнению С.Марешаля, революция создала идеальные условия для немедленного решения судьбы духовенства. Не случайно, напоминая он, созыв Генеральных штатов заставил духовенство дрожать за свои привилегии и богатства²⁵⁷. Вступив в открытое противоборство с духовенством, редактор "Бочки Диогена" превозносил "сокрушительное красноречие Барнава, Шалье, Туре, Мирабо, направленное на отражение софизмов церковников"²⁵⁸. Не меньшее удовлетворение у С.Марешаля вызывали антиклерикальные вердикты правительства. "Новый декрет Национального собрания, лишивший духовенство возможности рассуждать о божественном происхождении королевской власти, - не без злорадования заметил писатель, - поверг в обморок такое состояние аббата Вермона, бывшего чтеца Реймского собора"²⁵⁹.

Будьба этого святоши привлекла его внимание не случайно. Раньше аббат Вермон был библиотекарем в коллеже Мазарини и, таким образом, оказался хорошо знаком Марешалю. Потешаясь над тупостью бывшего "коллеги", писатель сообщал, что за время пребывания в библиотеке тот не раскрыл ни одной книги, довольствуясь созерцанием их корешков.

Доброе возмущение у С.Марешаля вызывало лицемерие высшего духовенства, умело маскировавшего свою алчность под личиной святош. "Нужно быть хорошим оратором, чтобы убеждать, проповедуя о христианском гуманизме и евангельской простоте, имея в кармане патент на 30.000 лиаров ренты", - писал он, разоблачая аббата Мори - будущего эмигранта и кардинала²⁶⁰.

Антиклерикальные выступления С.Марешаля были чрезвычайно злободневными. К началу 1790 года революция практически не затронула

Le Tonneau de DiogèneN9. P.66.

Ibid. N1. P.2.

Ibid. N2. P.13.

Ibidem.

Ibid. N1. P.2-3.

интересов церкви. Даже отказ французского духовенства от феодальной десятины (II августа 1789 г.) никоим образом не отразился на ее экономическом могуществе. Столь же малоэффективным оказался Декрет Национального собрания о передаче церковных имуществ в распоряжение нации, утвержденный по докладу Мирабо 2 ноября 1789 года. Буржуазные революционеры, выступая в качестве блюстителей права собственности, долгое время не осмеливались претворить закон в жизнь. Сам Мирабо толковал его смысл крайне противоречиво. "Речь идет как раз не о том, чтобы отнять у духовенства его имущество..., - рассуждал он. - Можно провозгласить принцип собственности нации, не лишая духовенства права управлять своим имуществом". Естественно, что в этих условиях действительное отчуждение церковных богатств происходило чрезвычайно медленно. Декрет о продаже церковных имуществ был принят лишь 14 мая 1790 года. Столь же неспешно происходил во Франции процесс гражданского переустройства церкви. Отделение церкви от государства и объявление религии частным делом граждан было провозглашено в 1795 году.

По-видимому, тон первых номеров газеты пришелся не по вкусу осторожному Шампиньи. Спеша успокоить обывателей, он выступил с соответствующими разъяснениями. "Друзья-читатели! - взывал обеспокоенный издатель. - Некоторые из вас не утруждают себя прочтением следующего за "Бочкой Диогена" названия газеты. Они опасаются увидеть там заявление о борьбе между Философией и Религией. Успокойтесь, Религия и Философия, будучи двумя добрыми сестрами, созданы для совместной жизни"²⁶¹. Вынашивая идею о превращении святош в добрых патриотов, Шампиньи призывал "разрушая суд деспотизма, уважать суд Религии"²⁶². Стремясь придать своим словам большую значимость, он ставил в пример набожного заокеанского "собрата по оружию" - Джорджа Вашингтона. Как показали последующие события, попытки Шампиньи навязать С.Марешалю свои взгляды, остались безрезультатными. Писатель-демократ не впервые отстаивал самобытность своего мировоззрения. В дальнейшем содержание публикуемых им статей приобрело еще большую остроту.

Непоследовательность и беспринципность политики Учредительно-

... у С.Марешаля растущее чувство разочарования. Он открыто заявил об ущемлении интересов простого народа и указывал на фактическую незыблемость положения привилегированных классов. "Лучше остаться рабами одного единственного деспота, чем обрести многих", - заключал в этой связи начинающий публицист²⁶³. В сложившихся условиях литератор особенно высоко оценивал значение свободной демократической печати, относя к ней и редактируемую им газету. "Революция началась благодаря влиянию хороших книг, - утверждал он, - нужно, чтобы она завершалась при помощи столь же полезных газет"²⁶⁴. Эта мысль все более овладевала Марешалем. Не осознавая в полной мере социальной обусловленности происходящих событий, писатель, как и многие другие демократы, связывал успех или неудачу революции со степенью просвещенности совершающих ее людей. Известная просветительская формула "мнения правят миром" по-прежнему оказывала решающее воздействие на предлагаемые мыслителем рецепты врачевания современного ему общества.

Конечно, разочарование постигло С.Марешаля не сразу, и в первые месяцы революции он сохранял надежды на благоприятные итоги разгоревшейся борьбы. "Великий день суда, наконец, настал, - приходил к выводу писатель. - Богач и бедняк, простолюдин и аристократ - все, без исключения, должны предстать сегодня перед судом преобразующего разума"²⁶⁵. Не колеблясь, С.Марешаль называл тех, кому, по его мнению, надлежит вкусить плоды грядущей победы. "Народу, а не знати, богачам и священникам... должны достаться великие блага свободы. Народ... завершит революцию"²⁶⁶.

Предчувствуя маневры реакционной буржуазии, стремящейся свергнуть революцию, писатель-демократ призывал народ к повышенной бдительности. "Ощутив, наконец, собственные силы, не обманывайтесь, - проповедовал он с газетных страниц, - ибо даже проявив подобную храбрость, вы в меньшей степени сражаетесь во имя собст-

Le Tonneau de DiogèneN7. P.52-53.

Id. N8. P.59.

Id. N1. P.2.

Id. N10. P.75.

венных очагов, нежели в интересах аристократов и священников"²⁶⁷.

Неоднократно указывая на такого страшного врага революции, каким было духовенство, С.Марешаль не оставил без внимания и других ее противников. Он предупреждал восставший народ о тайных угрозах аристократии, вдохновляемой королем. Не случайно, значительно опережая события, писатель-демократ подчеркивал настоятельную необходимость лишить головы лицемерного монарха²⁶⁸.

Независимость С.Марешаля, помноженная на его демократизм, пугала умеренного Шампиньи. Вскоре ему представился случай избавиться от строптивого редактора. В рубрике, озаглавленной "Новые книги", С.Марешаль поместил ряд фрагментов своего "Катехизиса кюре Мелье"²⁶⁹. Об идейной направленности этого сочинения свидетельствуют такие строки: "Вопрос: Что такое бог? Ответ: Бог - это все то, что захотят священники"²⁷⁰. Даже в условиях тогдашней неразберихи подобная вольность была замечена властями. В марте Шампиньи, Марешаль и Брэн предстали для объяснений перед полицейским комиссаром. Начавшееся расследование вынудило автора атеистического "Катехизиса" переселиться в известный своими демократическими порядками дистрикт Кордельеров²⁷¹.

Между тем благосклонность Шампиньи, подвергшаяся новым испытаниям, уменьшалась с каждым днем. В 18-м номере газеты, как бы предопределяя участь редактора, он указал читателям на странность предыдущих листков. Наконец, в 20-м номере "Бочки Диогена", разгневанный издатель объявил о разрыве с С.Марешалем, который, по его словам, обманом проник в газету²⁷².

Непродолжительное участие С.Марешаля в издании "Бочки Диогена" не прошло для него бесследно. Он приобрел необходимый опыт

и зарекомендовал себя преданным патриотом. Кроме того, гонения вновь напомнили ему о незавершенности революционной борьбы.

Поселившись на улице Паон (дистрикт Кордельеров), С.Марешаль очутился в центре демократического Парижа. Вблизи, на соседних улицах, жили такие известные в то время люди, как П.Шометт, Ж.-П. Марат, К.Демулен, Л.-М.Фрерон, А.Моморо. Бойцами батальона Национальной гвардии, в который вступил писатель, были не менее известные лица: Л.Прюдом и Е.Лусталло. Знакомство с последними сыграло в судьбе Марешаля решающую роль. Осенью 1790 года бывший редактор "Бочки Диогена" был приглашен в издававшийся Д.Прюдомом патриотический еженедельник "Парижские революции". Помимо С.Марешаля и упомянутого Лусталло с Л.Прюдомом в разное время сотрудничали А.Турнон, Ф.Фабр д' Англантин, П.Шометт²⁷³.

В отличие от скромного листка Шампиньи еженедельник "Парижские революции" принадлежал к числу самых популярных изданий революционной эпохи. Его тираж достигал астрономической для того времени цифры - 200 тысяч экземпляров²⁷⁴. Истинные патриоты высоко ценили острые выступления газеты Прюдома. Самого лучшего мнения о "Парижских революциях" были Марат, Бабеф и Бонвиль.

Вначале главную роль в подготовке публиковавшихся в еженедельнике материалов играл талантливый журналист-демократ Е.Лусталло. Он выпустил первые шестьдесят номеров газеты²⁷⁵. После внезапной смерти редактора, последовавшей 19 октября 1790 года, многие из его функций перешли к С.Марешалю.

Как удалось установить М.Домманже, первая публикация С.Марешаля на страницах "Парижских революций" появилась в начале октября 1790 года. С этого момента его статьи вносили немалый вклад в успех "предприятия" Л.Прюдома.

Вне всяких сомнений, сотрудничество с Прюдомом, придерживавшимся умеренных взглядов в социальной области, вынуждало С.Марешаля вносить постольные коррективы в публикуемый материал. Но даже оказавшись в столь неблагоприятных условиях, писатель сумел достаточно отчетливо высказать свое мнение по многим важнейшим социально-политическим проблемам.

Matin E. Op. cit. P.149.

Dommanget M. Op. cit. P.173.

Bellet M. Élysée Loustalot et les Révolutions de Paris. Paris, 1872. P.7.

²⁶⁷ Le Tonneau de DiogèneN7. P.53.

²⁶⁸ Ibid. N9. P.69.

²⁶⁹ Ibid. N9. P.70-71; N10. P.77-79. Здесь были опубликованы четыре главы будущей книги.

²⁷⁰ Ibid. N9. P.70-71.

²⁷¹ Dommanget M. Op. cit. P.159.

²⁷² Le Tonneau de DiogèneN20. p.154. По мнению М.Домманже, разрыв произошел значительно раньше. "Если 18-й и 19-й номера содержали еще его (то есть Марешаля. - С.К.) статьи, - писал исследователь, - то это, вероятно, лишь потому, что они были уже сданы в набор" (см.: Dommanget M. Op. cit. P.493).

В первой же статье, озаглавленной "Супруге короля", С.Маршаль продолжил обличение монархии. На этот раз объектом критики была избрана надменная королева - "австриячка". С.Маршаль резко обрушился на контрреволюционную деятельность Марии-Антуанетты, разоблачая собравшийся в ее апартаментах "австрийский кабинет"²⁷⁶. Он напоминал королеве о том, что "супруга главы государства должна быть не более, чем первой гражданкой королевства"²⁷⁷. В противном случае, С.Маршаль угрожал новыми возмущениями. "Узнайте лучше народ и его права, - предостерегал писатель королеву. - Все революции совершены при его участии в его интересах. Ради него и благодаря ему существует и правит ваш супруг"²⁷⁸. В начале 1792 года С.Маршаль обвинял королеву в стремлении разжечь гражданскую войну.

276 Révolutions de Paris.1790.N65, du 2 au 9 octobre. P.
277

277 Ibid. P.661.

278 Ibid. P.664.

279 1814. 1.004.
Révolutions

P. 52.
280

Révolutions de Paris.1791.N90,du 26 mars au 2 avril
P.615.

281
208 Ibid. P.617.

282
Ibid. P.615.

66. * Résolutions de Paris. 1791. N114, du 10 au 17 septembre.

писатель, — является лучшим из всех, ибо направляется разумом природы²⁸⁹.

Отстаивая преимущества домашнего воспитания, С.Марешаль не мог обойти вниманием общественно-политическую роль женщин. Писатель приветствовал их пробуждение, но одновременно считал, что женщина не может быть признана добродетельной, если круг ее интересов лежит вне семейного очага. Именно женщине, считал С.Марешаль, надлежит обеспечить в семействе достаток и мир в случае отсутствия отца, призванного под знамена революции²⁹⁰. Его идеалом была мифическая добродетельная Хлоя, а не пламенная бунт-ркая Теруань²⁹¹.

Как и в "Бочке Диогена" С.Марешаль связывал успехи просвещения с распространением печатной пропаганды. "Общественное просвещение, — писал он в одном из номеров "Парижских революций", — является основой социального здания..., поэтому книгопечатание предстает перед нами чудесным инструментом, с помощью которого просвещение проникает повсюду"²⁹². "Свобода печати или смерть", со всей решительностью провозглашал писатель-демократ, отстаивая возможность последовательной борьбы с наследием деспотизма²⁹³. Всякая попытка ограничить это право рассматривалась Марешалем в качестве такого деяния, которое может быть осуществлено лишь человеком с сомнительной репутацией. Именно таким представлялось литератору политическое лицо аббата Сийеса, пытавшегося добиться отмены некоторых привилегий книгоиздателей. Неприглядной деятельности бывшего аббата противопоставлялась позиция "честных, просвещенных людей", к числу которых Марешаль относил в то время Ж.Бриссо, Ф.Лантена, Ж.Петиона, А.Шенье, Ж.-М.Колло д'Эрбуа, Ж.Толлена, Л.Давида и М.Лафайета²⁹⁴.

²⁸⁹ Révolutions de Paris.1791.N114, du 10 au 17 septembre. P.466.

²⁹⁰ Révolutions de Paris.1791.N83, du 5 au 12 février. P.230-231.

²⁹¹ Révolutions de Paris.1792.N142, du 24 au 31 mars. P.582.

²⁹² Révolutions de Paris.1791.N110, du 13 au 20 août. P.272-273.

²⁹³ Ibid. P.280.

²⁹⁴ Révolutions de Paris.1792.N142, du 24 au 31 mars. P.582; N170, du 6 au 13 octobre. P.103.

Обращение к политической тематике приблизило С.Марешаля к социальным проблемам. В статье "О бедных и богатых" он вновь заявил о своей приверженности эгалитаризму. "Бедные совершили революцию, но они не извлекли из нее выгоды", — подводил неутешительные итоги Марешаль²⁹⁵. Незначительные уступки со стороны богатей не переменили положения. "Революция недействительна, — утверждал он, — если три четверти населения Франции не владеет и одной четвертью земельной собственности"²⁹⁶. Констатируя безрезультатность предпринятых в этом направлении усилий, писатель-демократ выступил с предложением "разрушить мало по малу железную стену..., разделяющую бедных и богатых"²⁹⁷. Суть его состояла в централизованном перераспределении частной собственности, которое уничтожало как чрезмерное богатство, так и вопиющую бедность. Главная роль в этом акте справедливости отводилась С.Марешалем "истинным друзьям людей", "филантропам", которые "подготовили революцию"²⁹⁸. По замыслу автора статьи, их деятельность не должна была свестись к ненужному увещеванию богатых²⁹⁹. Эгоистические интересы и ее раздел должны были "продлиться не дольше, чем установление неравенства"³⁰⁰. Правда, С.Марешаль не осмелился открыто заявить о необходимости насильственного осуществления этими об ожидании справедливости. "Богатые! Соглашались по доброй воле на осуществление аграрного закона. Пусть новые кадестры, распределив все поровну, осуществят, наконец, торжественную конституцию, которая провозгласит равными всех людей", — писал литератор, заставляя напуганных обывателей забыть о прелестной графе, которая отвергала целесообразность подобного обращения³⁰¹. Кажущееся миролюбие С.Марешаля легко опровергалось его апелляцией к революционному народу. Еще ранее он характеризовал восста-

²⁹⁵ Révolutions de Paris.1791.N82, du 29 janvier au 5 février. P.169.

²⁹⁶ Ibid. P.175.

²⁹⁷ Ibid. P.170.

²⁹⁸ Ibid. P.171.

²⁹⁹ Ibid. P.170.

³⁰⁰ Ibidem.

³⁰¹ Ibidem.

ние "палладиумом независимости народа"³⁰². Значение революционной инициативы народа подчеркивалось редактором еженедельника и позднее. "Пики, - писал в феврале 1792 года Марешаль, - установят равенство, без которого независимость не более чем слово"³⁰³.

Усилившаяся во Франции пропаганда "аграрного закона" насторожила реакционеров. Литературный критик газеты "Меркур де Франс" Ж. Лагарп пытался доказать абсурдность этой затеи в ряде очерков³⁰⁴. "Если вы обдерете богатых, кто же будет кормить бедных?" - лицемерно сокрушался публицист³⁰⁵. Немало едких замечаний было высказано Лагарпом и в адрес статьи Марешаля³⁰⁶.

Инсинуации "патрона аристократии", как называл Лагарпа Марешаль, заставили писателя-демократа выступить в защиту своих убеждений. В мае 1791 года написанное им опровержение появилось на страницах "Парижских революций"³⁰⁷. "Все древние законодатели... избирали равенство в качестве основы своих институтов и рассматривали его как самый надежный способ организовать подлинное благополучие и счастье", - утверждал С. Марешаль, опровергая критику³⁰⁸. В то же время писатель считал не лучшим местом для предложения "аграрного закона" Национальное собрание, департаменты и секции. "Там мы найдем лишь собственников, - писал он, обращаясь к Лагарпу, - активных граждан, подобных вам, которые, как и вы, выпустили бы в нас град софизмов и ругательств"³⁰⁹. Этот вывод все более склонял С. Марешаля к мысли найти своих единомышленников среди простого народа.

В том же, 1791 году, С. Марешаль подтвердил свою верность идее

радикального эгалитаризма в анонимно изданной брошюре "Госпожа Природа у решетки Национального собрания". Стремление писателя остаться в тени вновь оказалось ненапрасным. Вслед за расстрелом петиционеров на Марсовом поле (17 июля 1791 г.) Франция вступила в период так называемого "малого буржуазного террора". Уже 18 июля Национальное собрание декретировало репрессивные статьи, объявлявшие мятежником всякое лицо, подстрекающее к неповиновению закону.

Контрреволюционные устремления буржуазной верхушки способствовали дальнейшей радикализации социально-политических воззрений С. Марешаля. На страницах нового сочинения он вновь заявил о необходимости продолжить революцию. Поставив ей в заслугу "уничтожение наиболее ненавистных и возмутительных различий", писатель обращал внимание на сохранение монархии и социального неравенства. Так, автор протестовал против предоставленного королю права "вето", которое, по его мнению, препятствовало деятельности Национального собрания. "Король, - заявлял С. Марешаль, - является пугалом свободы"³¹⁰. И все же существование этого зла представлялось писателю наименьшим по сравнению с царившим в обществе социальным неравенством. "Я не люблю королей, но еще больше я не люблю богачей", - откровенно признавался он. Из всех видов зависимости самым гнусным С. Марешаль объявил именно неравенство сословий.

Напоминая о провозглашенном в "Декларации прав" равенстве всех людей, С. Марешаль подчеркивал несоответствие этого принципа реальному положению дел. "Вы провозгласили отмену дворянства, но сохранили... бедных и богатых, господ и слуг", - вещал устами мудрой Природы (от лица которой и выступал) писатель-демократ. Оглядываясь на пройденный путь, он признавал, что "революция еще не завершена". И хотя С. Марешаль вновь взывал к милосердию богачей, между строк его брошюры слышался призыв к социальной революции. Писатель по-прежнему избегал открытых нападок на право собственности, но его стремление разорвать "золотые цепи социальной зависимости" свидетельствовало об укреплении симпатий к идее "свободы имущества". В этой связи недавний сторонник замены гражданского общества патриархальным "золотым веком" вновь вернулся

³⁰² Révolutions de Paris. 1790. N68, du 23 au 30 octobre.

³⁰³ Révolutions de Paris. 1792. N136, du 11 au 18 février.

³⁰⁴ Observations sur l'ouvrage de M. de Calonn, intitulé: De l'état de la France présent et à venir // Mercure de France 9, 23, 30 avril 1791.

³⁰⁵ Mercure de France. 1791, 23 avril. P. 143.

³⁰⁶ Лагарп оговаривался, что ему неизвестно имя автора статьи "О бедных и богатых" - см.: Mercure de France. 1791, 23 avril. P. 151.

³⁰⁷ Réponse à des observations de la Harpe ... // Révolutions de Paris. 1791. N96, du 7 au 14 mai. P. 242-250.

³⁰⁸ Ibid. P. 243-244.

³⁰⁹ Ibid. P. 246.

³¹⁰ Здесь и далее цит. по: Dommanget M. Op. cit. P. 184-187.

к мысли о том, что "цивилизованные люди никогда не будут подлинно свободными, счастливыми и добрыми"³¹¹.

Второй год Великой революции завершился для С.Марешаля выходом в свет антимонархического "Словаря добрых людей"³¹². Продолжая традиции своего дореволюционного альманаха, писатель помещал на страницах книги, снабженной обширными комментариями, проект республиканского календаря.

Год провозглашения французской республики совпал с большими переменами в личной жизни С.Марешаля. Весной 1792 года он обручился с вдовой Мари-Анн-Никола Дебре³¹³. Состоявшееся в церкви Saint-Nicolas-des-Champs венчание говорило об искренности и глубине чувств убежденного противника религиозных обрядов.

Устройство личных дел несколько отдалило С.Марешаля от революционных событий. Нарушилось также его сотрудничество с "Придворным" журналом. С июня по октябрь 1792 года на страницах "Парижских революций" не появилось ни одной его статьи. Между тем, наступление реакции сменилось новой революционной волной. Народное восстание 10 августа 1792 года нанесло смертельный удар монархии. Законодательное собрание уступило место Национальному Конвенту, провозгласившему образование Первой республики.

Происшедшие перемены окрылили и взволновали С.Марешаля. Продолжавшие вслед за тем публицистические выступления писателя-демократа полны самого живого участия к судьбе молодой республики. "Имя короля не оскверняет более фасады наших общественных учреждений", - удовлетворенно подчеркивал он в статье "О республиканских нравах"³¹⁴. Помня, однако, о былом авторитете королевской власти, С.Марешаль стремился закрепить одержанную победу в сознании людей. Писатель прославлял добродетели и республиканские принципы древних римлян, германцев и галлов, наследниками которых он считал новоявленных французских граждан. Уже в 1792 году предвосхищая содержание своего "Манифеста равных", С.Марешаль видел идеалы свободы, равенства и республики выше всех искусств

³¹¹ Révolutions de Paris, N136 P.297.

³¹² Maréchal S. Dictionnaire des Honnêtes gens A Paris, 1791.

³¹³ Dommanget M. Op. cit. P.213.

³¹⁴ Révolutions de Paris. 1792. N170, du 6 au 13 octobre. P.97.

³¹⁵ Ibid. P.103.

С.Марешаль уделял заключенному в Тампль. Задолго до суда над Людовиком XVI писатель, будучи дальним многих политических лидеров, понимал необходимость вынесения смертного приговора монарху. По его мнению, кровь короля преступника как нельзя лучше скрепила бы союз свободы и нации. Настаивая на свершении правосудия, он считал своим долгом ежедневно повторять: "Граждане! Помните, что Людовик XVI не осужден"³¹⁶.

Конечно же, утверждение французской республики не представляло для писателя в качестве мирного и безболезненного процесса. Многие враги революции, отмечал он, не прекратили сопротивления. Измены в армии, а также демагогические призывы лжепатриота Якоба еще более накаляли обстановку. "Дуи Капет...

потеря надежды омыть скипетр и корону в крови республиканцев, своей клятве", - писал С.Марешаль³¹⁸. Натиску контрреволюции он противопоставлял единство патриотов и мудрую политику вительства. С тем, чтобы упрочить этот союз, писатель предлагал приступить к немедленному наделению земель солдатских вдов ирот, отнятой у аристократов³¹⁹. Намечая ближайшие рубежи демократических преобразований, С.Марешаль требовал установить тапразвление, которое исключало бы реставрацию монархии и установление личной диктатуры³²⁰. По твердому убеждению писателя-демократа, в будущем у власти должны были оказаться люди типа триов Грахов.

Начиная нового 1793 года С.Марешаль призывал "распутать... политическую драму"³²¹, участником которой стал французский народ. Все более склоняясь к коммунистическим идеалам, он

³¹⁶ Révolutions de Paris, N170 P.110.

³¹⁷ Сопровождение Марешаля вызвало предложение жироидиста о ограничении революционную роль Парижа путем создания новой национальной гвардии, формируемой в провинции - см.: Révolutions de Paris, N170 P.117-124, N171, du 13 au 20 octobre 1792.

³¹⁸ Révolutions de Paris, N182, du 29 décembre 1792 au 5 janvier 1793. P.54.

³¹⁹ Ibid. P.51.

³²⁰ Révolutions de Paris, N170 P.124.

³²¹ Révolutions de Paris, N182 P.54.

видел единственный выход в свершении "новой", социальной революции. "Движение за социальное преобразование, - писал Ф.Энгельс, имеет во Франции политическое происхождение. Выяснилось, что демократия не может создать подлинного равенства, и вследствие этого на помощь ей была призвана коммунистическая система"³²².

§ 2. Теория "истинной революции"

В начале 1793 года Франция с нетерпением ожидала решения участи бывшего монарха. Процесс короля привлекал всеобщее внимание и обстоятельно освещался в печати. Подробные отчеты о ходе судебных заседаний помещались также на страницах "Парижских революций"³²³.

Подобный поворот событий, несомненно, радовал Марешаля, но не занимал полностью его чувств и мыслей. В значительно большей степени он был обеспокоен судьбой революции и все болезненней переживал ее ограниченность. Эти настроения сблизили С.Марешаля с демократами, объединившимися в "Социальном кружке" К.Фоссе и Н.Бонвилля.

"Социальный кружок" был основан в Париже в январе 1790 года³²⁴. Спустя несколько месяцев названное собрание было преобразовано во "Всемирную федерацию друзей истины", которая прекратила свое существование во времена якобинской диктатуры. На страницах периодических изданий организации - журналов "Железные уста" ("La Bouche de fer"), "Месячная хроника" ("La Chronique du mois") и "Бюллетень друзей истины" ("Bulletin des amis de la vérité") - велась пропаганда идей радикального эгалитаризма. Это позволило К.Марксу говорить о деятельности "Социального кружка" как о первом этапе коммунистического движения во Франции³²⁵. Весьма примечательно, что активным участником этого движения оказался С.Марешаль.

³²² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.1. С.530.

³²³ Révolutions de Paris. 1793. N184, du 11 au 18 janvier; N185, du 19 au 26 janvier etc.

³²⁴ Подробнее см.: Алексеев-Попов З.С. История основания "Социального кружка" // Тр. Одесского гос. университета им. И.И. Мечникова. Серия истор. наук. Одесса, 1954. Вып.4. С.133-161.

³²⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.2. С.132.

В 1790 году создатели "Социального кружка" относили к числу писателей-патриотов Ж.Мену, О.Мирабо, Э.Сийеса, Ж.Барнаве, Грийона и А.Ламета³²⁶. Спустя два года в этот список мог быть включен и С.Марешаль. Об этом свидетельствовал выпуск типографией кружка двух сочинений литератора: "Альманаха республиканцев"³²⁷ и "Поправки в интересах революции"³²⁸. Марешаль являлся также деятельным корреспондентом "Бюллетеня друзей истины", где с 24 января по 15 апреля 1793 г. опубликовал... многочисленные статьи, заметки, стихи"³²⁹. Особо тесные контакты у писателя установились с Н.Бонвиллем, которого он называл "предвестником святой свободы и трибуном народа"³³⁰. О дружеских отношениях между этими людьми свидетельствует также письмо, написанное 24 апреля 1793 года Г.Бабефом и адресованное Н.Бонвиллю. "Сильен Марешаль сказал мне, - повествует здесь Бабеф. - Обратитесь от моего имени к моему другу Бонвиллю... он сможет Вас устроить в типографию Социального кружка"³³¹ (разрядка наша - С.К.). Хотя о взаимоотношениях этих людей известно немного, ясно, что в 1792-1793 гг. Марешаль испытывал сильное влияние со стороны своего авторитетного друга. Заметим также, что истоки критического отношения писателя к якобинцам, к кровопролитию, как и его очевидные симпатии к идее создания всемирной республики санжолотов берут свое начало в "Социальном кружке"³³².

Вышедший в свет в самом начале 1793 года "Альманах республиканцев" явился очередным напоминанием восставшему французскому народу о необходимости отмены старого католического календаря. Если накануне революции писатель преследовал своей целью лишь

³²⁶ Bulletin de la Bouche de fer ..., parti 1, N2. P.7-8.

³²⁷ Maréchal S. Almanach des républicains, pour servir à l'instruction publique. A Paris, s.d.

³²⁸ (Maréchal S.) Correctif à la Révolution. A Paris, 1793, l'an 1er de la République. О выходе обеих книг сообщал декабрьский номер "Месячной хроники" - см.: La Chronique du mois ..., décembre 1792. P.72.

³²⁹ Мюллер А.Р. Указ. соч. С.146.

³³⁰ Там же.

³³¹ Бабеф Г. Сочинения... Т.2. С.375.

³³² "Я вовсе не люблю крови, но люблю ниспровергать деспотические троны", - писал, определяя свое политическое кредо, Н.Бонвилль - см.: Bonneville N. De l'esprit des ReligionsP.6.

высмеять галерею "святых" празднеств, то теперь он выступил их полное и окончательное забвение. Согласно предложенному решалем проекту, каждому календарному месяцу присваивалось название, прославляющее революцию и республиканские институты. Так, январь признавался месяцем "закона", февраль - "народности" и т.д. В свою очередь, дни недели должны были носить имена философов и политических деятелей, известных своими добродетелями. Например, седьмой день января (месяца "закона") получал имя Лона, а одиннадцатый - Спартака³³³. Не были забыты Маршальские события Великой французской революции. Такие памятные даты, как 17, 20 июня, 14 июля и 4 августа 1789 года; 10 августа и 21 сентября 1792 года - впервые обретали статус национальных праздников. С особым удовольствием писатель вспоминал о том дне июля 1789 года, когда "трехцветные кокарды ... были несены по улицам и площадям Лондона английским народом". "Это было первое путешествие нашей кокарды, - подчеркивал сторонник освободительной миссии французской революции. - В течение следующего трехлетия она распространится по всему миру"³³⁴.

По мнению писателя-революционера, новый календарь должен стать памятником мученикам свободы. Желая сохранить чистоту республиканских нравов, С.Маршалль решительно низвергал с пьедесталов тех "героев" революции, которые не заслуживали памяти. Так, в своем "Посвящении французскому Пантеону" он заметил: "Габриэль Мирабо не должен занимать там первого места"³³⁵.

Решительность призывов С.Маршала встретила поддержку со стороны подлинных демократов. Уже 3 января 1793 года о своем решении новой книги писателя заявил его друг Н.Бонвивиль³³⁶. Следующий день "Альманах республиканцев" был представлен в печать и также получил высокую оценку³³⁷. Наконец, проект Маршала привлек внимание Прокурора Коммуны П.Шометта, хорошо знавшего высокий патриотизм его автора. В марте Маршалль вновь поднял свою безупречную репутацию в глазах этого человека, за

что о своем желании защищать родину на фронтах революционной войны. "Сегодня недостаточно лишь писать, - торжественно заявлял писатель. - Клинок солдата должен завершить то, что начал мыслитель"³³⁸. Испытывая в то время очевидное расположение к вождю санкюлотов, Маршалль посвятил Анаксагору атеистическое сочинение "Бог и священники"³³⁹. В ответ Прокурор Коммуны выступил с требованием: "Не отмечать иного празднества, кроме как в честь Свободы и Равенства и... признать республиканский календарь Сильвена Маршала"³⁴⁰. Лишь утвержденный вскоре Конвентом официальный проект календарной реформы (5 и 24 октября 1793 г.) воспрепятствовал осуществлению этого стихийного решения.

После введения республиканского летоисчисления С.Маршалль выступил с критикой в адрес Фабра д'Энглантина, сочинившего поэтическое название месяцев нового календаря. Признавая их аполитичность и далекий от доброго французского языка, автор "Альманаха республиканцев" противопоставлял им свой мартиролог борцов за свободу³⁴¹.

После "Альманаха республиканцев" типография "Социального кружка" выпустила вторую книгу С.Маршала - "Поправку в интересах революции". Появление этого сочинения свидетельствовало о заметной перемене общественных идеалов писателя. Былые надежды направить революцию в русло устранения имущественного неравенства во многом утратили для С.Маршала свою реальность. Одна партия сменила у власти другую, народ, штурмовавший Бастилию, шел на приступ Тюильри, чтобы по-прежнему прозябать в нищете и бесправии. Очередная попытка писателя понять причины непостижимой для него близорукости и ограниченности людей, привела его к старому выводу: "Природа и общество несовместимы"³⁴². Объясняя разрыв утопической мысли и ее логику, В.И.Ленин писал: "... прежние социалисты для обоснования своих воззрений считали достаточ-

³³³ Maréchal S. Almanach des RépublicainsP.1.

³³⁴ Ibid. P.84.

³³⁵ Ibid. P.44.

³³⁶ Dommanget M. Op. cit. P.225.

³³⁷ Ibid. P.225-226.

³³⁸ Dommanget M. Op. cit. P.225-226.

³³⁹ Ibidem.

³⁴⁰ Soboul A. Les sans-culottes parisiens en l'an 11. Mouvement populaire et gouvernement révolutionnaire 2 juin 1793-9 thermidor au 11. Deuxième édition. Paris, 1962. P.288.

³⁴¹ Révolutions de Paris. An 11. N°213, du 7 au 14 brumaire. P.137-139.

³⁴² Correctif à la RévolutionP.12.

ным показать угнетение масс при современном режиме, показать восходство такого строя, при котором каждый получал бы то, что он сам выработал, показать соответствие этого идеального строя с "человеческой природой", с понятием разумно-нравственной жизни³⁴³. Именно по этому пути шел в своих рассуждениях автор "Правки в интересах революции".

Главное зло, не позволяющее французам завоевать действительную свободу, С.Марешаль усматривал в существовании общественной организации, которая отождествлялась с государством и признавалась противоестественной. "Какое гражданское общество, - рассуждал писатель, - может быть обращено к выгоде людей? Своим происхождением оно обязано пороку. Без сомнения, его основателем оказался первый честолубец"³⁴⁴. Совершенно в ином свете С.Марешаль рисовался тот общественный строй, который существовал в полном согласии с природой. Таковым писатель считал патриархальную семью, где люди жили "под покровом естественных законов". "Велика дистанция между этим семейством и теми огромными государствами, жители которых являются друг для друга иноземцами"³⁴⁵. Превознося семью в качестве первого и единственно полезного общественного организма, С.Марешаль полемизировал с Ш.Монтескье, отстаивавшим теорию социального происхождения человека. Именно: "своим семействе рождается человек, - писал оппонент философа-просветителя, - там же он должен жить и умереть"³⁴⁶. Отвергая цивилизацию, С.Марешаль, как и ранее, не ставил знака равенства между идеализируемым патриархальным жителем и "добродетельным дикарем". "Дикарь, - писал он, - не является еще человеком"³⁴⁷. В то же время, характеризуя дикаря как "несложившегося человека" писатель указывал на городского жителя как на человека "разложившегося"³⁴⁸. "Тигр на войне, похотливое животное в дни мира" вот краткая и исчерпывающая характеристика, адресуемая автором

цивилизации индивиду³⁴⁹. "Пора сказать: гражданин не может быть добрым отцом семейства", - решительно и категорично утверждал он³⁵⁰.

Развивая свою "естественную" теорию, С.Марешаль критиковал все формы политической организации. Так, он выделял три типа деспотизма в человеческом обществе: деспотизм одного, деспотизм избранных и, наконец, деспотизм всех³⁵¹. Обличая политическую организацию, будь то монархия или республика, писатель подтверждал свое неприятие гражданского общества, которое выступало в его глазах "насильственным союзом зависящих друг от друга людей"³⁵². По мнению С.Марешаля, ни король, ни сенат не имели полномочий управлять миллионами человеческих жизней. "Человек, - вновь повторял писатель, - не должен знать другого повелителя, кроме своего отца; других законов, помимо отеческих наставлений; другого культа, кроме сыновьего почитания"³⁵³. "Человек вовсе не рожден для гражданского общества, - делал окончательный вывод С.Марешаль, - и вовсе не должен там жить, так как гражданское общество не является творением природы"³⁵⁴. Автор рисует картину, передающую его представление об образе идеального, близкого природе человека. Это - "отец семейства, живущий вместе со всеми детьми, в своем доме, в центре владения, необходимого для разумного пропитания"³⁵⁵. Понятно, что управляемая "естественными" законами эта земледельческая семейная ассоциация полностью исключала существование института частной собственности. В противном случае, согласно концепции Марешаля, она неминуемо превратилась бы в социальный организм.

Стремясь, по-видимому, более доступно и обстоятельно разъяснить причину своего отказа от многочисленных преимуществ цивилизации, С.Марешаль вновь проводил параллель с действительностью. "Без сомнения, - соглашался он, - цивилизация имеет благие по-

³⁴³ Ленин В.И. Полн.собр.соч. Т.I. С.156-157.

³⁴⁴ Correctif à la Révolution P.2.

³⁴⁵ Ibid. P.3.

³⁴⁶ Ibid. P.4.

³⁴⁷ Ibid. P.8.

³⁴⁸ Ibid. P.8-9.

³⁴⁹ Correctif à la Révolution P.42.

³⁵⁰ Ibid. P.11.

³⁵¹ Ibid. P.1.

³⁵² Ibid. P.31.

³⁵³ Ibid. P.12.

³⁵⁴ Ibid. P.14.

³⁵⁵ Ibid. P.8.

следствия", но тут же добавлял, что "на миллион людей, объединенных в обществе, лишь сотня пользуется ее плодами"³⁵⁶.

Саркастической иронией полны слова писателя, посвященные бесплодным потугам современных ему законодателей. "Конечно, - мирно любиво замечал Марешаль, - это внушительное зрелище - вид 1000 или 1200 законодателей, собравшихся, чтобы покончить с предрассудками двадцати веков". Однако писатель без лишних церемоний разрушил эту идиллическую картину, добавив, что "еще предпочтительней было бы зрелище 1200 отцов семейств, живущих поблизости друг от друга, мирно применяющих естественные законы и показывающих пример остальным 25 миллионам людей"³⁵⁷. По мысли Марешаля, человек мог не быть "гражданином", "патриотом", "ученым", "республиканцем", но был обязан исполнять протипкованные ему природой функции "супруга, отца, сына, брата, друга..."³⁵⁸.

Прослеживаемые в утопии Марешаля анархистские тенденции - прямое следствие его разочарования в революции, которое достигло своего апогея в 1793-1794 гг. "Анархизм, - указывал В.И. Ленин, - порождение отчаяния. Психология выбитого из колеи интеллигента или босняка, а не пролетария"³⁵⁹. Указывая на незавершенность революции, писатель не мог выявить действительных причин, тормозивших решение социальных проблем. Столь же непонятным для него оказался механизм политической борьбы тех лет. "Являемся ли мы более счастливыми?" - спрашивал себя С.Марешаль, спустя четыре года после падения Бастилии³⁶⁰. Причину всех неудач писатель-демократ видел в пороках гражданского общества, мешавшего гармонии реальной жизни человека и высоких добродетелей: "Пока будут существовать слуги и хозяева, бедные и богатые, пока люди будут составлять народ, свобода и равенство невозможны. Революция еще совсем не совершенна"³⁶¹. Как известно, выход из этого тупика С.Марешаль видел во всеобщем очищении путем возвращения к "естественной" свободе. По сравнению с государством, утверждал он, "правление

более целебно, более умеренно и менее революционно"³⁶². Пытаясь продолжить революцию приобретал для писателя новый, более глубокий смысл. Его обращение к "золотому веку" опровергало традиционное понимание политического переворота. В 1793 году подлинная интерпретация событий еще не означала для С.Марешаля отхода от революционных методов борьбы, хотя впервые поставила их под сомнение. Подлинно "великую и прекрасную революцию" должны были совершить "избранники народа", причем ее смысл, подчеркивал писатель, должен заключаться в том, чтобы разбить пружины гражданского общества³⁶³. Этими "избранниками", о которых С.Марешаль упоминал и ранее³⁶⁴, могли стать лишь философы, чуждые заключениям простых смертных. Именно философы, по словам писателя, были первооткрывателями "золотого века"³⁶⁵. Не без умысла Марешаль стремился противопоставить взгляды "философов" позиции "политиков". "Политики утверждают, - писал он, - что торговля оживляет государство. Философы, со своей стороны, доказывают, что занятие этого занятия развращающе"³⁶⁶.

Важно подчеркнуть, что, призывая людей разделиться на маленькие группы-семьи, С.Марешаль не стремился к изоляции человека. "Счастье, - утверждал он, - нельзя найти ни в одиночестве, ни в толпе"³⁶⁷. В качестве первого практического шага в осуществлении своего плана писатель называл выделение "незанятых земель", готовых принять будущих противников "общественного договора" и частной собственности³⁶⁸.

Разрушение гражданского общества не представлялось для Марешаля неким фантастическим актом. Его осуществимость доказывалась

³⁵⁶ Correctif à la Révolution P.279.

³⁵⁷ Ibid. P.89.

³⁵⁸ Напомним, что категория "истинных друзей человека" упоминается писателем в статье "О бедных и богатых". В своем обращении к "выборщикам Парижа" С.Марешаль всячески превозносил добродетели "честных граждан...", которых не найти в клубах..., которые не стремятся к первенству", но которые являются сторонниками установления "естественных" нравов // Révolutions de Paris. 1792. 1792. 13 au 10 novembre. P.308.

³⁵⁹ Correctif à la Révolution P.285.

³⁶⁰ Ibid. P.269.

³⁶¹ Ibid. P.290.

³⁶² Ibid. P.108.

³⁵⁶ Correctif à la Révolution P.14.

³⁵⁷ Ibid. P.87-88.

³⁵⁸ Ibid. P.312.

³⁵⁹ Ленин В.И. Полн.собр.соч. Т.5. С.378.

³⁶⁰ Correctif à la Révolution P.307.

³⁶¹ Ibidem.

писателем ссылками на жизнь крестьянских общин Оверни и Франш-Конте³⁶⁹. Для большей убедительности он подкреплял свои рассуждения обращением к опыту своих предшественников. Не случайно, такие реформаторы собственности, как Ликурж, Солон и братья Грасси занимали достойное место в его "Альманахе республиканцев".

Таким образом, радикальный эгалитаризм, исповедуемый С.Марешалем в начальный период Великой французской революции, постепенно сменился новым социальным идеалом — "общинным коммунизмом". Стремление писателя решить наболевшие проблемы путем перераспределения земельной собственности с ее последующим уничтожением легко объяснимо. "В таких странах, как Франция, — разъясняли К.Маркс и Ф.Энгельс, — где крестьянство составляет гораздо более половины всего населения, естественно было появление писателей, которые, становясь на сторону пролетариата против буржуазии, в своей критике буржуазного строя прикладывали к нему мелкобуржуазную и мелкокрестьянскую мерку и защищали дело рабочих с мелкобуржуазной точки зрения"³⁷⁰. Конечно, С.Марешаль не может быть отнесен к числу сознательных защитников интересов пролетариата. Несмотря на свою политическую активность французские наемные рабочие не сложились к тому времени в класс, противостоящий буржуазии, и не выступали с самостоятельной программой. Однако стремление утопистов уничтожить частную собственность отражало интересы именно этой части плебейского революционного лагеря³⁷¹. В этой связи обращает на себя внимание тот факт, что С.Марешаль выделял трудящуюся прослойку городского плебса. Категория "рабочий" присутствует во многих его сочинениях. М.Домманже указывал, что писатель "был одним из первых пропагандистов такой специфически пролетарской формы борьбы, как всеобщая стачка"³⁷².

Аграрный характер сложившейся к 1793 году коммунистической концепции С.Марешаля подчеркивали многие исследователи. Попытки буржуазных историков выдвинуть на первый план его анархистские

и мелкобуржуазные тенденции не состоятельны. Переход от эгалитаризма к коммунизму оказался для С.Мареша закономерным шагом, вытекающим из предыдущего этапа его сложной и противоречивой социально-политической эволюции.

Определившееся у С.Мареша стремление привести человечество к "золотому веку" отнюдь не свидетельствовало о его полном отрицании революционных свершений. Напряженное ожидание того, что нити незавершенной революции в конце концов окажутся в надежных руках, не покидало его и позднее. Величие утопистов-коммунистов тех лет состояло, прежде всего, в том, что, придя к идее коммунизма, они связывали его торжество с революционной борьбой. Эти люди мечтали не о далеком острове Утопии и не о неведомой стране Икарии. По их твердому убеждению коммунистической должна была стать революционная Франция.

Новый поворот в становлении социально-политических взглядов С.Мареша внес якобинский период. Отголоски тяжелых испытаний, выпавших на долю молодой республики в 1793–1794 гг., прослеживаются во многих сочинениях писателя-демократа. "Тот не поймет" истории французского утопического социализма, — писал Г.В.Плеханов, — кто упустит из виду влияние "катастрофы 1793 г." на умы французской интеллигенции"³⁷³.

Народное восстание 31 мая — 2 июня 1793 года было встречено С.Марешалем с энтузиазмом. Оценивая позднее роль якобинцев, писатель говорил о революционности многих предложенных ими мер. Оговоримся, однако, что после выхода в свет прокоммунистической "Поправки в интересах революции" С.Марешаль демонстрировал заметную осторожность в суждениях. К осуществлению мер строгой самоцензуры сторонника свободы печати вынуждали многие обстоятельства. Достаточно сказать, что пропаганда "аграрного закона" с весны 1793 года строжайшим образом преследовалась. Декрет Барера и Левадье, утвержденный 18 марта жирондистским правительством, гласил: "Национальный конвент устанавливает смертную казнь всякому, кто предложит аграрный закон или какой-либо другой, ниспровергающий земельную, торговую или промышленную собственность"³⁷⁴.

³⁶⁹ Correctif à la Révolution P.286–287.

³⁷⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.4. С.450.

³⁷¹ Ревуненков В.Г. Очерки по истории Великой французской революции. Якобинская республика и ее крушение. Л., 1963. С.8.

³⁷² Dommanget M. L'idée de grève général en France au XVIIIe siècle et pendant la Révolution // Revue d'histoire économique et social. 1963. N1. P.34–55.

³⁷³ Плеханов Г.В. Избранные философские произведения. М., 1956–1958. Т.3. С.565.

³⁷⁴ См.: Ревуненков В.Г. Указ. соч. С.23–24.

Сразу же заметим, что неизбежность права собственности неоднократно подтверждалась якобинцами. По мнению буржуазных революционеров, идея равенства была не менее аристократична, чем атеизм. Не случайно, друг М.Робеспьера, художник-патриот Луи Давид публично оскорбил Марешаля, назвав его аристократом. "Тебя плохо проинформировали", - ответил со страниц "Парижских революций" редактор еженедельника. "Знаешь ли ты, кто может считаться аристократом? - продолжал С.Марешаль свое опровержение. - Это, к примеру, артист (рисовавший Горациев, Брута, Сократа...), который связал свой талант с жалованием короля. В отличие от тебя, я никогда не был членом Академии и не пользовался покровительством короля. В свою очередь, ты никогда не вызывал ненависти королей, министров и священников. Я стал патриотом быстрее тебя"³⁷⁵. Гневная отповедь Л.Давиду наглядно иллюстрирует всю сложность отношений писателя-демократа к происходившим событиям и к их участникам.

Во многом неоднозначной и противоречивой предстает в революционном творчестве С.Марешаля оценка деятельности М.Робеспьера и якобинцев. В июне-августе 1791 года писатель относил этого малоизвестного тогда политического деятеля к числу "депутатов-патриотов" Национального собрания³⁷⁶. Несколько позднее Марешаль упрекал Робеспьера, а заодно - Марата и Дантона, за пассивное сопротивление контрреволюционным планам жирондиста Бюзо³⁷⁷. Что же касалось якобинцев в целом, то их социальная пестрота и политическая непоследовательность вызывали у писателя закономерное чувство настороженности. Он подчеркивал, что за ними следуют храбрые, но неблагоразумные люди³⁷⁸. Симпатии С.Марешаля всецело лежали на стороне санкюлотов, то есть принадлежали рабочим мануфактур, мелким ремесленникам и подмастерьям. Образ санкюлота в интерпретации писателя предстает перед нами в пьесе "Страшный суд над королями". "Санкюлот, - говорилось в ней, - свободный человек, настоящий патриот. Подлинный народ... состоит из санкю-

лов". Это честные граждане, которые добывают хлеб в поте лица своего, любят работать, являются добрыми детьми, добрыми отцами, добрыми супругами, добрыми родственниками, друзьями и соседями"³⁷⁹.

Чрезвычайные меры революционного правительства приостановили политическую активность как правых, так и левых оппозиционеров. В этих условиях С.Марешаль не осмелился открыто заявить о симпатиях к коммунистической доктрине, а также высказать свое мнение по поводу деятельности якобинцев. На короткий период его творческая активность сосредоточилась в области драматургии.

Рождение С.Марешаля как драматурга состоялось в 1793 году. Осенью и зимой в Париже были показаны его первые пьесы. Подлинной вершиной революционной драматургии С.Марешаля может быть признана пьеса "Страшный суд над королями". Ее премьера состоялась на сцене Театра Республики 18 октября 1793 года и явилась своеобразным откликом на казнь Марии-Антуанетты. В ней играли лучшие актеры-патриоты: Мишо, Дюгазон, Гранмениль. Эта красочная феерия предвещала гибель всем феодальным монархиям. Главными действующими лицами пьесы были санкюлоты-европейцы, осудившие своих королей. Необычность сюжета вынудила С.Марешаля подчеркнуть "гротескно-преувеличенный" характер сочинения. Не ограничиваясь изображением торжества санкюлотов-победителей, автор весьма смело обрисовал контуры будущей общеевропейской революции, переживающей свои "5 октября 1789 года, 10 августа и 21 сентября 1792, 31 мая и 2 июня 1793 года"³⁸⁰. Весьма осторожно писатель заявил о своих симпатиях к "естественной свободе". Например, повествуя о жителях затерянного в океане островка, на котором должны были поселиться короли-изгои, С.Марешаль вложил в уста своих героев-санкюлотов следующие многозначительные слова: "туземцы - наши братья по свободе, ибо у них никогда не было властителей. Рождаясь свободными, они такими же свободными живут и умирают"³⁸¹.

Пьеса С.Марешаля вызвала одобрение у истинных патриотов³⁸².

³⁷⁹ Марешаль С. Избранные атеистические произведения... С.165.
³⁸⁰ Там же.
³⁸¹ Там же. С.168.
³⁸² Edmond et Jule Goncourt. Histoire de la société française pendant la Révolution. Nouvelle édition. Paris, 1910. P.296-297.

³⁷⁵ Révolutions de Paris.1793.N198,du 20 au 27 avril. P.226.

³⁷⁶ Révolutions de Paris.1791.N99,du 28 mai au 4 juin. P.376; N110, du 13 au 20 août. P.279.

³⁷⁷ Révolutions de Paris,N170 ... P.122.

³⁷⁸ Révolutions de Paris.1791.N126,du 3 au 10 décembre. P.436.

Лишенный возможности подписаться под своими публицистическими выступлениями, он обращался к читателям "Парижский революций" от имени автора "Страшного суда над королями", нисколько не сомневаясь, что будет узна³⁸³.

В декабре 1793 года на сцене Национальной оперы в Париже была показана одноактная пьеса "Празднество Разума", написанная литератором совместно с композитором А.Гретри³⁸⁴. Спустя немногим более полугодия репертуар театра пополнился ее новой вариацией. Газета "Абревиатюр универсель" ("Abréviateur universel"), помещившая сообщение о премьере, добавляла, что спектакль состоялся двумя днями позже назначенного срока из-за взрыва порохового завода в Гренеле³⁸⁵.

Падение Робеспьера и свобода критики свергнутого демократического правительства, объявленного его врагами диктаторским, породили у многих патриотов ложные иллюзии о революционности переворота 9 термидора (27 июля) 1794 года. Не избежал их и С.Марешаль. В начале 1795 года писатель присоединил свой голос к общему хору обличителей якобинцев, заявив, правда, о стремлении соблюсти объективность. "Точно и беспристрастно, - писал Марешаль во введении новой книги, - очертили мы то, что видели и слышали. Мы чужды духу борьбы партий, но вместе с тем верны истинным принципам, составляющим нетленную основу нашей вечной Республики. Находясь вне фракций и не испытывая постороннего влияния, мы старались показать изменения политической атмосферы..."³⁸⁶. Действительно, в его "Исторической картине..." нет злобных и беспочвенных нападок на "повергнутых тиранов", изобилующих в антиякобинских памфлетах. В хронике С.Марешаля слышалась искренняя заинтересованность в лучшей участи своего отечества, призыв к дальнейшему углублению революции.

Открывающая летопись панорама вандемьера (сентябрь-октябрь)

³⁸³ Révolutions de Paris. 1793. N212, du 21 au 28 octobre.
P. 109.

³⁸⁴ Clément F., Larousse P. Dictionnaire Lyrique ou histoire des opéras. Paris, s.d. P. 597.

³⁸⁵ Paris pendant la réaction thermidorienne ... T. 1. P. 77.

³⁸⁶ Maréchal S. Tableau historique des événements révolutionnaires, Depuis la fondation de la République jusqu'à présent, rédigé principalement pour les campagnes. A Paris. An 11 de la République (1795). P. V-VI.

1793 года посвящена процессу над Марией-Антуанеттой. Вновь, как и в далеком 1791 году, С.Марешаль изобличал королеву в контрреволюционной деятельности. По мнению писателя, именно эта женщина³⁸⁷ вовлекла Францию в войну со всей Европой. Казнь ненавистной Антуанетты Капет вызвала одобрение С.Марешаля, как и наказание преступной фаворитки госпожи Дюбарри³⁸⁸.

Хроника вандемьера как в зеркале отразила отношение С.Марешаля к кампании дехристианизации. В целом, писатель-атеист отнесся к этой революционной, анти-атолической мере с пониманием. Он приветствовал в ее лице усиление борьбы с религиозным фанатизмом. Его радовало превращение многочисленных церквей в "риги или залы для народных собраний". С нескрываемым удовлетворением С.Марешаль писал об изгнании попов и замене их "седовласыми понтификами", зовущими людей "к доброй матери природе"³⁸⁹. К числу же недостатков этой кампании он относил насилие. Именно это обстоятельство заставило тогдашнего редактора "Парижских революций" уклониться в окончательном торжестве предпринятого наступления на позиции церкви. "Эта религиозная революция, - писал он в феврале 1794 г. Л.Прюдому, - далека от того, чтобы стать всеобщей"³⁹⁰. Предвидя ее бессмысленность и обреченность, С.Марешаль поставил в заслугу якобинцам принятие декрета о свободе культов. "Инициатива, - отмечал писатель, - не принуждалась ... сжигать свой ладан у храма философии"³⁹¹.

С.Марешаль также поддержал экономические декреты правительства М.Робеспьера. Писатель-демократ приветствовал введение всеобщего максимума (29 сентября 1793 г.), который, по его словам, вызвал громкие вопли недовольства у алчных торговцев³⁹². Давний противник богачей назвал этот декрет "законом равенства"³⁹³. Марешаль подчеркивал социальную заостренность ваглезского законодательства (февраль-март 1794 г.), предусматривающего безвоз-

³⁸⁷ Maréchal S. Tableau historique ... P. 4-7.

³⁸⁸ Ibid. P. 48.

³⁸⁹ Ibid. P. 16-17.

³⁹⁰ Révolutions de Paris. An 11. N223, du 8 au 18 pluviôse.

³⁹¹ Maréchal S. Tableau historique ... P. 53-54.

³⁹² Ibid. P. 32.

³⁹³ Ibid. P. 84.

между передачу немудрым патриотам собственности контрреволюционеров³⁹⁴.

Особое место в сочинении С.Марешаля отведено якобинскому террору. Будучи сторонником самих решительных чез в борьбе с контрреволюцией, писатель не рассматривал моральную сторону этой проблемы. Целесообразность и законность ответных мер революционного народа не вызвали у него сомнений. Он сравнивал республику с пчелиным ульем, который нуждается в регулярной чистке, позволяющей избавиться от ненужного присутствия больных, ленивых и коварных обитателей. Топор гильотины представлялся ему единственным инструментом, способным разрубить тугой узел заговоров³⁹⁵. Примечательно, что С.Марешаль оправдывал многочисленные казни средневековых патриотов. Известно, например, о событиях жерминаля второго года Республики (март-апрель 1794 г.), писатель выступил в роли строгого прокурора, поставившего свою подпись под смертным приговором лидерам кордельеров: Эберу, Ронсену, Венсану и Момору³⁹⁶. Ни капли жалости не вызвала у С.Марешаля последовавшая вскоре казнь Шометта и К.Демулена. Прокурор Коммуны был охарактеризован в книге как политический деятель, вводивший в заблуждение народ³⁹⁷. Муж Люсиль Демулен - старой знакомой С.Марешаля, предстал перед взором читателей книги легкомысленным поклонником Лафайета и Ф.Эгалита³⁹⁸. Единственными революционерами, о смерти которых С.Марешаль вспоминал с сожалением, были погибшие от рук контрреволюционеров мученики свободы Шалье и Мар

Свое негативное отношение к революционным лидерам писатель сохранил и позднее. В известном "Словаре атеистов" Шометт, Эбер и их друзья критиковались за ложность атеистических убеждений, объявлялись демагогами³⁹⁹.

Разоблачая вождей, С.Марешаль противопоставлял им революционный энтузиазм простого народа, который единственно не подвержен коррупции и готов довести революцию до конца. "Когда народ уве

н, - писал автор книги, - что справедливость ему обеспечена, каждому без исключения, с какой храбростью он летит на врага! Что не в силах ему противостоять"⁴⁰⁰. Писатель вновь отмечал значительный вклад трудящегося люда в успехи революции. Так, указывая на возрастающее из месяца в месяц производство оружия, он связывал этот сдвиг с самоотверженным трудом рабочих-оружейников. "Тираны Европы, - с нескрываемой гордостью вопрошал литератор, подчеркивая революционную сознательность этих простых людей, - ревностны ли настолько ваши подданные и слуги?"⁴⁰¹.

Писатель-демократ выступал поборником просвещения народа. Патриот должен уметь читать, писать и говорить на родном языке", - подчеркивал он⁴⁰². Без выполнения этих необходимых условий, считал С.Марешаль, достижение подлинной свободы невозможно. Не случайно писатель называл ангелами-хранителями свободы воспитание и добродетель⁴⁰³. Обращение к проблемам общественного воспитания позволило Марешалю еще раз заявить о своем расположении к природе. Об этом напоминало и адресованное сельским патриотам авторское посвящение. "Природа - революционерка, высказывающаяся в пользу санхолотов", - писал наследник просветительских традиций⁴⁰⁴.

Неоправданное усиление репрессий, наблюдавшееся в последние месяцы пребывания якобинцев у власти, вызвало резкую критику Марешаля. Особую неприязнь писателя снискал Робеспьер. "Страшное преступление, задумавшее перебить весь Конвент", "негодяй, совершающий свои вечерние омовения в крови, которую приказал пролить утробой", - вот лишь некоторые из нелестных эпитетов и характеристик, влитых им на голову "Неподкупного"⁴⁰⁵. Писатель обвинял министра "Палэ-Робеспьера" в преследовании более чем 100 тысяч франков⁴⁰⁶. Именно поэтому термидорианский переворот, приведший к гибели Робеспьера, Сен-Жюста и Кутона, превозносился С.Марешалем

394 Maréchal S. Tableau historiqueP.97.

395 Ibid. P.61.

396 Ibid. P.106-107.

397 Ibid. P.115.

398 Ibid. P.114.

399 Maréchal S. Dictionnaire des athéesP.493.

400 Maréchal S. Tableau historiqueP.28.

401 Ibid. P.92.

402 Ibid. P.131.

403 Ibid. P.144.

404 Ibid. P.129.

405 Ibid. P.167.

406 Ibid. P.167-168.

как "новая революция"⁴⁰⁷. Ее заслугу писатель видел в уничтожении Комитета общественного спасения и во всеобщей амнистии, открывшей двери многочисленным тюрем. По его мнению, в стране сложились, наконец, все условия для "создания подлинно революционного правительства"⁴⁰⁸. "У нас нет более тиранов", – восклицал, не подозревая о своей ошибке, С.Марешаль⁴⁰⁹.

Революционный период, несомненно, явился ключевым в эволюции социально-политических взглядов С.Марешаля. Отстаивая интересы санкюлотов, "трудящихся граждан", он пришел к признанию справедливости радикально-эгалитарных (1789–1792), а затем – коммунистических идеалов (1793–1794).

С начала Великой французской буржуазной революции писатель-демократ решительно выступал за ее углубление. Критическое восприятие революционных событий сквозь призму противостояния "бедных" и "богатых" превратило Марешаля в сторонника "истинной революции". Ее содержание трактовалось им как уничтожение имущественного и социального неравенства в рамках возвращения к "золотому веку". Теория "общинного коммунизма" в интерпретации С.Марешаля была вызвана к жизни переобладанием сельского населения во Франции. Вместе с тем, оформление коммунистической концепции писателя-демократа характеризовало его как идеолога предпролетариата.

Указывая на незавершенность революции, С.Марешаль, в силу объективных причин, не мог выявить действительных обстоятельств, тормозивших ее развитие. Тем самым обращение писателя к "золотому веку" было, в конечном итоге, лишь идеализацией современной ему крестьянской общины, которая переживала процесс разложения. Столь же непонятным оказался для С.Марешаля ход политической борьбы. Одобрив социальное законодательство якобинцев, он не принял до конца диктатуру как средство решения политических проблем и устранения неравенства. Даже после контрреволюционного термидорианского переворота, когда многие демократы, в том числе Г.Бабеф, встали на путь реабилитации Робеспьера, писатель оставался верен своей негативной оценке этого политического деятеля и его последователей.

⁴⁰⁷ Maréchal S. Tableau historiqueP.170.

⁴⁰⁸ Ibid. P.176.

⁴⁰⁹ Ibid. P.177.

Глава IV. УТОПИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ С.МАРЕШАЛЯ В ПОСЛЕРЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕРИОД (1796–1803 гг.)

§ I. Сильвен Марешаль и "заговор" Грахха Бабефа

К 1796 году события Великой французской буржуазной революции уже более становились достоянием истории. Термидорианский Конвент и сменившая его у власти Исполнительная Директория уничтожили в стране демократическую республику, провозгласив взамен конституцию нотаблей. Ни Жерминаль, ни Прериаль – последние всплески плебейского движения в Париже⁴¹⁰ – не сумели воспрепятствовать окончательному торжеству буржуазной реакции. Столь неутешительные итоги убедили С.Марешаля, равно как и многих других якобитов, в необходимости дальнейшей борьбы. Неослабевавшее стремление писателя к подлинному равенству привело его в демократическую оппозиционную среду, в которой сложилось бабувистское течение. Участие С.Марешаля в коммунистическом заговоре предопределило и такое немаловажное обстоятельство, как его давняя личная связь с Г.Бабефом.

Сотрудничество С.Марешаля и будущего лидера "заговора во имя равенства" началось в годы революции. Первое из немногих сохранившихся писем Народного трибунала к писателю-демократу датировано летом 1793 года⁴¹¹. Это было тяжелое время для Г.Бабефа. Являясь членом директории дистрикта Мондидье в Руа (департамент Сомма), он оказался несправедливо обвиненным аристократами в тяже-

⁴¹⁰ Крупные волнения в столичных предместьях Сен-Антуан и Н-Марсе происходили в апреле-мае 1795 года. Подробнее об этих выступлениях см.: Тарле Е.В. Жерминаль и Прериаль. 3-е изд. М., 1967.

⁴¹¹ Бабеф Г. Сочинения... Т.2. С.369–371.

лейше.. должностном преступлении – подлоге. Суть инкриминированного ему дела заключалась в якобы преднамеренном исправлении акта о продаже земельного участка⁴¹². Над головой Г.Бабефа нависла серьезная опасность. Положение усугублялось еще и тем, что в результате судебного преследования он потерял работу, а вместе с ней и средства к существованию. Его семья – жена и трое детей – голодала. Между тем, даже перенесенные в Париж, хлопоты о прекращении дела не приносили успеха.

Бюрократические проволочки вынудили Г.Бабефа обратиться за помощью к известному своей принципиальностью С.Марешалю. В письме к нему провинциальный чиновник обстоятельно изложил свои злоключения, а заодно, и политические убеждения, причисляя себя к санжюлотам. В заключение он обратился к С.Марешалю с просьбой подыскать ему работу, хотя бы в типографии Прудона. По словам Бабефа, это послание "возбудило живой интерес ... у честного Марешаля". Но определить своего нового товарища в типографию еженедельника писателю все же не удалось.

Спустя месяц, Г.Бабеф, по рекомендации С.Марешаля, установил контакт с Н.Бонвиллем, рассчитывая занять место в типографии "Социального кружка"⁴¹³. Наконец, благодаря деятельному участию С.Марешаля, он получил должность секретаря в продовольственной администрации парижского муниципалитета, а затем – в комиссии по снабжению Республики.

Несмотря на благополучное завершение хлопот, писатель продолжал пристально следить за судьбой своего товарища. 24 брюмера (14 ноября) 1793 года Г.Бабеф вновь оказался в тюрьме вследствие козней старых врагов из Руа. Однако, как писал он в автобиографических записках, "многие хорошие санжюлоты, и в их числе философ, мудрец Сильвен Марешаль" выступили поручителями и добились его освобождения⁴¹⁴.

Постепенно дружба этих людей, испытанная многими невзгодами, переросла в политическое сотрудничество. Известно, что Бабеф оказался одним из первых читателей атеистического сочинения

⁴¹² Подробнее см.: Далин В.М. Гражд. Бабеф накануне и во время Великой французской революции (1785-1794). М., 1963. С.515-518.

⁴¹³ Бабеф Г. Сочинения... Т.2. С.374-375.

⁴¹⁴ Там же. С.469.

Марешаля "Бог и священники"⁴¹⁵. В краткой рецензии на этот труд он высказывал свое несогласие с позицией С.Марешаля относительно "проекта высшего счастья", то есть коммунистического переустройства общества. Как известно, писатель отождествлял этот шаг с возвращением к "золотому веку". "Мне кажется, – писал Бабеф в этой связи, – что хотя ты в этом отношении приблизился истине больше, чем кто-либо из тех, кого я знаю, ты еще не столько ее постиг"⁴¹⁶.

По-видимому, С.Марешаль высоко ценил мнение Г.Бабефа и прислушался к нему. Нет сомнений, что эгалитарные воззрения писателя трансформировались в коммунистические не без влияния будущего дера бабувистского движения. Однако, подчеркивая эту идейную изъ, следует заметить, что С.Марешаль во многом сохранил независимость своих суждений.

Идейно-политический альянс Г.Бабефа и С.Марешаля еще более рочился накануне флореальских событий. Именно это обстоятельство подчеркивал Ф.Буонарроти, сообщая, что еще до возникновения договора равных" между Бабефом, Феликсом Лепелетье и Сильвеном Марешалем существовало соглашение, имевшее вначале единственной целью согласовать содержание и тон их политических произведений⁴¹⁷.

Об отношении С.Марешаля к оппозиционной деятельности Бабефа бесспорно свидетельствует анонимная статья, помещенная писателем на страницах газеты "Трибун народа". Она появилась 5 ваня (24 февраля) 1796 года под названием "Мнение одного Человека о странном процессе, возбужденном против Трибуна народа..."⁴¹⁸. В ней, оставаясь неизвестным и не опасаясь преследований, С.Марешаль со всей страстью проповедовал коммунистические принципы, призывал к революционному свержению термидорианской диктатуры. Такая замечательная из всех политических революций, – писал он, –

⁴¹⁵ (Maréchal S.). Dieu et les prêtres, fragments d'un poème philosophique. L'an 11 de la République française. Это сочинение было переизданием поэмы "К вящей славе добродетели" (1781 г.).

⁴¹⁶ Бабеф Г. Сочинения... Т.2. С.474.

⁴¹⁷ Буонарроти Ф. Указ. соч. Т.1. С.194.

⁴¹⁸ Бабеф Г. Сочинения... Т.4. С.160-166. Принадлежность статьи перу С.Марешаля установил М.Домманже – см.: Dommanget M. cit. P.307-309. Марешаль был не только корреспондентом бабувистской газеты, но и одним из ее подписчиков.

свершилась отнюдь не для того, чтобы вернуть нас в точно такое же положение, в каком мы находились до нее"⁴¹⁹. Ободря Бабефа, защищая его от нападков реакционеров, С.Марешаль призывал своего товарища продолжить благородную борьбу за торжество коммунизма. Одновременно писатель заявлял о готовности оказать поддержку этому делу⁴²⁰.

Со своей стороны, Г.Бабеф высоко оценил выступление С.Марешаля, принадлежащее, по его мнению, "перу настоящего равного"⁴²¹. Вместе с тем, в статье оказались и такие положения, которые не могли быть одобрены Трибуном. Например, он решительно выступил против нападков С.Марешаля на Конституцию 1793 года⁴²².

Вновь определившиеся разногласия не подорвали политического единства этих людей. "В первые дни жерминаля (последняя декада марта. - С.К.). - писал Ф.Буонарроти, - Бабеф, Антонелль, Сильвен Марешаль и Феликс Лепелетье соорганизовались в Тайную директорию общественного спасения"⁴²³.

Как было сказано выше, сведения, сообщаемые в книге Ф.Буонарроти, о заговорщической деятельности С.Марешаля не только скудны, но и во многом противоречивы. Вследствие этого по сей день не вполне ясно: с какой целью писатель и публицист был введен в состав Тайной директории? Каким образом ему удалось избежать ареста по делу флореальцев? Наконец, какова вообще его роль в бабувистском движении? Нет сомнений, что ответ на эти вопросы мог бы прояснить и последующую эволюцию социально-политических взглядов писателя.

По-видимому, "равные" стремились в первую очередь использовать незаурядный публицистический талант С.Марешаля с целью пропаганды своего учения. Сам Буонарроти освещал его деятельность именно в этом плане. В книге подчеркивалось, что после организации заговора демократы пустили в ход свои перья "с тем, чтобы

вести народ из заблуждений"⁴²⁴. Поэтому вполне естественно, что такие видные писатели-демократы, как С.Марешаль и П.Антонелль были особенно необходимы заговорщикам. Пламенные выступления Г.Бабефа в газете "Трибун народа" плюс острые перья его ближайших единомышленников - это была серьезная сила, призванная направить общественное мнение в русло недовольства политикой Исполнительной Директории.

Творческое наследие С.Марешаля как участника бабувистского заговора, невелико, но чрезвычайно содержательно. Помимо упомянутой статьи в газете "Трибун народа" он был автором широко известной бабувистской "Новой песни для предместий" и "Манифеста равных" - документа, в котором излагались основные задачи и цели движения. Необходимость установления действительного, а не формального равенства путем свершения "истинной революции", а также незамедлительное провозглашение коммунистической "Республики равных" - вот основные положения программного сочинения С.Марешаля. Однако Тайная директория отвергла "Манифест" вследствие несогласия с такими заявлениями его автора, как "Пусть погибнут, если это необходимо, все искусства, только бы осталось подлинное равенство" и "Пусть исчезнет, наконец, возмутительное разделение на управляющих и управляемых"⁴²⁵.

На наш взгляд, можно выделить еще одну весьма существенную причину отказа Тайной директории принять эту декларацию в качестве программы действий. Сравнивая "Манифест" с документом, составленным Ф.Буонарроти⁴²⁶, можно заметить, что С.Марешаль по-прежнему критически оценивал конституцию 1793 года. Признавая ее "великим шагом вперед к подлинному равенству", он, вместе с тем, не считал эту конституцию достойной будущей Республики равных⁴²⁷.

⁴²⁴ Буонарроти Ф. Указ. соч. Т.1. С.210.

⁴²⁵ Там же. С.196.

⁴²⁶ Буонарроти Ф. Указ. соч. Т.2. С.139-152. Документ был заглавлен "Доктрина Бабефа". Полициейские осведомители сообщали, что он появился на улицах Парижа 28 жерминаля (17 апреля) 1796 года - см.: Paris pendant la réaction thermidorienne ... 3. P.124.

⁴²⁷ Идеалом для С.Марешаля была конституция, которая "покоится целиком на фактическом равенстве" (Буонарроти Ф. Указ. соч. Т.2. С.138). Противником якобинской конституции считал С.Марешаль и М.Домманже - см.: Домманже М. "Равные" и конституция 1793 года... С.72-94.

⁴¹⁹ Бабеф Г. Сочинения... Т.4. С.161.

⁴²⁰ Там же. С.163.

⁴²¹ Там же. С.160.

⁴²² Бабеф Г. Сочинения... Т.4. С.164-165. Особое неудовольствие Бабефа вызвало то замечание С.Марешаля, согласно которому якобинская конституция вырисовывалась "лишь чуть демократичнее хартии Буасси д'Англа" (то есть конституции 1795 г. - С.К.).

⁴²³ Буонарроти Ф. Указ. соч. Т.1. С.194-196.

Буонарроти же, напротив, стремился прежде всего подчеркнуть значение этого документа для "равных", хотя и для него была очевидна ограниченность декларации якобинцев, особенно в решении вопроса о частной собственности.

Тактически это был верный шаг, так как конституция 1793 года имела огромную популярность в народных массах, а бабувисты, рассчитывая на их поддержку, должны были с этим считаться. О необходимости создания своеобразного "демократического фронта" на основе якобинской конституции говорил и Г.Бабеф⁴²⁸. Более того, Трибун высоко ценил деятельность М.Робеспьера, стоявшего у ее истоков. Разъясняя суть своей пропаганды, он писал своему другу Ж.Бодсону: "Воззвать к Робеспьеру — значит разбудить всех энергичных патриотов Республики, а вместе с ними и народ, некогда слушавшийся только их и следовавший только за ними"⁴²⁹.

Несомненно, критика "Манифеста равных" нанесла чувствительный удар С.Марешалю. И дело отнюдь не в уязвленном самолюбии автора, а в принципах, за торжество которых предстояло вести борьбу. "Можно предположить, — пишет по этому поводу советский исследователь Ю.Т.Оксман, — что разногласия из-за "Манифеста" на время охладили отношения Бабефа и Марешаля и несколько отдалили последнего от подпольной работы"⁴³⁰. Но в тот момент разногласия между С.Марешалем и Тайной директорией не зашли столь далеко. Ведь известно, что он по-прежнему присутствовал на ее заседаниях. Кроме того, сам Бабеф, стремившийся преодолеть конфликт, не присоединился к противникам "Манифеста равных": его инструкция окружным агентам от 3 мая 1796 года рекомендовала распространять этот документ независимо от того, опущены или нет те два абзаца, которые были признаны слишком крайними⁴³¹.

В конце апреля — начале мая 1796 года Тайная директория начала подготовку восстания, направленного на свержение термидориан-

⁴²⁸ Коммунистическая пропаганда Г.Бабефа, остававшегося трезвым политиком, содержала также общедемократические элементы: критику термидорианского режима, восхваление Робеспьера и якобинской конституции. Эта позиция Народного трибуна отчетливо прослеживается в его комментариях к статье С.Марешаля "Имение одного человека..."

⁴²⁹ Бабеф Г. Сочинения... Т.4. С.172.

⁴³⁰ Оксман Ю.Т. Указ. соч. С.482.

⁴³¹ Домманже М. "Равные" и конституция 1793 года... С.89.

го правительства. Не вызывает сомнений, что С.Марешаль принимал самое активное участие в этих приготовлениях, искренне веря в возможность свершения "истинной революции". О той заметной роли в "заговоре равных", которую играл к этому времени С.Марешаль, детально свидетельствует документ, написанный самим Бабефом.

— первоначальный вариант так называемого "Списка демократов, начаемых в Национальный Конвент", в котором С.Марешаль фигурировал в качестве представителя от департамента Ланд⁴³².

В другом документе, захваченном полицией у Г.Бабефа, рядом с именем С.Марешаля написано: "пистолеты, кинжалы"⁴³³. На основании этой записи многие исследователи приходят к выводу, что атлет должен был обеспечить восставших оружием, но вряд ли такое предположение достаточно обоснованно. Ведь речь идет о человеке весьма далеком от военного ремесла. К тому же С.Марешаль не мог составить конкуренцию специально созданному Военному итету⁴³⁴. Каких-либо "особых полномочий" С.Марешаля в данном вопросе не подтверждали и другие документы Тайной директории. Против, многочисленные циркуляры, составленные Бабефом и Буонарроти, говорили о принципиально ином подходе бабувистов к проблеме организации вооруженного восстания в Париже. Тайная директория действовала по детально разработанному плану. Подготовка к выступлению предполагала, в частности, немедленный захват значительного количества огнестрельного оружия. Причем, оружие шло в виду ружья, мушкеты и даже орудия⁴³⁵. С этой целью за юристами были взяты под контроль все крупные оружейные магазины города. Предусматривалось привлечение на сторону инсургентов и войск внутренней армии⁴³⁶. Не было забыто Тайной директо-

⁴³² Haute-Cour de Justice ... Т.1. Р.70.

⁴³³ Ibid. Р.50.

⁴³⁴ Буонарроти указывал, что в предполагаемом демократическом восстании должны были принять участие не менее 17 тысяч человек. Современные исследователи склонны рассматривать эту цифру как сильно заниженную.

⁴³⁵ Haute-Cour de Justice ... Т.1. Р.26-29.

⁴³⁶ Интерес Тайной директории к армии очевиден. Так, известные парижские кафе, контролировавшиеся бабувистами, регулярно посещали солдаты близлежащих военных лагерей — см.: Paris fait la réaction thermidorienne ... Т.2. Р.433. Привлекая организацию капитана Ж.Гризеля, оказавшегося провокатором, бабувисты рассчитывали укрепить свое влияние в Гренельском лагере.

рией и холодное оружие. Так, в одном из документов упоминалась фабрика, занятая производством кинжалов⁴³⁷.

Но главную роль в предстоящем демократическом выступлении бабуисты отводили артиллерии. Об этом свидетельствовали многочисленные списки, в которых особое место отводилось канонирам⁴³⁸. Из пяти гечералов, сочувствующих подготовлявшемуся перевороту, двое были представителями именно этого рода войск.

Таким образом, смысл соседствующей с фамилией С.Марешаля записи не может быть истолкован излишне прямолинейно и категорично. Скорее всего, участие писателя-демократа в военно-организационных мероприятиях Тайной директории носило самый общий характер и оказалось непродолжительным. По крайней мере, ни в одном из последующих военных циркуляров бабуистов его фамилия более не упоминалась.

На состоявшемся 30 апреля 1796 года заседании Тайной директории был образован Военный комитет, который вплотную занялся подготовкой восстания. В его состав вошли: Ж.Фион, Ш.Жермен, Ж.Росиньоль, Г.Массар и Ж.Гризель⁴³⁹. Допустив на свое заседание членов Военного комитета, руководители заговора преступили специальный пункт своего организационного документа, который гласил: "Директория должна быть тайной; имена ее членов останутся неизвестными даже главным ее агентам"⁴⁴⁰. Этот просчет оказался до некоторой степени роковым, ибо Ж.Гризель стал предателем. Уже 4 мая он донес о "заговоре" Л.Карно - главе Исполнительной Директории. Спустя два дня правительством был подготовлен проскрипционный список, в котором значились фамилии главных оппозиционеров⁴⁴¹.

⁴³⁷ Haute-Cour de JusticeТ.1. Р.29.

⁴³⁸ Кроме того, бабуисты располагали специальными списками патриотов-канониров, которые составлялись по округам - см.: Haute-Cour de JusticeТ.1. Р.154-155.

⁴³⁹ Буонарроти Ф. Указ. соч. Т.1. С.247. Вновь учрежденный комитет развернул интенсивную деятельность. В течение двух недель его члены собирались не менее десяти раз - см.: Walter G. Babeuf (1760-1797) et la conjuration des egaux. Paris, 1937. Р.141-144.

⁴⁴⁰ Буонарроти Ф. Указ. соч. Т.2. С.114.

⁴⁴¹ Проскрипционный список Л.Карно был составлен не сразу. Вначале он содержал лишь 31 фамилию, позднее превратился в так

Несмотря на очевидный факт предательства со стороны этого человека, обрушившиеся на участников заговора репрессии не были следствием одного доноса. Роль Гризеля в разгроме бабуистской организации оказалась скорее неприглядной, чем значительной. Правительство, конечно, давно знало о готовящемся выступлении демократов и, судя по обилию фамилий в проскрипционном списке, собиралось принять самые решительные меры для его подавления. Например, П.Баррас - один из влиятельнейших членов Исполнительной Директории, был прекрасно осведомлен о близком восстании. Буонарроти писал, что еще в начале движения с ним вел переговоры Ш.Жермен⁴⁴². О некоторых "превентивных" доносах сообщал в своих мемуарах и сам П.Баррас⁴⁴³. То обстоятельство, что этот член Исполнительной Директории пытался использовать движение "равных" в своих политических интересах, не уменьшало возможности предательства с его стороны. Позднее, несомненно, зная о доносе Гризеля, П.Баррас не предупредил об этом Тайную директорию, лицемерно продолжая притворяться другом демократов, которые были обречены. Известно, что 9 мая, накануне ареста бабуистов, он предложил руководителям заговора свое руководство готовящимся восстанием. Не случайно, Буонарроти с недоверием относился к попыткам Барраса установить контакты с Тайной директорией и даже обвинил его в организации избиения демократов в Гренельском военном лагере в ночь с 9 на 10 сентября 1796 года⁴⁴⁴.

Другим источником сведений для Исполнительной Директории оказалась тайная полиция. Ее агенты неустанно наблюдали за многочисленными центрами оппозиции. Особое внимание правительственных шпионов привлекали кафе Кретьена и Будрэ, в которых собирались бабуисты⁴⁴⁵. Именно отсюда в Париже раздавались призывы к свер-

называемый "Большой список", объявивший вне закона 247 демократов - см.: Legrand R. Op. cit. Р.251-256.

⁴⁴² Буонарроти Ф. Указ. соч. Т.1. С.178.

⁴⁴³ Barras P. MémoiresТ.2. Р.118.

⁴⁴⁴ Буонарроти Ф. Указ. соч. Т.1. С.278. Впоследствии Баррас отрицал свою причастность к бабуистскому заговору - см.: Barras P. MémoiresТ.2. Р.125-130.

⁴⁴⁵ Любопытно, что Будрэ - владелец кафе "Китайские бани", по-видимому, также был тайным осведомителем - см.: Mathiez A. Le Directoire du 11 brumaire an IV au 18 fructidor an V Paris, 1934. Р.143.

жению власти термидорианцев. Эмиссары этих демократических клубов устанавливали контакты с рабочими, военными, вели переписку с патриотами провинций. Здесь обсуждались бабувистские листовки и газеты. Их посетители встречали овациями бабувистские песни, в том числе "Новую песню для предместий" С.Марешаля⁴⁴⁶.

Последнее апрельское заседание Тайной директории, обстоятельно описанное Ф.Буонарроти, интересно не только как важнейшая веха в подготовке бабувистского восстания. Именно в этом месте повествования имя С.Марешаля упоминалось в последний раз.

Таким образом, он не назван в числе присутствовавших на заседании 7 мая, когда произошло объединение бабувистов с бывшими членами якобинского Конвента. Не был Марешаль и на заключительной встрече заговорщиков 8 мая, окончательно определившей сроки восстания. Если ко всему этому добавить, что С.Марешаль не был арестован, уместно предположение, что в период между 30 апреля и 7 мая он отошел от заговора, порвав все связи с его участниками. Не случайно, фамилия писателя-демократа не упоминалась в докладе и показаниях Ж.Гризеля⁴⁴⁷. О разрыве С.Марешаля с Тайной директорией говорило также отсутствие его имени в окончательно отредактированном "Списке демократов, назначаемых в Национальный Конвент"⁴⁴⁸.

Главная причина происшедшего разрыва видится в идейных разногласиях С.Марешаля с членами Тайной директории, которые обнаружились уже в самом начале, при определении ближайших задач движения. Советские исследователи неоднократно подчеркивали то немаловажное обстоятельство, что общественно-политические взгляды С.Марешаля имели существенные расхождения с идеями зрелого бабувизма⁴⁴⁹. Действительно, такие положения его доктрины, как чрезмерная идеализация патриархального строя, отрицание культурного наследия и критика идеи революционно-демократической диктатуры, выдвинутой Г.Бабефом, шли вразрез с планами Тайной директории. Отказ бабувистов принять за основу практической деятельности

"Манифест равных" не оставляет в этом сомнений. Совершенно очевидно, что подобные разногласия не могли остаться без последствий, и в этом плане поведение С.Марешаля накануне ареста бабувистов вполне закономерно и объяснимо.

При оценке политической деятельности С.Марешаля в период бабувистского заговора необходимо учитывать и то обстоятельство, что Ф.Буонарроти, в целях усиления агитационного звучания своей книги, стремился затуманить противоречия, которые, несомненно, имели место среди членов Тайной директории. Вполне вероятно, что именно по этой причине историк-бабувист обошел вниманием судьбу Марешаля. Эта особенность книги прослеживается и в том разделе, где повествуется о возникновении союза бабувистов с комитетом монтаньяров. Важно подчеркнуть, что руководящую роль в названном обществе играли бывшие члены якобинского Конвента: Ж.Рикор, П.Шудье, Ж.Ланьело, М.Юге, Ж.Амар, К.Жавог.

Необходимость такого объединения была совершенно очевидна, так как этот шаг увеличивал шансы заговорщиков в борьбе с термидорианским режимом. Однако различия политических идеалов бабувистов и бывших якобинцев были достаточно велики, что и обусловило известные трудности при оформлении союза. Например, не все лидеры "равных" сумели понять необходимость подобного компромисса. В частности, Ф.Дебон выступил его решительным противником. Он доказывал своим товарищам очевидную невозможность борьбы монтаньяров за дело народа⁴⁵⁰. Считая их виновниками всех бед, обрушившихся на Францию, Дебон предпочитал полное бездействие предполагаемому союзу. Он также предупреждал членов Тайной директории о возможных последствиях этого союза, несшего, по его мнению, лишь "оппозиции и раздоры"⁴⁵¹. Нетрудно представить, к каким итогам могли привести подобные настроения. Хотя Ф.Буонарроти писал далее о благополучном исходе спора, вполне вероятно, что накануне объединения в Тайной директории все же произошел раскол. По крайней мере известно, что Ф.Дебон также избежал ареста и не был осужден в Вандоме⁴⁵².

446 Paris pendant la réaction thermidorienneТ.3.Р.119.

447 Débats du procèsТ.2. Р.77,80.

448 Haute-Cour de JusticeТ.1. Р.78.

449 См.: Иоаннисян А.Р. Указ. соч. С.159; Кучеренко Г.С. Судьба "Завещания" Жана Мелье... С.141.

450 Буонарроти Ф. Указ. соч. Т.1. С.255.

451 Там же.

452 Подробнее об этом члене Тайной директории см.: Иоаннисян А.Р. Робер-Франсуа Дебон // Новая и новейшая история. 1970. № 2. С.36-42.

Новое возрождение, хотя и полуякобинского, Конвента вряд ли устраивало и С.Марешаля, также с недоверием относившегося к монтаньярам.

Объясняя "флореальскую загадку" в политической биографии Марешаля, исследователи, как правило, ссылаются на отсутствие компрометирующих его улик. Между тем, многие документы Тайной дирекции говорили о причастности этого человека к "заговору" достаточно ясно. "Сильвен Марешаль, Библиотека Мазарини", - записано в одном из бабувистских списков патриотов⁴⁵³. Не случайно, Л.Карно 24 флореаля (13 мая) 1796 года подписал ордер об аресте Марешаля, правда, без указания его имени и адреса⁴⁵⁴. В это время историками обсуждалось возможное вмешательство в ход дела со стороны влиятельных друзей писателя. Не отвергая подобной версии, напомним показательный эпизод, касающийся судьбы экс-бабувиста М.-А.Жюльена. Еще до разгрома "заговора" он заявил о своем разрыве с демократами, группировавшимися вокруг Бабефа. Однако его имя оказалось в проскрипционном списке. Когда за него попытались вступить, Л.Карно, отвергая просьбу, заявил, что "Жюльен был включен в список подлежащих аресту вследствие подозрений, вызванных его близостью к Антонелли и Ф.Лепелетье"⁴⁵⁵.

По нашему мнению, обстоятельства, спасшие С.Марешаля, были все же иными. От немедленного ареста в флореале его, несомненно, уберегло отсутствие на последних заседаниях Тайной дирекции и отход от "заговора". Не случайно, имени Марешаля не знал даже Пийе (секретарь Бабефа), который, хотя и не был предателем, но, как писал Буонарроти, проявил во время первых же допросов слабость и трусость⁴⁵⁶. Позднее участь С.Марешаля, как и некоторых других бабувистов, решил поворот в политике Исполнительной Дирекции.

Уже в флореале 1796 года стало ясно, что арест лидеров "заговора во имя равенства" отнюдь не ликвидировал опасности плебейского восстания в Париже. Об этом писал Дирекции находившийся

⁴⁵³ Haute-Cour de Justice ... Т.1. Р.68.

⁴⁵⁴ Dommanget M. Op. cit. Р.300.

⁴⁵⁵ Далин В.М. Марк-Антуан Жюльен после 9 термидора // Далин В.М. Люди и идеи. Из истории революционного и социалистического движения во Франции. М., 1970. С.62.

⁴⁵⁶ Буонарроти Ф. Указ. соч. Т.2. С.23.

послании Г.Бабефа, предлагая не придавать делу широкой огласки. Об активности демократов свидетельствовал инцидент в Греницонном лагере. В столице продолжали свою деятельность тайные секционные общества, выступавшие за освобождение бабувистов⁴⁵⁸. Исполнительная Дирекция сковывал также страх перьями. Одновременно с возникновением Тайной дирекции сложился монархический заговор Бротье, участники которого проникли в охрану Дирекции⁴⁵⁹. Возможно, не последнюю роль в рассмотрении "жесткой линии" Карграл П.Баррас. Связанный с Тайной дирекцией бабувистов, мог допустить скандальных разоблачений своей политической принципиальности. В его мемуарах подчеркивалось отсутствие единства Исполнительной Дирекции по поводу антидемократических репрессий, а Карно обвинялся в излишней кровожадности⁴⁶⁰. "Резонанс" Барраса объяснялся и конъюнктурными соображениями. По мнению французского исследователя Ж.Гарнье, именно в флореале 1796 года этот политический деятель сделал первые шаги на пути к созданию "короля Дирекции"⁴⁶¹.

Или иначе, но власти решились санкционировать арест лишь демократов, почти трети из которых удалось скрыться. Внимательном прочтении списка подлежащих суду бабувистов не ускользнула из глаза любопытная деталь. Здесь, к примеру, значились и демократы, которые не упоминались в документах "заговора". Таковы представили перед Вандомским трибуналом П.Поттофе, Ж.Б.Р., С.Жорри, Г.Найе. Все они были оправданы в мае 1797 года. С другой стороны, многие патриоты, чьи имена фигурировали в документах Бабефа, не были даже арестованы. К этой категории относятся флореальских событий относились и некоторые секционные агенты Тайной дирекции: Пари, Дерэ, Ж.-М.Вакре, Р.Ла-

⁴⁵⁷ Бабеф Г. Сочинения... Т.4. С.294-296.

⁴⁵⁸ "В термидоре 1796 г., - сообщал А.Олар, - тайное демократическое общество "Французского Деция" приглашало народ восстать, предупредить подлое убийство, но не называло Бабефа и говорило об уважении к собственности" - см.: Олар А. Политическая история французской революции. Происхождение и развитие демократической республики 1789-1804. М., 1938. С.764.

⁴⁵⁹ Собуль А. Первая республика. М., 1974. С.250.

⁴⁶⁰ Barras P. Mémoires ... Т.2. Р.122-124.

⁴⁶¹ Garnier J.-P. Barras, le roi du Directoire. Paris, 1970.

барр⁴⁶². Лишь единицы из числа доставленных в Вандом патриотов значились в документах Тайной директории: Ж.-А.Россиньоль, Л.Таффуру, Ж.-Б.Ваннек, Ш.Корде. Однако это обстоятельство не сыграло решающей роли и они были оправданы. Несмотря на очевидность улик, суд объявил о невиновности многих других активных участников движения. От преследований были освобождены члены Тайной директории Ф.Лепелетье и П.Антонелль, представители Военного комитета Ж.Фисн и Г.Массар, "агент связи" К.-Б.Дидье. Подобная непоследовательность позволила французскому историку К.Мазорику назвать Вандомское судилище "процессом курьезов"⁴⁶³. Впрочем, подмеченная особенность его действий не распространилась на судьбы самых непримиримых: Г.Бабеф и А.Дартэ погибли на эшафоте, а пятеро заговорщиков, включая Буонарроти, были сосланы.

Трагический исход "заговора" не мог пройти бесследно для Марешаля, независимо от того, каким образом сложились его взаимоотношения с лидерами движения. Поражение бабувистов похоронило последние надежды писателя-демократа на скорое свершение "истинной революции"; кроме того, был нанесен сильнейший удар его вере в устремления демократической оппозиции. Все это окончательно отделило Сильвена Марешаля от политической борьбы.

§ 2. Поиски новых путей

Последние годы оказались чрезвычайно плодотворными для Марешаля. Их можно охарактеризовать как время серьезных раздумий бывшего участника "заговора равных" по поводу итогов революции и перспектив дальнейшего политического развития страны. Свидетельство тому — выход в свет таких сочинений писателя, как антибонапартистский памфлет "Поправка к славе Бонапарта, или письмо к этому генералу"⁴⁶⁴, философско-аллегорического романа "Путешествия Пифагора"⁴⁶⁵ и целого ряда других. В то же время в Мареша

по-прежнему жила вера в справедливость и достижимость коммунистических идеалов, какими он себе их представлял. Однако скорое поражение демократов и очевидное отсутствие надежд на осуществление "истинной революции" побуждали С.Марешаля к поиску новых путей и средств для достижения заветных целей. Это стремление предопределило оформление новой социально-политической концепции литератора, отчетливо прослеживаемой в его сочинениях, написанных в 1797–1803 годах.

Вандемьере-флореале У года Республики (сентябрь 1796–май 1797 г.) в Париже появились и начали свою деятельность первые теофилантропы, официальным основателем которых считался торговец Ж.-Б.Шемен-Дюпонте⁴⁶⁶. Теофилантропам покровительствовал член Исполнительной Директории Л.-М.Ларевельер-Лепо. Общественность представляла собой новую форму республиканского культа, с помощью которого Директория пыталась отвлечь массы от активной политической жизни. Не сумев завоевать широкой популярности, теофилантропы пользовались влиянием преимущественно в среде республиканской буржуазии. С целью упрочнения своего положения, теофилантропы пытались привлечь к себе многих знаменитых современников, в частности, молодого генерала Наполеона Бонапарта⁴⁶⁷. Теофилантропом стал и Сильвен Марешаль. Именно ему была доверена честь поднять символическое знамя Морали на празднестве, посвященном второй годовщине общества, которое состоялось 22 февраля 1799 года в храме Победы (Сен-Сюльпис)⁴⁶⁸.

Время теофилантропической деятельности Марешаля относится к атеистической брошюре "Куль и законы общества безбожия". Это сочинение интересно тем, что здесь ясно прослеживается отношение революционных методов борьбы. Так, стремясь подчеркнуть свое отношение к кровопролитным событиям, к каковым он относил революцию, автор заявил: "От членов общества требуется доблесть, что они никогда не проливали крови"⁴⁶⁹. Одним из

à Marseille et dans les Gaules; suivis de ses lois politiques et morales. T. 1–6. A Paris, 1799.

Mathiez A. La Théophilanthropie et le culte décadent... 186.

Mathiez A. Op. cit. P. 206.

Ibid. P. 541–542.

Марешаль С. Избранные атеистические произведения... С. 187.

⁴⁶² Haute-Cour de Justice ... T. 2. P. 239 etc.

⁴⁶³ Mazauc G. Op. cit. P. 110.

⁴⁶⁴ Correctif à la gloire de Bonaparte ou lettre à ce général... Памфлет был издан анонимно. Автора позволяет установить подпись "P.S.M.L'E.S.D.", что расшифровывается как "Pierre Sylvain Maréchal, L'Homme sans Dieu".

⁴⁶⁵ (Maréchal S.) Voyages de Pythagore en Egypte, dans la Chaldée, dans l'Inde, en Crète, à Sparte, en Sicile, à Rome, à Car-

условий приема в общество "безбожников" С.Марешаль называл воздержание от политики. В брошюре он высказывался также против гражданской войны, считая, что члены общества должны в этом случае предстать примирителями борющихся сторон⁴⁷⁰. Сами "безбожники", по мнению Марешаля, не должны были выступать инициаторами насильственных действий даже в случае преследований со стороны правительства⁴⁷¹. Таким образом, новая "мирная" политическая концепция писателя разительно отличалась от революционной программы действий, изложенной им ранее в "Манифесте равных".

Отход С.Марешаля от непосредственной политической деятельности ни в коей мере не означал, что он оказался отгороженным "китайской стеной" от всех событий, происходивших как во Франции, так и за ее пределами. Марешаль до конца своих дней оставался верным последователем демократических традиций Великой французской революции, в отличие от таких республиканцев, как М.-А.Жюльен, К.-Ф.Реаль, Ж.Фуше и многих других, превратившихся в бонапартистов. Убедительным свидетельством неизменной активности жизненной позиции писателя является его антибонапартистский памфлет, изданный во фримере (ноябре-декабре) 1797 года.

Памфлет С.Марешаля был не нов по замыслу: угроза военного переворота и возможность замены республиканского строя диктатурой была осознана задолго до появления этого сочинения. Еще в декабре 1794 года Ж.-Н.Бийо-Варенн, член Комитета общественного спасения, заметил по этому поводу: "Когда имеешь под началом двенадцать армий, следует опасаться и предотвращать не только измены; влияние в армии и честолюбие какого-нибудь предприимчивого военачальника, который внезапно выдвигается вперед, одинаково опасны". "История учит нас, - подчеркнул далее Бийо-Варенн, - что именно так погибли все республики"⁴⁷². Не впервые ставилась под сомнение и республиканская репутация Бонапарта. Незадолго до своей трагической гибели Бабеф также сумел заметить, с кем из победоносных генералов связана опасность образования военного правительства. Таким образом, памфлет Марешаля не был плодом особой, как может показаться, проницательности. К началу VI года Респуб-

лики это была достаточно злободневная тема, еще более оправданная политикой Бонапарта в Италии и ролью генерала Ожеро в парижских событиях 18 фрюктидора (4 сентября) 1797 года. Не случайно, в последних строках Марешаль оговорился по поводу написанного, что это не только его личное мнение, но и "всех истинных республиканцев"⁴⁷³.

В судьбе Наполеона Бонапарта многое прояснила знаменитая итальянская кампания 1796-1797 гг. Именно здесь, в Италии, молодой и честолюбивый генерал впервые осознал свою силу, почувствовал вкус неограниченной власти и явственно увидел все ничтожество Исполнительной Директории. Этот поворот, чреватый смертельной опасностью для Республики, чрезвычайно тонко подметил в своем памфлете Марешаль. "Я не вижу, - писал он Бонапарту, - что тебе помешать использовать тот же стиль и в обращении к французской Директории. У меня нет никакой уверенности, что в ближайшем будущем, во время нашей избирательной кампании, ты не скажешь из глубины своих апартаментов в Люксембургском дворце: Французский народ! Я вам составляю Законодательный корпус и Исполнительную Директорию"⁴⁷⁴.

События в Италии развивались стремительно и вопреки всем планам правительства. В этой связи можно без преувеличения сказать, что в ходе кампании Бонапарт нанес сокрушительный удар не только Пьемонту и Австрии, но и престижу Директории. Естественно, что чрезмерная самостоятельность и авантюризм генерала вызвали подозрение и страх не только в среде демократов; была встревожена и Директория. В разгар кампании распространился слух, согласно которому готовился арест строптивого генерала в его собственной штаб-квартире⁴⁷⁵. Однако Бонапарт был уже далеко не беззащитен. Кроме таких веских аргументов в свое оправдание, как блистательные победы и нескончаемый поток итальянского золота, исправно поступавшего в скудную казну Республики, у него нашлись и влиятельные покровители. Один из них, генерал Лазар Готт, считая Бонапарта жертвой происков и клеветы роялистов, публично выступил

⁴⁷⁰ Марешаль С. Избранные атеистические произведения... С.190.

⁴⁷¹ Там же. С.192.

⁴⁷² Собыль А. Указ. соч. С.147.

⁴⁷³ Здесь и далее цитируется по переизданию памфлета, принятому Отто Кармином (см. историографический обзор).

⁴⁷⁴ *Revue historique de la Révolution française*. 1912. N2. P.309-310.

⁴⁷⁵ Мишле Ж. Народ. М., 1965. С.127.

в его защиту. В своем письме министру полиции, которое затем было опубликовано, он писал: "Почему Бонапарт стал объектом нападок для этих людишек? Не потому ли, что он разогнал их в вандемере? Не потому ли, что он разбил войска стольких королей и дал Республике возможность со славой закончить войну?... Смелей, Бонапарт, веди на Неаполь и Вену наши победоносные армии!... Придай новый блеск нашему оружию и предоставь нам заботиться о твоей славе!"⁴⁷⁶. Но Бонапарт не оправдал надежд победителя Вандемера. Уже в апреле 1796 года он заключил в Кераско перемирие с Пьемонтом, несмотря на то, что в этой стране вспыхнуло восстание, способное облегчить действия французских войск. Не был захвачен даже Рим, хотя этого требовала армия. Последний факт, вероятно, до глубины души возмутил С.Марешаля, для которого, как для атеиста, взятие Рима имело принципиальное значение. "Твой подвиг, - упрекал он в этой связи Бонапарта, - ограничился лишь несколькими миллионами римских экю"⁴⁷⁷.

Крайне отрицательно Марешаль оценивал в памфлете и итоги итальянской кампании, завершившейся мирным договором в Кампо-Формио (Пассариано) в октябре 1797 года. Автор считал, что Бонапарт должен был отказаться от перемирия и идти на Вену, чтобы освободить немцев и поляков. "100 тысяч французских республиканцев во главе с Бонапартом, - восклицал он, - могли сделать больше, чем завоевать мир, они могли бы вернуть независимость Италии", а генерал, по его словам, "предал Венецию"⁴⁷⁸. В конце концов, двусмысленное поведение Бонапарта дало С.Марешалю основание подозревать в его лице "будущего тирана"⁴⁷⁹. Вместе с тем, писателя волновал и другой вопрос: каким путем пойдет Бонапарт в случае успеха своих честолюбивых замыслов? Ответ на него, по всей видимости, оставался для писателя-демократа еще неясным. Как известно, в ходе английской буржуазной революции, пример которой был еще достаточно свеж во Франции конца XVIII столетия, определились два пути развития реакции, связанные с именами Кромвеля и Монка. Роль этих генералов, сыгранная при укрощении политической бури

в Англии, была, конечно, хорошо известна и С.Марешалю. Не случайно, он пришел к выводу, что Бонапарт будет не прочь восстановить во Франции монархию. "Я не вижу, - писал Марешаль по этому поводу, - что может помешать генералу, который провозглашает тост за здоровье императора раньше, чем за французскую республику, сказать: Я дам вам короля по моему вкусу, или трепещите, ваше неповиновение будет наказано". Впрочем, писатель заметил, что Бонапарт не чужд и "гнусных манер Кромвеля"⁴⁸⁰.

Несмотря на откровенную неприязнь и подозрительность к Бонапарту, писатель не мог отрицать его военный гений. Потому он не терял надежды склонить генерала к созданию общеевропейской федеративной республики во главе с Францией⁴⁸¹. Это была дань старой теории, "возрождение внешнеполитической концепции крайних демократов, мечтавших о том, что с силой оружия обеспечить освобождение народов Европы от крепостнических монархий и основать федерацию демократических республик"⁴⁸².

Впоследствии, подводя итоги этим иллюзиям, Ф.Буонарроти писал: "Бонапарт, в силу твердости его характера и авторитета его военных подвигов, мог бы стать восстановителем французской свободы, но будучи вульгарным честолюбцем, он предпочел нанести ей последние удары; он держал в своих руках благо Европы, а стал бичом для нее..."⁴⁸³.

Трудно сказать, какими источниками пользовался С.Марешаль при написании своего памфлета. По крайней мере, это была чрезвычайно быстрая реакция на события в Италии. Бонапарт, прибывший в Париж в декабре 1797 года, уже мог ознакомиться с содержанием этого малоприятного для него "письма".

Памфлет Марешаля получил широкую известность и за пределами Франции: он был переведен на итальянский, а затем и на польский языки⁴⁸⁴. В последующие годы, по-прежнему пристально наблюдая

⁴⁷⁶ Мишле Ж. Народ. М., 1965. С.127.

⁴⁷⁷ *Revue historique*1912.N1. P.126.

⁴⁷⁸ *Ibid.* P.126-127.

⁴⁷⁹ *Ibid.* P.126.

⁴⁸⁰ *Revue historique*1912.N2. P.310.

⁴⁸¹ *Ibid.* P.312.

⁴⁸² Сафонов С.С. Сильвен Марешаль против генерала Бонапарта... С.83.

⁴⁸³ Буонарроти Ф. Указ. соч. Т.I. С.189.

⁴⁸⁴ Skrzypek M. Sylvain Maréchal a Polska // *Buhemer-Przegląd religioznawczy*. Warszawa, 1969.N4(74). S.61.

за восхождением Наполеона Бонапарта, писатель неоднократно обращался к этой теме.

В 1799 году, за несколько месяцев до переворота 18 брюмера, в Париже было анонимно опубликовано новое сочинение С.Марешаля под названием "Путешествия Пифагора". Книга имела несомненный успех. Кроме Парижа она была почти одновременно издана в некоторых других крупных городах Франции и Европы, например, в Базеле, Бресте, Мёце, Страсбурге, Вене и Берлине⁴⁸⁵.

Анонимные "Путешествия" были весьма благосклонно встречены в официальных кругах французской столицы. В немалой степени этому способствовал старый друг писателя Р.-П.-Ф.Моран, в то время депутат Совета Старейшин⁴⁸⁶. Он представил книгу на ассамблее этой палаты 7 марта 1799 года с весьма лестным для автора отзывом, характеризующим данное сочинение в качестве литературного памятника эпохи⁴⁸⁷. В заключение своего выступления Моран обратился к Совету с просьбой о внесении этой характеристики, как дани уважения автору, в протокол заседания и передаче труда в библиотеку Законодательного корпуса. Эти предложения были приняты, так как выступление Морана произвело на присутствующих благоприятное впечатление⁴⁸⁸. Вполне вероятно, что действия Морана по популяризации книги С.Марешаля не носили случайный характер. Скорее всего, он хорошо знал имя пожелавшего остаться неизвестным автора.

Успеху книги способствовала сложившаяся во Франции политическая обстановка. Переворот, происшедший 9 термидора 1794 года, означал завершение Великой французской революции и переход к буржуазной контрреволюции. "При Директории, — отмечал К.Маркс, — стремительно вырывается наружу и бьет ключом настоящая жизнь буржуазного общества"⁴⁸⁹. Вместе с тем, несмотря на победу, одержанную над бурбонами в 1789-1792 гг., а затем в 1794-1795 гг. и над

⁴⁸⁵ Dommanget M. Op. cit. P.349.

⁴⁸⁶ Рене-Пьер-Франсуа Моран из Ниора — бывший комиссар исполнительной власти, в 1796 году работник канцелярии министерства полиции. По мнению М.Домманже и некоторых других исследователей, Моран приложил немало усилий для того, чтобы спасти С.Марешаля от ареста, как активного участника бабувистского заговора.

⁴⁸⁷ Dommanget M. Op. cit. P.363-364.

⁴⁸⁸ Ibidem.

⁴⁸⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.2. С.136-137.

оим народом, французская буржуазия не сумела добиться стабилизации политического режима. В 1795-1799 гг. страну потрясли крупные выступления как левой, демократической оппозиции, так и правой, роялистской. Не было единства и среди правящей верхушки термидорианцев. Узость социальной базы Республики нотаблей вынуждала Директорию лавировать и искать, в определенные моменты, опору среди оппозиционеров против других. Судорожные метания правительства от либерализма к реакции и наоборот не могли удовлетворить поднимавшую голову после "ужасов" якобинского террора крупную буржуазию, которая желала насладиться плодами победы. Однако, лишь незадолго до брюмерянского переворота, апологеты крупной и средней буржуазии увидели ту силу, на которую можно было опереться для достижения своих целей. Такой силой явилась армия, имевшая неоднократную возможность продемонстрировать свое значение в области внутренней политики. Именно тогда родилась многозначительная и красноречивая фраза: "Закон? Это сабля"⁴⁹⁰. В середине 1799 года идея военного переворота окончательно созрела, оставалось лишь найти "шпагу". И она была найдена в лице Наполеона Бонапарта, который, по словам К.Маркса, "...был олицетворением последнего акта борьбы революционного терроризма против развращенного той же революцией буржуазного общества и его политики"⁴⁹¹.

Роман "Путешествия Пифагора" был опубликован в один из таких устойчивых периодов, накануне падения второй Директории. События 18 и 19 ноября 1799 года, наряду со свержением диктатуры Директории, ознаменовали новое демократическое наступление, когда "в течение двух месяцев неякобинцы одерживали верх над термидористской буржуазией и навязывали ей свою политику общественного спасения"⁴⁹². Результаты поворота политического курса не замедлили сказаться: была восстановлена свобода печати, появились якобинские газеты и демократические клубы. Естественно, что усиление влияния якобинского влияния должно было способствовать успеху политического трактата С.Марешаля, где откровенно пропагандировались демократические идеи.

⁴⁹⁰ Манфред А.З. Наполеон Бонапарт. М., 1971. С.182.

⁴⁹¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.2. С.137.

⁴⁹² Соболев А. Указ. соч. С.289.

В творческом наследии Марешаля роман "Путешествия Пифагора" занимает особое по значимости место. Это было политическое завещание литератора, в котором излагалась его окончательно сложившаяся коммунистическая концепция. Не случайно, сочинение Марешаля включено в "библиографию утопий", составленную новейшими французскими исследователями⁴⁹³. Между тем, оно привлекло внимание ограниченного круга специалистов. В нашей стране изучением идейно-политического содержания романа в разное время занимались Ю.Г.Оксман, Г.С.Кучеренко и С.С.Ланда, а за рубежом — М.Домманже.

Большинство советских исследователей пришло к выводу, что Марешаль и после разгрома "заговора равных" оставался сторонником революционной доктрины Г.Бабефа. В этой связи роман "Путешествия Пифагора" рассматривался в качестве важного тому доказательства. Например, Ю.Г.Оксман категорично утверждал, что символическая фигура греческого философа Пифагора скрывает образ самого Бабефа⁴⁹⁴. Противником радикализации изложенных в романе политических воззрений выступал М.Домманже. Французский исследователь характеризовал автора "Путешествий Пифагора", прежде всего, как сторонника "мирной эволюции и просвещения"⁴⁹⁵. К оригинальным выводам пришел, изучая это сочинение, ленинградский историк С.С.Ланда. По его мнению, наряду с идеями утопического социализма, здесь пропагандировалась необходимость создания тайного общества, организационная структура которого мало чем отличалась от "Ордена иллюминатов" Адама Вейсгаупта⁴⁹⁶.

Античный сюжет был традиционен для общественно-политической литературы Франции конца XVIII столетия⁴⁹⁷ и зачастую представлял собой ни что иное, как тонко построенную мистификацию, в которой современники без труда находили параллели с окружающей действительностью. В этом плане не был исключением и роман Марешаля,

тем более, что данный прием был старым и испытанным средством писателя. О псевдоисторизме "античного" романа С.Марешаля убедительно свидетельствует образ самого Пифагора (ок. 571–497 гг. до н.э.). Один из выдающихся математиков древней Греции, идеолог рабовладельческой аристократии и философ-идеалист, рассматривающий "число, количественную определенность, как сущность вещей"⁴⁹⁸, предстал перед XVIII веком совершенно в ином свете. Стараниями радикальных писателей эпохи Просвещения, а затем и Великой французской революции, Пифагор был "модернизирован"⁴⁹⁹ в духе времени и превращен в философа-материалиста, основателя тайных политических обществ радикального направления и даже в пропагандиста коммунистических идеалов. О том, насколько прочно ассоциировался в понятии современников С.Марешаля образ древнего мудреца и революционера-демократа, свидетельствует список великих людей, составленный Ф.Буонарроти незадолго до своей смерти. Здесь, наряду с именами Миноса, Ликурга, Сократа, Платона, а также Бабефа и Дарта, упоминался Пифагор, которому предпослана следующая эпитафия: "Проповедник равенства и добродетели, он основал многочисленные Республики, построенные по принципу общинной жизни"⁵⁰⁰. Вполне вероятно, что немалое влияние на такую оценку деятельности Пифагора оказала книга С.Марешаля.

Автором сочинения подобного жанра, известного под названием "Пифагор, или искусство тайно управлять государством и обществом", был, к примеру, иллюминат А.Вейсгаупт⁵⁰¹. Кроме того, как сообщал русский историк В.И.Семевский, образ древнегреческого философа привлекал особое внимание французских писателей-масонов⁵⁰². Но, по-видимому, именно в интерпретации С.Марешаля Пифагор окончательно лишился своих античных покровов и приобрел черты фантастического персонажа, который ловко использовался для пропаганды радикальных общественно-политических взглядов. Эту

⁴⁹³ Hartig J., Soboul A. Pour une histoire de l'utopie en France au XVIIIe siècle. Paris, 1977. P.79.

⁴⁹⁴ Оксман Ю.Г. Указ. соч. С.484.

⁴⁹⁵ Dommanget M. Op. cit. P.337.

⁴⁹⁶ Ланда С.С. Дух революционных преобразований. Из истории формирования идеологии и политической организации декабристов 1816–1825. М., 1975. С.272–273.

⁴⁹⁷ Дементьев Э.Г. Философский роман в эпоху французской революции: 1789–1794 гг. // Вестн. Ленингр. ун-та. Л., 1963. Вып.2. № 66. С.77.

⁴⁹⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.20. С.570.

⁴⁹⁹ Дементьев Э.Г. Указ. соч. С.81.

⁵⁰⁰ Saitta A. Filippo Buonarroti. Contributi alla storia della sua vita e del suo pensiero. V.1–2. Roma, 1950–1951; V.2. P.44.

⁵⁰¹ Ланда С.С. Указ. соч. С.362.

⁵⁰² Семевский В.И. Политические и общественные идеи декабристов. СПб., 1909. С.311.

особенность романа всячески подчеркивал и С. Маршалль, не упускавший возможности нагнать внимательному читателю, что речь идет отнюдь не о событиях глубокой древности.

Одной из центральных идей романа С. Маршалля явилась беспощадная критика современного писателю эксплуататорского общественного строя и государства. Еще в ходе революции он пришел к выводу, что замена монархической формы правления на республиканскую не принесла никаких выгод простому народу. Дальнейшие размышления привели его к мысли о необходимости уничтожения государства вообще с тем, чтобы человечество вернулось к благодостовенному "золотому веку". В "Путешествиях Пифагора" С. Маршалль вновь обосновывал необходимость воцарения "естественного состояния" — времени, когда у людей не существовало "другого почитания, кроме преданности сыновей; другого правления, кроме родительских советов"⁵⁰³. Писатель с очевидной симпатией описывал в романе жизнь народа одного из островов Эгейского моря, протекавшую в патриархальной семье. "Всякий из нас, — разъяснял Пифагору островитянин, — живет в семействе спокойно и счастливо... ты найдешь здесь чистый воздух и небольшое поле"⁵⁰⁴, то есть, именно те естественные условия, которые, как считал Маршалль, прежде всего необходимы для благополучия и действительного счастья людей. Поэтому всяческих похвал удостоился в книге Ликург, великий законодатель Спарты, который, как пишет автор, "один осмелился сблизить и соединить гражданское общество с Природой"⁵⁰⁵. Маршалля восхищает первобытно-общинный строй, господствующий у народа по лумифической Икарии⁵⁰⁶. "Такие люди, — подчеркивал писатель, — могли бы занимать не последнее место в истории"⁵⁰⁷. Его внимание привлек также уклад некоего пастушеского племени, живущего "по ту сторону Ливана", где люди не знали государства, управляемые

законными Разума⁵⁰⁸. Это и был, по мнению Маршалля, "исключительный золотой век, который вовсе не существует с тех пор, когда люди... составили Государство"⁵⁰⁹.

Объектом острой критики писателя стала господствующая в обществе частная собственность. "Почитайте все общим, не любите у себя ничего собственного" — провозглашал в романе Маршалль, позавитив пропаганде этого коммунистического принципа немало страши⁵¹⁰. "Неравенство состояний, — убеждал писатель, — главная причина всех зол, угнетающих человечество"⁵¹¹. Характеризуя современное ему общественное устройство, как очевидное попрание великих и неизменных законов Природы, Разума и Добродетели, С. Маршалль склонялся к убеждению, что "из всех правлений на земле... самое твердое есть Республика при общем Равенстве"⁵¹², представляемая им в качестве ассоциации независимых патриархальных общин-коммун.

Главная трудность в изменении существующего порядка вещей заключалась, считал Маршалль, в невежестве простого народа, "который может только терпеть как бессловесное животное, или мстить как зверь, приведенный в ярость"⁵¹³. Именно поэтому в ходе политических потрясений, революций, "простой народ, — писал Маршалль, — подобен слепцу, который без разбора бьет вокруг себя палкой"⁵¹⁴. "Народ, — заключал бывший участник бабувистского заговора, — есть ни что иное, как стадо"⁵¹⁵. Однако, подвергнув уничтожающей критике народные массы и отрицая их революционную инициативу, Маршалль отнюдь не исключал эту грозную силу из числа главных участников предполагаемых коммунистических преобразований. Напротив, писатель и публицист, никогда не принадлежавший к числу оторванных от жизни кабинетных мечтателей, сознавал, что коммунистическая идея, которую он открыто провозгласил в романе,

503 Путешествия Пифагора. Т. I. С. 504-506.

504 Там же. С. 396-397.

505 Там же. Т. 4. С. 220-225.

506 Подобный, правда, сильно модернизированный "икарийский" сюжет был использован позднее Этьеном Кабе. "Если бы Кабе, — писал В. П. Волгин, — не упоминал в своих произведениях о паровых машинах и росте крупной капиталистической индустрии, его систему можно было бы отнести к XVIII веку" — см.: Волгин В. П. Этьен Кабе // Кабе Э. Путешествие в Икарию... Ч. I. С. II.

507 Путешествия Пифагора. Т. 4. С. 362.

508 Путешествия Пифагора. Т. I. С. 504-505.

509 Там же. С. 109.

510 Там же. Т. 6. С. 585.

511 Там же. С. 269-270.

512 Там же. С. 473.

513 Там же. Т. I. С. 341.

514 Там же. С. 346.

515 Там же. Т. 3. С. 78.

предполагала в первую очередь поддержку и сочувствие широких демократических масс. Потому, признавая негежество, забитость и частнособственнические инстинкты народа, а также его явную неспособность добиться освобождения от угнетателей своими силами, писатель с особой настойчивостью подчеркивал, что "народ достоин сожаления, а не посмеяния"⁵¹⁶.

Все это подводило Марешаля к мысли о необходимости первоначального просвещения народа с целью подготовки его к новой борьбе за торжество равенства. "Лишь просвещение, — утверждал писатель, — послужило бы средством и врачеванием против всех человеческих зол"⁵¹⁷. Идея коммунистического воспитания и просвещения народа, несомненно, всецело захватила Марешаля. В этой связи небезынтересно выяснить, какое место в просветительской теории С.Марешаля занимает бабувистская идея народной революции.

Как и в своей атеистической брошюре "Куль и законы общества безбожников" писатель вновь выступает решительным противником поспешных, по его мнению, мер, врагом "вероломных демократов,... провозглашающих равенство единственно для того, чтобы унижить своих соперников"⁵¹⁸. Он прямо говорит об ужасах политической революции, предпринятой прежде сооружения стен, способных ее ограничить⁵¹⁹. Правда, С.Марешаль описывает участие своего главного героя в политических переворотах на Самосе и в Агригенте, но, вероятно, лишь для того, чтобы эти кровопролитные картины послужили еще одним аргументом в пользу политической концепции автора. По его мнению, "чтобы революция была для всех спасительна, она не должна произойти ни от простого народа, ни от самого начальства". "Одному только образованию принадлежит способность улучшить человеческий образ", — заключает писатель⁵²⁰. Все же остальные способы, утверждал С.Марешаль, "по причине чрезмерной стремительности, гораздо более приносят вреда, нежели хороших успехов"⁵²¹. Поэтому единственно возможным и приемлемым путем в

деле практического осуществления идеалов социального равенства для Марешаля было свершение мирной, "нравственной резолюции", в подготовке которой решающую роль должны были сыграть философские школы нравов". Не случайно, в книге подчеркивалось, что их главной задачей должно быть "усовершенствование человеческого рода"⁵²².

Философские школы описываются в романе как составные части тайного общества. Одним из главных организационных принципов школ был "обет молчания", то есть ни что иное, как строжайшая конспирация. Воспитанники разделялись на две категории: посвященных и непосвященных. Таким образом, просвещение в "школах нравов" должно было происходить на различных уровнях, в зависимости от нравственного роста обучаемых. "С одними, — подчеркивал в книге Пифагор, — я буду говорить только символами и через занавес, но другие, в меньшем числе, будут допущены ко мне для созерцания обнаженной истины"⁵²³. Для членов пифагорейских школ вводились специальные тайные отличительные знаки: "при написании писем — пятиугольных жрецов", а в обиходе — кольцо с символом — "светильник под покрывалом"⁵²⁴.

Таким образом, не политический переворот, а коммунистическое воспитание народа, в том числе и правителей⁵²⁵, в ходе которого "без междоусобных войн небольшая толпа просвещенных и благонамеренных людей сделает переворот повсюду, где они не пройдут"⁵²⁶ — вот новое политическое кредо писателя-демократа.

К аналогичным выводам еще задолго до выхода в свет сочинения Марешаля пришел профессор Ингольштадского университета в Баварии Адам Вейсгаупт (1748—1830). Страстный поклонник естественно-правовых и эгалитарных идей Ж.-Ж.Руссо, он ясно видел, что идеи Просвещения не в состоянии изменить существующего в обществе социального и политического неравенства. С целью практического преобразования мира в 1776 году Вейсгауптом было создано тайное политическое общество, известное как "Орден иллюминатов" или

⁵¹⁶ Пифагоровы законы и нравственные правила. С.30 (§ II9).

⁵¹⁷ Путешествия Пифагора. Т.3. С.318.

⁵¹⁸ Там же. Т.2. С.50.

⁵¹⁹ Там же. Т.6. С.47.

⁵²⁰ Там же.

⁵²¹ Там же. С.476.

⁵²² Путешествия Пифагора. Т.6. С.490.

⁵²³ Там же. С.616.

⁵²⁴ Там же.

⁵²⁵ Там же. С.493.

⁵²⁶ Там же. Т.5. С.300.

"преступных". Осуществление возвышенных идеалов Просвещения предполагалось путем морального и нравственного перевоспитания людей. Идеи политического переворота решительно отвергались, так как свобода, по мнению А.Вейсгаупта, — благо, которое народы не могут сразу освоить⁵²⁷. Этим целям была подчинена организационная структура "ордена", окончательно оформившаяся в 1779–1782 гг. Иллюминаты были разделены на множество ступеней, которые должны были соответствовать их моральному росту. Строжайшая дисциплина и конспирация оберегали "орден" от раскрытия, а также обеспечивали ему необходимое влияние в стране. В 1782 году на масонском конгрессе в Вильгельмсбаде иллюминаты предприняли попытку подчинить своему влиянию многочисленные и разрозненные системы "вольных каменщиков"⁵²⁸. Этот шаг положил начало деятельности радикального масонства, которое длительное время служило легальным прикрытием "Ордена иллюминатов", а впоследствии и других тайных политических обществ во многих европейских странах. Особенность конспиративной тактики иллюминатов не ускользнула от внимания современников. Так, один из идеологов контрреволюции аббат Баррюэль в своих мемуарах подчеркнул, что "они прикрывают себя заветом франк-масонства для того единственно, чтобы быть в безопасности"⁵²⁹.

Разгром "Ордена иллюминатов" (1786 г.) явился убедительным свидетельством несостоятельности просветительской программы Вейсгаупта. Тем не менее, деятельность иллюминатов оставила заметный след в политической и общественной жизни Европы конца XVIII — первой четверти XIX вв.

Большой популярностью идеи Вейсгаупта пользовались во Франции, где их сторонником был, например, один из основателей и руководителей "Социального кружка" Н.Бонвилль. Это влияние на демократическую организацию времен Великой французской революции под-

черкнул, в частности, В.М.Далин, признавая ее "в известной мере... ответвлением немецких масонов-иллюминатов"⁵³⁰.

Таким образом, интерес С.Марешаля к просветительской конспирации, явственно прослеживаемый в романе "Путешествия Пифагора", был отнюдь не случаен и явился, скорее всего, следствием идейного влияния масонских лож и проиллюминатского кружка его друга Бонвилля. Подобное предположение тем более оправдано, что поклонником конспиративной тактики А.Вейсгаупта был, в частности, и Ф.Буонаротти⁵³¹.

Бурные события, сопутствовавшие восхождению к власти Наполеона Бонапарта, не снизили интереса к книге С.Марешаля. В январе 1803 года в Париже появилась масонская ложа "Пифагор", составленная, по-видимому, из сторонников писателя⁵³².

Об окончательном разрыве С.Марешаля с политической программой бабуизма свидетельствует также и то обстоятельство, что он не был причастен ни к одному из многочисленных заговоров, организованных якобинцами и бабувистами против Бонапарта в 1799–1801 годах. Между тем, в этих заговорах принимали активное участие такие бабувисты, как Дюфур, Шапель, Дидье и, возможно, члены Директории Бабефа — Лепелетье и Антонелль⁵³³. Об окончательном отдалении С.Марешаля от активной политической деятельности свидетельствует и тот факт, что его фамилия не значилась в знаменитом проскрипционном списке Ж.Фуше, при помощи которого Наполеон рассчитывал расправиться с демократической оппозицией в стране. Правда, у полиции все же имелись компрометирующие сведения против С.Марешаля. С ним поддерживал какие-то связи журналист Бернар Метж, участник заговора Шапеля (июль–октябрь 1800 г.). В результате в руки полиции попала записка, где речь шла о дне и часе их встречи⁵³⁴. Трудно сказать, каковы были мотивы, побудившие

⁵³⁰ См.: Проблемы советско-итальянской историографии. Материалы советско-итальянской конференции историков 12–14 октября 1964 г. М., 1966. С.251.

⁵³¹ Берти Д. Демократы и социалисты в период Рисоржименто. М., 1965. С.141.

⁵³² Paris sous le Consulat ... Т.3. Р.574, 609.

⁵³³ Туган-Барановский Д.М. Наполеон и республиканцы (Из истории республиканской оппозиции во Франции в 1799–1812 гг.). Саратов, 1980. С.41–49.

⁵³⁴ Туган-Барановский Д.М. Указ. соч. С.49.

⁵²⁷ Лаца С.С. Указ. соч. С.264–265.

⁵²⁸ Francovich C. Storia della massoneria in Italia della origine alla rivoluzione Francese. Firenze, 1974. P.335–354.

⁵²⁹ Записки о якобинцах, открывающие все противу Христианские злоумышления и тайнства масонских лож, имеющих влияние на все Европейские державы / Пер. с франц. Т.1–6. М., 1805–1808. Т.4. С.69.

бывшего бабувиста вступить в эту опасную связь, неизвестны и ее последствия. В 1801 году С.Марешаль покинул бурлящий политическими страстями Париж, посвятив последние месяцы своей жизни преимущественно атеистическому литературному творчеству.

В последних философских трактатах С.Марешаля, по традиции, значительное место отведено рассмотрению социально-политических проблем. Таков, например, замысел упомянутой брошюры "Культе и законы общества безбожников". Столь же далеко от абстрактных рассуждений содержание "Французского Лукреция" — последней книги из серии философских поэм писателя. Ее автор выступал не только как антиклерикал, но и как убежденный республиканец. "Я ненавижу богов, — заявлял С.Марешаль, — ибо они порождают королей"⁵³⁵. "При республиканском строе вовсе не должно быть священников"⁵³⁶. — добавлял он в одном из фрагментов своего обширного сочинения. По мнению С.Марешаля, место религии в душах людей должны были занять естественные обряды. К таковым он относил патриархальный культ отцовства (le culte paternel). Писатель противопоставлял его всем божествам и признавал единственно законным⁵³⁷.

В обширном послереволюционном атеистическом наследии С.Марешаля, несомненно, выделяется "Словарь древних и новых атеистов". Его появление накануне заключения конкордата с папой было смелым вызовом диктатуре Первого консула. Вполне вероятно, что разразившийся в этой связи скандал оказался непосредственной причиной, вынудившей литератора покинуть столицу.

О степени неудовольствия самого Бонапарта, который заметил сочинение С.Марешаля, свидетельствует следующий факт. В 1805 году, в ответ на публикацию "Приложений к словарю атеистов", составленных другом умершего писателя, астрономом Ж.Лаландом, французский император запретил ему выступать в печати. "Член института, писал разгневанный Наполеон Бонапарт, — ранее известный своей эрудицией, но теперь впавший в детство, не понимает, что ему пора земолчать, и хочет во что бы то ни стало заставить говорить о себе"⁵³⁸.

⁵³⁵ Maréchal S. Le Lucrèce française P.200.

⁵³⁶ Ibid. P.163.

⁵³⁷ Ibid. P.195.

⁵³⁸ Сзв Л. Современная французская философия. М., 1968. С.62.

"Словарь атеистов" состоял из множества отрывков антирелигиозного содержания, специально подобранных автором в сочинениях видных мыслителей всех времен и народов. Соавторами С.Марешаля оказались: П.Абеляр, Т.Гоббс, Ф.Вольтер, К.Гельвеций, П.Гольбах, Д.Дидро, К.Вольней⁵³⁹. Писатель не забыл и о собственных атеистических "заслугах": в книге помещен небольшой фрагмент, повествующий о его философских воззрениях⁵⁴⁰.

Необходимо также заметить, что многие из фигурирующих в книге лиц на самом деле не были атеистами (например, Нинон де Ленкло, "вавилонская блудница" Евдокия, Д.Беркли). Это обстоятельство послужило одним из предлогов для резкой критики С.Марешаля со стороны реакционеров и клерикалов⁵⁴¹.

Особого внимания в "Словаре атеистов" заслуживает "Вступительное рассуждение...". Говоря о происхождении религии, С.Марешаль вновь связывал это событие с образованием государства, гражданского общества и деспотической власти. "Понятие бога, — констатировал он, — существовало не всегда. Было время, когда человек, живя в семье и для семьи, не знал иного авторитета, кроме авторитета своего отца"⁵⁴². В этой фразе отчетливо прослеживается традиционное стремление С.Марешаля к идеализации "естественного состояния". Критикуя устои современного общества, писатель не мог избежать своей излюбленной темы. "Золотой век" представлял перед читателями как то далекое время, когда человек жил, "не зная ни науки, ни пороков, ни социальных добродетелей, ни преступлений"⁵⁴³. Отстаивая свой общественный идеал, С.Марешаль категорически возражал против причисления "естественного" человека к разряду варваров и людоедов.

Какие же пути намечались писателем-атеистом для преодоления религиозных заблуждений людей? Для С.Марешаля они были очевидны —

⁵³⁹ Показательно, что С.Марешаль не обратился к творческому наследию своего прежнего кумира Ж.-Ж.Руссо. Спустя год, в книге "За и против Библии", писатель прямо подчеркивал свои расхождения с Руссо, характеризуя его "самым красноречивым, но не самым мудрым писателем XVIII века" (см.: Марешаль С. Избранные атеистические произведения... С.266-267).

⁵⁴⁰ Maréchal S. Dictionnaire des athées P.459-461.

⁵⁴¹ Damiron Ph. MémoiresT.2. P.448-460.

⁵⁴² Марешаль С. Избранные атеистические произведения... С.193.

⁵⁴³ Там же.

это возвращение к "золотому веку". "Да! - восклицал он, - Истинный атеист - это человек золотого века"⁵⁴⁴.

Вместе с тем, автор "Словаря атеистов" не мог не считаться с реальной действительностью и потому предложил ряд конкретных мер способных, по его мнению, привести к постепенному освобождению человечества от пут религий. Главная роль в атеистической деятельности отводилась им правительству, которое, дабы избежать религиозных конфликтов, должно было провозгласить свободу вероисповеданий. Одновременно предполагалось вести атеистическую пропаганду, с тем, чтобы показать "абсурдность и несуразность всех культов"⁵⁴⁵. Признавая малоэффективность подобных методов, писатель предсказывал торжество истины в отдаленном будущем. Но опасаясь политических смут и стремясь отыскать компромиссные пути в достижении своих идеалов, он всячески подчеркивал необходимость лояльности атеистов к существующим институтам власти. "Истинный атеист, - утверждал писатель, - это мирный и скромный философ"⁵⁴⁶. С особым неудовольствием С.Марешаль указывал на антиклерикальную деятельность М.Робеспьера, который, по его мнению, "преследовал атеистов"⁵⁴⁷.

Скромным надеждам писателя не суждено было сбыться: 17 июля 1801 года Франция завершила сближение с Ватиканом. В своем последнем атеистическом сочинении, озаглавленном "За и против Библии", С.Марешаль пришел к выводу о необходимости более решительных антирелигиозных мер. Так, он призывал уничтожить Библию и Евангелие, не останавливаясь, в случае необходимости, перед запрещением всех книг вообще⁵⁴⁸. В качестве первого шага на этом пути С.Марешаль предлагал принять закон, который запрещал чтение книг женщинам⁵⁴⁹.

Сложившаяся на рубеже XVIII и XIX столетий социально-политиче-

⁵⁴⁴ Марешаль С. Избранные атеистические произведения... С.194.

⁵⁴⁵ Там же. С.210.

⁵⁴⁶ Там же. С.215.

⁵⁴⁷ Там же. С.204.

⁵⁴⁸ Там же. С.350.

⁵⁴⁹ С этой целью писатель подготовил и опубликовал специальный законопроект, состоящий из 113 пунктов (см.: Maréchal S. *Projet d'une loi portant défense d'apprendre à lire aux femmes*. A Paris, an IX (1801)).

кая концепция С.Марешаля не менее полно отражена в его исторических сочинениях. Одна из книг нового жанра - "Всеобщая история в лапидарном стиле".

В целом писатель был по-прежнему далек от действительно научных обобщений и не сумел понять истинных причин, направляющих деятельность людей. В его интерпретации, история - не более, чем наглядная иллюстрация заблуждений и добродетелей.

Согласно мнению С.Марешаля, начало человеческой истории было участливым и безоблачным. Это было время "золотого века" и "люди - дети обычаев, чуждые как порокам, так и добродетелям, счастливо жили в простоте и невинности в своих семьях"⁵⁵⁰. Но, как с сожалением отмечал писатель, ему все же был положен конец. "Нечастые человеческие роды, - утверждал С.Марешаль, - датируются тем моментом, когда человек перестал видеть равного в себе подобном"⁵⁵¹. Возникновение частной собственности и гражданского общества разрушило патриархальный век, век мирного единства человека и природы.

Становление общественной организации происходило, по мнению С.Марешаля, путем непрерывной цепи насилий и преступлений. "Кровь связала основателей первых городов и преступление осквернило их", - писал он в своей книге⁵⁵².

Поставив под сомнение просветительскую теорию возникновения государства, С.Марешаль вплотную подошел к мысли о классовой природе данного процесса. Однако этот вывод не мог получить дальнейшего развития и лишь продемонстрировал глубину его рассуждений.

Подчеркивая политическую роль религии, С.Марешаль, наряду с периодом "золотого века", выделял в истории три эпохи: Моисея, Иисуса Христа и Магомета. Несмотря на то, что в основе этой периодизации лежал принцип распространения религиозных культов, в центре внимания писателя оставалась политическая история цивилизации и ее критическое освещение.

Марешаль завершил свое исследование описанием событий средневековья. Таким образом, он не касался здесь истории Великой фран-

⁵⁵⁰ (Maréchal S.). *Histoire universelle en style lapidaire*. Paris, 1800. P.3.

⁵⁵¹ Ibid. P.4.

⁵⁵² Ibidem.

цузской буржуазной революции. И все же концепция автора не оставляла у читателей сомнений относительно его негативной оценки и этих, близких по времени, событий.

Не менее интересен в изложении С.Марешаля очерк русской истории от мифического Обрина до правления "просвещенной" Екатерины. Он открывался описанием эпохи "золотого века", которая была разрушена тиранией норманнского герцога⁵⁵³. Так же, как и в других странах, подчеркивал исследователь, установление монархической формы правления на Руси сопровождалось насилием и грандиознейшими преступлениями. К числу монархов-преступников С.Марешаль относил даже Петра I, который "отстранил от правления своего брата, обрек на заточение сестру и обезглавил сына Алексея"⁵⁵⁴. Любопытно, что эти "деяния" русского царя не заслонили от С.Марешаля его действительной исторической роли. Так, писатель пришел к выводу, что "Петр I не был тираном". "Это был добродетельный государь, - отмечал он, - который употребил свою славу на счастье своего народа"⁵⁵⁵. Подобным же исключением из общего правила С.Марешаль, по-видимому, признавал деятельность "Северной Семирамиды". Он писал о Екатерине II как о "самом замечательном историческом феномене XVIII столетия"⁵⁵⁶. Не случайно, именно этому историческому лицу он приписывал авторство так называемого "Завещания Екатерины II" - литературной мистификации собственного сочинения, в котором обличался деспотизм⁵⁵⁷.

Последнее сочинение С.Марешаля - "Трактат о Добродетели" - увидело свет после смерти автора. Оно написано в форме советов тем людям, которые хотели бы стать действительно добродетельными. "Что такое Добродетель? - вопрошал здесь Марешаль и отвечал, - философия в действии"⁵⁵⁸. Автор трактата превозносил Добродетель как средство избавления от многочисленных заблуждений человечества, как "единственный закон свободных людей"⁵⁵⁹. Одновременно

⁵⁵³ (Maréchal S.). *Histoire de la Russie, réduite aux seuls faits importants*. A Londres, Et se trouve à Paris. An X (1802). P.6.

⁵⁵⁴ Ibid. P.274.

⁵⁵⁵ Ibid. P.218.

⁵⁵⁶ Ibid. P.349.

⁵⁵⁷ Лихоткин Г.А. Указ. соч. С.67-77.

⁵⁵⁸ Maréchal S. *De la vertu ...* . P.160.

⁵⁵⁹ Ibid. P.82.

писатель обращал внимание на то обстоятельство, что эта категория недостаточно известна и популярна в человеческом обществе. "Я знаю, - писал Марешаль, - почему в мире наиболее распространены ум и дарование, нежели Добродетель: это происходит вследствие того, что Добродетель не обеспечивает быстрой и блестящей известности"⁵⁶⁰.

Влияние Добродетели переносилось С.Марешалем и в политическую область. "Одного добродетельного человека, - подчеркивал он, - достаточно, чтобы устроить великую политическую революцию и воспрепятствовать возвращению великого покушения всех против всех" (то есть гражданской войны. - С.К.)⁵⁶¹.

Сквозь призму своего морально-политического учения бывший булавист оценивал итоги минувшей революции. Он подчеркивал, что "французская революция напоминала трагедию Шекспира". "Здесь, - по его словам, - имели место смесь возвышенных сентиментальностей и низких страстей; добродетельные черты и смерзительные картины"⁵⁶². Вновь и вновь писатель повторял основные идеи своего романа "Путешествия Пифагора". "Когда народ ощутит нужду в великой революции, - проповедовал писатель, - он не станет делать ее самостоятельно, а также при помощи горсти услужливых людей, которым подчиняются его руки и головы; для этого ему достаточно обратиться за помощью к добропорядочному человеку"⁵⁶³.

Как автор "Трактата о Добродетели", С.Марешаль по-прежнему республиканец. Однако его идеи претерпели к началу столетия качественные изменения. В отличие от республиканца-революционера, каким он был в 1789, 1793 и 1796 гг., здесь отчетливо вырисовывался образ республиканца-либерала, скрывавшего свой страх и свое неверие в революцию за мишурой многословных рассуждений о революционной роли Добродетели. "Революционные и демократические страсти, - утверждал он, - приводят свои жертвы к философии и религии, но они совершенно недостаточны для обретения Добродетели"⁵⁶⁴.

⁵⁶⁰ Maréchal S. *De la Vertu ...* . P.84.

⁵⁶¹ Ibid. P.100.

⁵⁶² Ibid. P.154.

⁵⁶³ Ibid. P.84.

⁵⁶⁴ Ibid. P.143.

Жизненный путь писателя-демократа завершился 18 января 1803 года. Его смерть вызвала большой резонанс и была замечена тайной полицией Наполеона. В кратком еженедельном обзоре столичной прессы отмечалось: "Газеты сообщают о смерти Сильвена Марешаля, автора нескольких небольших сочинений, в которых он проявил более легкомыслия, нежели таланта"⁵⁶⁵. Сразу же заметим, что приведенные строки не дают ни малейшего представления о подлинном значении творчества писателя. Однако появление этого бюллетеня со всей очевидностью доказывает, что власти держали Марешаля под пристальным наблюдением, не без оснований усматривая связь между его книгами и деятельностью "фракции, занятой потрясением всех социальных основ"⁵⁶⁶.

Завершающий этап идейной эволюции С.Марешаля проходил в условиях буржуазной реакции, еще более усилившей его недовольство итогами минувшей революции. Вера в грядущее торжество коммунистических принципов сблизила писателя с демократической оппозицией и привела в ряды участников "заговора во имя равенства". Подготовка к новому революционному выступлению обострила противоречия между "общинным коммунизмом" Марешаля и "доктриной Бабефа", предполагавшей установление демократической диктатуры с последующим созданием во Франции централизованного коммунистического государства. Стремление бабувистов объединить свои усилия с другими оппозиционерами, в частности, с якобинцами, породило у С.Марешаля неверие в конечный успех движения "равных". Практические шаги Тайной директории, предпринятые в этом направлении, отдалили писателя от заговорческой деятельности.

Разрыв с "заговором" Г.Бабефа привел Марешаля к постепенной переоценке политических убеждений, опиравшихся ранее на требование революционного провозглашения "общности имуществ", и к отказу от непосредственного участия в политической борьбе. Он все более склонялся к выводу о необходимости первоначального нравственного перевоспитания людей. Утверждение в мировоззрении С.Марешаля идея "нравственной революции" свидетельствовало о завершении его отхода от революционно-коммунистического учения Г.Бабефа. Этот поворот предопределил появление во взглядах писателя либеральной концепции "мирного" коммунизма.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Эволюция социально-политических взглядов С.Марешаля сложна и противоречива. Достаточно напомнить, что она пришлась на последние десятилетия XVIII века. И все же, главная тенденция в рассматриваемом процессе прослеживается предельно ясно – это зарождение и становление утопическо-коммунистической концепции.

Уже в начале пути, оказавшись свидетелем распада феодально-монархического строя, молодой литератор без колебаний перешел в лагерь противников "старого порядка". В это же время, будучи поклонником эгалитарных идей Руссо, он подверг резкой критике социальные устои современного ему общества.

Революционный период еще более сблизил С.Марешаля с общественно-политической жизнью страны. Этот человек шел в ногу со временем и его перо чутко реагировало на происходившие вокруг перемены. В сочинениях писателя прозвучали требования глубоких и решительных перемен, способных обеспечить торжество справедливых общественных отношений. Хотя С.Марешаль не стал якобинцем и выступал противником Робеспьера, он может быть отнесен к числу идеологов-демократов, отвергавших итоги буржуазной революции.

Фактическое сохранение буржуазными революционерами "статус-кво" в социальной области привело С.Марешаля к идее коммунистической, "истинной революции". Отстаивая интересы плебейских масс, он не остановился перед требованием уничтожить главный, по его мнению, источник имущественного неравенства – гражданское общество. Возникшую лакуну должна была заполнить чуждая собственности ассоциация патриархальных общин.

Дружеские отношения с Г.Бабефом окончательно склонили Марешаля к коммунистическим идеалам. Он стал одним из организаторов и руководителей "заговора равных". Однако участие в бабувистском

⁵⁶⁵ Paris sous le ConsulatТ.3. Р.594-595.

⁵⁶⁶ Ibid. Р.320.

движении привело писателя к разочарованию в революционных методах борьбы. В решающий момент С.Марешаль покинул ряды заговорщиков.

Новая политическая концепция С.Марешаля, сложившаяся на рубеже XVIII и XIX столетий, прежде всего – результат неудовлетворенности итогами Великой революции. Ее принципы спустя десятилетие предстали перед демократами во всей своей неприглядности, оказавшись принципами буржуазной эксплуатации и попрания республиканских основ. Ни Законодательное собрание, ни Конвент, ни одна из политических партий, включая якобинцев, не принесли желаемых перемен. Один из друзей Марешаля, астроном Ж. Де Лаланд с горечью констатировал: "Настоящее не оправдало надежд многих людей, а их стремления к свободе остались далеки от осуществления"⁵⁶⁷. В этой связи представляется вполне естественной, имевшая место среди идеологов коммунистической системы, постепенная переоценка прежних политических лозунгов. Растущее неверие в революцию, как в средство достижения подлинного равенства, надломленность и идейный кризис переживали в послереволюционный период многие единомышленники писателя: Н.Ретиф де ля Бретон, М.Кюбьер, Н.Бонвилль, П.Доливье, Н.Ернье.

Эволюция взглядов С.Марешаля в последние годы жизни – это путь типичного представителя революционной мелкобуржуазной демократии, "коммунистического буржуа"⁵⁶⁸, со всеми свойственными ему колебаниями и политическими иллюзиями. Если ход революции и ее напрасные, по мнению писателя, жертвы лишь поколебали его веру в целесообразность насильственных мер, то последующие события убедили Марешаля в необходимости поиска иных путей к "золотому веку". В качестве своего варианта он выдвинул идею воссоздания просветительской конспирации и теорию "мирного" коммунизма, которая получила дальнейшее развитие в творчестве утопистов XIX века.

"К несчастью, – писал в своей книге Ф.Буонарроти, – люди, проникнутые теориями о свободном и мирном социальном строе, обычно с трудом постигали природу чрезвычайной и необходимой власти,

при посредстве которой нация может полностью овладеть свободой, несмотря на коррупцию, являющуюся следствием ее прежнего порабощения, вопреки козням и враждебным действиям внутренних врагов, замысливающих заговоры против нее"⁵⁶⁹. Эти исполненные горечи и сожаления слова, несомненно, во многом передают своеобразизм идейной эволюции и политической деятельности Сильвена Марешаля.

х х х

х

⁵⁶⁷ См.: Павлова Г.Е. Жозеф Жером Франсуа Лаланд (1732–1807). Л., 1967. С.71.

⁵⁶⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.3. С.214.

⁵⁶⁹ Буонарроти Ф. Указ. соч. Т.I. С.II4.